

Джонатан Уолкер

ОПЕРАЦИЯ «НЕМЫСЛИМОЕ»

Третья мировая война

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

ISBN 978-5-4444-5885-3

9 785444 458853

Книга британского историка Джонатана Уолкера рассказывает о планах агрессии Великобритании и США против Советского Союза. Просчитанные и циничные замыслы против вчерашнего союзника раскрываются перед читателями. Несмотря на это, автор полностью оправдывает англо-американское командование и далек от объективности в описании

Красной армии и жизни СССР.

Издание данной книги наглядно свидетельствует, что уже в те времена наши бывшие союзники готовили удар в спину Советскому государству.

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Д. Уолкер

ОПЕРАЦИЯ «НЕМЫСЛИМОЕ»

Третья мировая война

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Москва
«Вече»

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(2)62
У63

Перевод с английского Д.А. Налепиной

Jonathan Walker
Operation Unthinkable. The Third World War:
British Plans to Attack the Soviet Empire 1945

The History
Press Ireland
2013

Уолкер, Д.

У63 Операция «Немыслимое». Третья мировая война /
Д. Уолкер ; [пер. с англ. Д.А. Налепиной]. — М. : Вече,
2017. — 320 с. : ил. — (Военно-историческая библиотека).

ISBN 978-5-4444-5885-3

Знак информационной продукции 12+

Книга британского историка Джонатана Уолкера рассказывает о планах агрессии Великобритании и США против Советского Союза. Просчитанные и циничные замыслы против вчерашнего союзника раскрываются перед читателями. Несмотря на это, автор полностью оправдывает англо-американское командование и далек от объективности в описании Красной армии и жизни СССР.

Издание данной книги наглядно свидетельствует, что уже в те времена наши бывшие союзники готовили удар в спину Советскому государству.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-4444-5885-3

© Jonatan Walker, 2013
© Налепина Д.А., перевод
на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Вече», 2017

*Посвящается профессору Питеру Симкинсу,
ведущему историку и действительному члену CWRRT
(Cabinet War Rooms Restoration Team)*

Благодарности

История операции «Немыслимое» имеет особенно важное значение для Польши, так как именно эта операция могла бы обеспечить полякам последний шанс получить свободу от советского господства. В связи с этим — моя благодарность Катажине Кенхус, руководителю международных проектов в Институте Народной памяти. Доктор Томаш Лабушевский и доктор Яцек Савицкий много консультировали меня по вопросу о польском Сопротивлении 1945 года, и я благодарен им за то, что поделились своими обширными знаниями. Благодарю Миколая Кси и Марту Хискокс за помощь в переводе. Благодарю также Петра Сливовского, руководителя исторического отдела Музея Варшавского восстания, а также коллектив Архива современных документов в Варшаве. Профессор Анита Празмовска помогла мне лучше понять суть послевоенной Польши. Доктор Анджей Сушич, хранитель архивов Польского института и Музея Сикорски в Лондоне оказал неоценимую помощь и консультации в работе с источниками. Также я благодарю доктора Халика Кочанского, чья последняя книга «Непокоренный орел» стала наиболее ценным источником информации для этого исторического исследования. Доктор Росс Басти-

ан поделился со мной знаниями в области австралийской и британской истории, а София Милковска, бывший член польского Сопротивления, любезно поделилась деталями истории польского подполья в 1945 году.

Моя особая благодарность друзьям и коллегам, оказавшим неоценимую помощь в поиске документов и контактов. Это: Кит Нортовер, Питер Холл, Пол и Сара Арнотт, Минни Черчилль, Джаспер Хамфрис и Саймон Тидсвелл.

Скандинавия занимала важное место в планах операции «Немыслимое», и я благодарен подполковнику Дэвиду Саммерфилду за то, что поделился своими знаниями о регионе. Специалисты, работавшие в архивах и библиотеках, оказали мне огромную помощь в поиске документов, и я благодарен Меризел Сантер, Кейт О'Брайен и сотрудникам Центра архивов Черчилля и Центра военных архивов Лиддел-Харт.

Я приложил все усилия, чтобы получить разрешение на воспроизведение аутентичных документов, хотя в ряде случаев это было невозможно из-за ограничений по соблюдению авторских прав. Любые пропуски и неточности являются непреднамеренными, и я буду крайне признателен, если мне на них укажут, что позволит внести исправления в следующие издания книги.

Я подтверждаю разрешение использовать отрывки из следующих книг издательства Pen & Sword: *Bomber Pilot on the Eastern Front*, by Vasiliy Reshetnikov, *Finale at Flensburg*, by Charles Whiting; Constable & Robinson for *Winston Churchill: The Struggle for Survival 1940—1956*, by Lord Moran; Macmillan Publishers for *Truman*, by Roy Jenkins; Orion Books for *Harold Nicolson Diaries 1907—1964*, edited by Nigel Nicolson; WW Norton for *Witness to History* by Charles Bohlen. Цитаты из интервью с профессором Джор-

джем Кеннаном воспроизводятся по сайту www.nsarchive.org с соответствующего разрешения Национального архива служб безопасности.

Приношу свою искреннюю благодарность следующим архивам и частным лицам за возможность воспроизведения изображений: Narodowe Archiwum Cyfrowe, The Harry S. Truman Library, The UK National Archives, The Trustees of the Imperial War Museum, The US Library of Congress, The US National Archives and Records Administration.

Попечители Центра Лиддел-Харт любезно разрешили использовать цитаты и ссылки из военного архива фельдмаршала Алана Брука и генерал-майора Дэвидсона. Благодарю за аналогичное разрешение Британского военного музея публиковать цитаты из архива маршала Монтгомери.

Все материалы британских архивов воспроизводятся в соответствии с открытой государственной лицензией; американские архивы выдали ограниченную лицензию на использование цитат и материалов из их фонда хранения.

Как и всегда, Шон Баррингтон из Spellmount and The History Press предложил свою помощь и дал много ценных советов. И, наконец, самая большая благодарность моей жене Джилл, которая оказала мне неоценимую поддержку во время работы над книгой «Операция «Немыслимое» и с энтузиазмом сопровождала меня во время увлекательного путешествия по Восточной Европе.

Джонатан Уокер, 2013 год

ВВЕДЕНИЕ

8 мая 1945 года, в 3 часа пополудни премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль обратился к соотечественникам с речью, которая транслировалась по радио прямо из его кабинета на Даунинг-стрит, 10.

Это было радиообращение — но Черчилль по привычке использовал любимые жесты, словно обращаясь к толпе напрямую. Голос его немного дрожал — только так премьер позволил себе выдать то чудовищное напряжение, в котором он прожил с 1940 года, и которому теперь приходил конец.

Эхо его речи громкоговорители разнесли по всей Трафальгарской площади, до краев заполненной народом, по всей Великобритании, а затем и по всей Европе. Черчилль объявил всему миру, что война против Германии наконец-то закончилась. Он напомнил слушателям о величии той борьбы, которую они все сообща вели эти годы, но предупредил и о том, что до мира еще далеко.

«Мы можем себе позволить краткий миг радости — но не будем забывать и о тех сложных задачах, которые нам еще предстоит решить».

Черчилль говорил о Японии, называя ее «дьяволом, которого предстоит повергнуть» — но на самом деле был прекрасно осведомлен и о другой, куда более непредсказуемой опасности, что таилась на Востоке. Позднее он вспоминал:

«Когда в эти бурные, исполненные всеобщего ликования дни меня попросили обратиться к нации, я, конечно же, говорил в основном о тех испытаниях, что довелось пережить нашему острову за последние пять лет, и о победе. Однако вряд ли нашелся бы в те дни в Соединенном Королевстве человек, чье сердце было бы в большей степени обременено тревогой, нежели мое...»¹

Причиной подобной тревоги Черчилля был Иосиф Сталин, вернее его стремление полностью контролировать послевоенную Польшу и Восточную Европу. Черчилль придумал очень точное название для своего труда, посвященного событиям конца войны, — «Триумф и трагедия». К маю 1945-го головной болью для Черчилля стало не только растущее влияние Сталина в континентальной Европе, но и его планы относительно Британской империи.

Последние месяцы войны не сулили Империи ничего хорошего. Весной 1945 года Красная Армия продолжала свое наступление по Западной Европе, достигнув Адриатики на юге и подойдя на 100 миль к Рейну на западе. Германия лежала в руинах, финансы же великих держав — Англии и Франции — были исчерпаны. США уже переключили свое внимание на Тихоокеанский регион и готовились покинуть Европу. Перспективы были самые мрачные, и Черчилль видел лишь одну, последнюю возможность спасти Польшу от советского господства. Даже сама Великобритания выглядела уязвимой — и Черчилль видел лишь одно решение: остановить Советы силой.

Черчилль приказал безотлагательно начать подготовку к операции под кодовым названием «Немыслимое» и в ее рамках изучить возможности объединенных сил союзников

атаковать Красную Армию и вернуть свои утраченные позиции в Европе².

Черчилль чувствовал себя в полной изоляции. Американский президент Рузвельт, его «прогрессивные» советники, начальник штаба армии генерал Джордж Маршалл, посол Джозеф Дэвис, Гарри Гопкинс и даже его родной сын Эллиотт Рузвельт — все стремились сблизиться со Сталиным. Президент США считал себя лучшим переговорщиком с советским лидером, говоря Черчиллю:

«Я гораздо лучше и быстрее найду с ним общий язык, чем ваш МИД или мой Госдепартамент».

Это было смелое утверждение — учитывая ум, хитрость и жестокость Сталина. Один из высокопоставленных чинов Объединенного комитета начальников штабов США довольно неодобрительно заметил по этому поводу:

«Ни один человек на Западе и понятия не имеет, куда в следующий момент будет направлена политика Советов»³.

Что же касается Сталина, то он считал, что его народ, понесший в этой войне огромные потери, заслужил военные трофеи. Во время Великой Отечественной войны погибли 8,5 миллиона военнослужащих и более 17 миллионов гражданских лиц. Общее число жертв превысило 25 миллионов человек — на этом фоне потери остальных государств выглядели незначительными. Советский Союз потерял около 30 % своих природных ресурсов⁴. И хотя вклад Советского Союза в общую победу над Германией был огромен и неопценим, насчет его дальнейших внешнеполитических планов никакой ясности не было.

Черчилль был глубоко обеспокоен этой неизвестностью. Пускай не все его обеспокоенность разделяли — но даже беглый взгляд на русскую и советскую историю должен был

насторожить коллег премьер-министра. В конце-то концов, Сталин являлся знаменосцем марксизма, а кроме того, был врагом малых наций. Он придерживался старой русской веры в «Русь-матушку», считая Россию метрополией, которая защищает славян Восточной Европы.

Победа в Великой Отечественной войне вселила в людей уверенность, что всего можно добиться упорством и жертвенностью — а вовсе не при помощи ленд-лиза и арктических конвоев. Кроме того, даже в британской прессе во время войны явно преобладали просоветские публикации, что, безусловно, способствовало росту уверенности Сталина в себе. Постепенно Сталин приходил к мысли, что у послевоенного партнерства с Западом нет будущего. Нельзя сказать, что подобная перспектива его радовала — но он считал конфликт с бывшими союзниками неизбежным⁵.

Если бы амбиции Сталина зашли еще дальше, а дипломатия оказалась бы бессильна, Западу, возможно, пришлось бы прибегнуть к военным средствам. В мае 1945-го военная мощь Англии и Америки была на пике — но эти показатели быстро пошли на спад в связи с всеобщей демобилизацией и передислокацией на Дальний Восток. Черчилль понимал, что для борьбы с советской угрозой он должен действовать быстро и решительно. 12 мая 1945 года он телеграфировал президенту США Трумэну, преемнику Рузвельта:

«Я глубоко обеспокоен ситуацией в Европе, о чем указывал в письме за номером 41. Я получил сведения, что половина американских ВВС уже перебрасывается из Европы на Тихоокеанский театр военных действий. Наши армейские подразделения в ближайшее время будут сокращаться. Разумеется, уйдет канадская армия. Французы слишком слабы, и с ними трудно иметь дело. Даже неосведомлен-

ному человеку ясно, что совсем скоро присутствие наших вооруженных сил на континенте сведется к ограниченному контингенту, базирующемуся в Германии для поддержания порядка. А что в России? Вы знаете, я всегда выступал за дружбу с Россией, но теперь я, как и вы, чувствую глубокую тревогу. Русские неверно трактуют ялтинские соглашения, меня беспокоит их отношение к Польше; на Балканах их влияние стремительно растет — за исключением Греции. Создается очаг напряженности вокруг Вены, где сочетаются контроль русских над территорией и коммунистическая пропаганда. Растет их влияние и в других странах региона, но, прежде всего, вызывает озабоченность способность русских поддерживать в боеспособном состоянии огромную армию, причем в течение долгого времени. Каково будет положение дел в Европе через год или два, когда британская и американская армии уйдут, французская армия так и не сумеет восстановиться — а рассчитывать мы можем только на французов — и когда русские оставят на действительной службе двести или триста тысяч?

Они опускают перед нами железный занавес. Мы не знаем, что происходит за ним. Впрочем, нет сомнений, что весь регион к востоку от линии Любек — Триест — Корфу вскоре окажется полностью в их руках. Туда же следует добавить огромную площадь между Айзенахом и Эльбой — пока эта территория контролируется американцами, но после вашего ухода в течение нескольких недель, я полагаю, будет занята русскими. Генералу Эйзенхауэру следует предпринять все меры для предотвращения массовой миграции немецкого населения в западные области, когда русские начнут эту операцию. А вот потом железный занавес опустится над большей частью, если не над всей Восточной Европой,

и тогда от Польши нас будут отделять сотни миль, контролируемые Советами. Между тем все внимание населения наших стран будет занято преступлениями поверженной и побежденной Германии, и порожденные этим вниманием настроения откроют русским дорогу и к Северному морю, и в Атлантику — если они решат продолжать продвигаться вперед»⁶.

Черчилль всегда становился особенно изобретателен, сталкиваясь со смертельной опасностью. Его лечащий врач, лорд Моран писал:

«В сложных ситуациях Уинстон становится мягким, терпеливым и отважным. Даже если все обстоятельства против него, он никогда не станет сидеть на месте и переживать о прошлых ошибках. Что бы ни случилось — ничто не может надолго задержать поток идей, бурлящих у него в голове»⁷.

Одной из таких идей и стала операция «Немыслимое».

В определенном смысле операция была уникальна. Летом 1945 года Уинстон Черчилль был единственным из западных лидеров, готовым рассмотреть возможность нанесения упреждающего удара против советских войск. Президент Рузвельт и сменивший его президент Трумэн поначалу вообще отказывались признавать наличие советской военной угрозы, а когда ее стало уже невозможно игнорировать, начисто отвергали возможность первыми использовать оружие против Советского Союза.

Отношение западных лидеров весной и летом 1945 года стремительно менялось под воздействием текущих событий. Черчилль, Рузвельт и Трумэн оказались перед непростым выбором — противостоять Сталину или занять примирительную позицию, в то время как сам он последова-

тельно оставался их непримиримым противником⁸. То, что западным союзникам казалось логичным и правильным сегодня, через неделю могло полностью измениться. Именно в этой тревожной, неустойчивой обстановке и родилась идея операции «Немыслимое».

В своей речи в День Победы Черчилль призвал Англию: «Вперед, Британия!» Но что было бы, если бы Британия последовала этому призыву? Был бы у Польши шанс получить свободу в 1945-м? И насколько близко подошел бы мир к Третьей мировой войне?

О НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНАХ

«Советский Союз» чаще всего используется в тексте вместо «Россия».

«Россия» чаще упоминается в современных документах, а также в качестве наименования одной из пятнадцати республик, входивших в Советский Союз, просуществовавший с 1922 по 1991 год. После распада СССР республики стали независимыми государствами, среди которых Россия остается самым сильным и влиятельным.

1. СТРАХ, О КОТОРОМ МОЛЧАТ

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ, 23 ФЕВРАЛЯ 1945 ГОДА

Звание главного скептика в отношении Сталина Черчилль принял только в конце войны. До этого им по праву владели поляки, постоянно и безуспешно предупреждавшие Запад об амбициях Сталина, с которыми познакомились на собственном горьком опыте. Аннексия Восточной Польши в 1939 году была, с точки зрения поляков, вопиющим актом двойных стандартов и неприкрытой агрессией, что, впрочем, не помешало им признать Советы в качестве союзников, когда возникла необходимость союза против Гитлера. Однако этот непрочный альянс был практически разрушен в апреле 1943-го, когда Советский Союз разорвал отношения с польским правительством в изгнании, обосновавшимся в Лондоне. Кризис в отношениях наступил, когда поляки потребовали от Красного Креста провести расследование в отношении массовых расстрелов польских граждан в Катыни — Польша настаивала, что по приказу Сталина тогда было убито свыше 21 000 человек, в том числе государственных деятелей, ученых и писателей¹.

Несмотря на уговоры западных союзников, в 1944 году Сталин категорически отказался восстановить отношения

с лондонским правительством Польши на основании того, что они не признавали его требований относительно восточных территорий. Он даже утверждал, что именно эта неуступчивость вынудила его пойти на создание в Люблине в июле 1944-го «Народного комитета по освобождению», в который вошли коммунисты и левые. Этот комитет, известный также как PKWN (Polski Komitet Wyzwolenia Narodowego), вскоре превратится в спонсируемое Сталиным польское правительство, и это надолго похоронит надежды Запада на продвижение собственного «демократического» правительства Польши.

По мере того как 1944 год подходил к концу, сталинская стратегия относительно Польши окончательно сформировалась. Польское Сопротивление было фактически уничтожено в ходе Варшавского восстания, и хотя дух поляков еще был жив, реальные структуры и подразделения понесли слишком серьезные потери². К тому времени советские войска уже освободили от немцев Румынию, Болгарию, страны Балтии и большую часть Венгрии. Они также серьезно продвинулись в Восточной Пруссии и заняли большую часть территории Польши вплоть до Вислы. Сталин не без оснований полагал, что вскоре будет контролировать всю Восточную Европу — а значит, сможет диктовать любые условия западным союзникам.

Черчилль и в еще большей степени Рузвельт из всех сил старались избежать столкновения со Сталиным по неудобному «польскому вопросу». Черчилль, например, давил на польское правительство в изгнании, уговаривая их смириться с потерей восточных территорий и обещая в качестве отступного после войны территорию аналогичного размера в западной части Германии.

Однако нельзя говорить о том, что Великобритания — в особенности же ее военное командование — полностью «легла под Сталина». Менее чем через месяц после высадки союзников в Нормандии (6 июня 1944) в Министерстве обороны началось обсуждение послевоенных планов страны, а 27 июля глава Генерального штаба, фельдмаршал сэр Алан Брук встретился с секретарем Военного совета, сэром Джеймсом Григгом, чтобы обсудить будущий раздел Германии. Следует ли разделить ее между Великими державами — или (за что ратовал Брук) ее следует постепенно превращать в союзника, который встанет на пути советской угрозы лет через 20? В тот вечер Брук записал в своем дневнике:

«Германия больше не является доминирующей силой в Европе, Россия же — несомненно таковой стала... она обладает огромными ресурсами и просто не может не превратиться в главную угрозу для нас в течение ближайших 15 лет!»³

Разумеется, такая точка зрения шла вразрез с уже укоренившимся — с подачи Министерства иностранных дел — мнением, что любая угроза со стороны Советского Союза может быть с легкостью отражена Западом⁴. Раскол между дипломатами и военными все расширялся, и Брук все яростнее выражал недовольство позицией Форин Офис (МИД). Запись в его дневнике от 2 октября 1944 года показывает его разочарование подобной политикой в отношении Советов:

«Долгое заседание Комитета начальников штабов, где мы обсуждали отношение МИДа к нашим предложениям по разделу Германии. Мы учитываем потенциальную будущую угрозу нашей безопасности со стороны России, пусть

и отдаленную — однако, по всей видимости, МИД просто не допускает мысли, что Россия однажды может стать недружественной державой»⁵.

Действительно, высокопоставленные чиновники Министерства иностранных дел — например, Кристофер Уорнер, глава Северного департамента, — постоянно сомневались насчет того, что долгосрочные планы должны включать готовность к возможному конфликту с СССР. Кристофер Уорнер опасался, что после войны во Франции возобладают коммунистические идеи, и у военных может возникнуть соблазн «обкатать» подобные планы на французах. Чтобы избежать этого, он санкционировал «особый контроль безопасности», который следовало применять к любым документам МИДа, где Советы упоминались в качестве потенциального противника.

Итак, к концу 1944 года в Уайтхолле преобладала следующая точка зрения: в течение ближайшего десятилетия Сталин будет поддерживать сотрудничество с Западом — по крайней мере, до тех пор, пока не восстановит разрушенную войной советскую экономику. В Уайтхолле полагали, что Сталин хотел бы видеть, как страны, граничащие с Советским Союзом, будут вести такую же внешнюю политику, но при этом не станет настаивать на создании исключительно коммунистических правительств. Из этого делался вывод: подобная доброжелательная политика Советов никак не предполагает возникновения конфликта с Британской империей⁶.

Однако ошибка МИДа заключалась в том, что его сотрудники смотрели на ситуацию глазами «западной демократии». Для Запада вполне логично было предположить, что огромные послевоенные затраты на восстановление хозяй-

ства и экономики будут означать соответствующее уменьшение расходов на вооружение и временное свертывание активной внешней политики. Сталина подобные «логические» построения не волновали. Расходы СССР на вооружение никаких ограничений не ведали.

Не менее оптимистично, если не сказать — наивно, МИД относился к проблеме будущего Польши. Британские аналитики вообще не видели никаких проблем в переговорах с Советами; казалось, их повергают в бурный восторг любые «крошки со стола», брошенные им Сталиным:

«Мы полагаем, что Польша должна иметь самые тесные, подлинно дружественные отношения с Россией, будучи при этом независимым государством и не ощущая себя марионеткой Советского Союза. Урегулирование вышеуказанных вопросов мы считали бы полным выполнением наших обязательств перед Польшей. Ни в плане публичных заявлений, ни в частных консультациях разногласий между нами и Советским правительством по этому вопросу нет. В действительности Маршал Сталин во время последней встречи в Москве с С. Миколайчиком пошел даже дальше, чем мы могли ожидать, поощрив стремление Польши поддерживать отношения с Великобританией и Америкой и создать новый дружественный альянс с Россией»⁷.

В Министерстве иностранных дел находились и те, кто всерьез боялся того дня, когда британское общество поймет, что «дядя Джо» — Сталин — не совсем тот человек, кем его привыкли считать. Общественное давление в этом случае могло нарушить хрупкий статус-кво и испортить бережно взращиваемые отношения между Лондоном и Москвой⁸.

В октябре 1944 года премьер-министр Польши С. Миколайчик, ранее отвергнутый Сталиным, присоединился

к Черчиллю во время визита в Москву — это была последняя отчаянная попытка найти консенсус в вопросе о польской границе. Попытка провалилась — Миколайчик понял, что Советский Союз не откажется от планов поглощения Польши и не уступит Черчиллю в этом вопросе. Между польским премьером и Черчиллем возник яростный спор. Черчилль был взбешен неуступчивостью поляка.

«Мы расскажем всему миру, — ревел Черчилль, — как неразумно вы себя ведете! Вы собираетесь развязать новую войну, в которой погибнет не менее 25 миллионов человек. Однако вам на это наплевать!»

Под таким нешуточным давлением Миколайчик был вынужден согласиться на одобрение Линии Керзона (этот вариант советско-польской границы был предложен англичанами еще в 20-х годах), таким образом подтвердив сдачу Львова и карпатских нефтяных месторождений. Однако позиция правительства в изгнании была куда более жесткой — и из Лондона последовал отказ в уступках любой территории. Не имея никакой альтернативы, Миколайчик ушел в отставку 24 ноября 1944 года, передав пост премьер-министра более пожилому социалисту Томашу Арцишевскому — непримиримому противнику Сталина. Результатом этого демарша стало то, что через несколько недель Люблинский Комитет национального освобождения объявил себя Временным правительством Республики Польша. В самом начале 1945 года Советский Союз официально признал новое польское правительство, тем самым оставив Черчиллю и Рузвельту совсем немного вариантов действий. Тем временем и на военных фронтах дела союзников шли не так уж гладко. Немцы оказывали ожесточенное сопротивление в Арденнах. Возникла необходимость встречи со Сталиным.

Тем не менее Маршал Советского Союза согласился на проведение конференции, только убедившись в том, что Красная Армия продвинулась далеко вперед и три великие столицы — Берлин, Будапешт и Прага — уже находятся в его руках. 17 января 1945 года Красная Армия заняла то, что осталось от Варшавы, а неделю спустя освободила Краков на юге Польши. Заняв эти командные высоты, Сталин, наконец, ответил на просьбу союзников о встрече «Большой тройки».

Место встречи определяли, исходя из нежелания Сталина удаляться далеко от Кремля. Президент Рузвельт предложил встретиться в Ялте, курортном городе Крымской Ривьеры.

Для начала возникла некоторая путаница — не имел ли Рузвельт в виду Мальту, а не Крым. В конце концов все недоразумения были решены, и единственной проблемой осталось физическое состояние места будущей встречи. Немцы оставили Крым в полном запустении, разоренным, с дорогами, изрытыми взрывами мин и снарядов. Армия получила приказ практически полностью перестроить Ялту и прилегающие окрестности. На полуостров было переброшено 30 000 военных, чтобы восстановить и охранять сам курорт и дороги, ведущие к нему. Из Москвы было отправлено 1500 железнодорожных составов, которые везли все необходимое: постельное белье, скатерти, занавески, мебель, запасы еды, вино и напитки, а также оконные стекла для ремонта полуразрушенных ялтинских вилл⁹.

Пока Ялту спешно готовили к конференции, американская и английская делегации сделали краткую остановку на Мальте. Однако если Черчилль и его министр иностранных дел Энтони Иден надеялись предварительно обсудить кое-какие вопросы с Рузвельтом — их ждало разочарование.

Иден пишет, что американский президент прибыл на Мальту с большим размахом и был настроен оптимистично, однако вскоре болезнь утомила его, а прилетевшая вместе с ним дочь постоянно отвлекала его внимание, так что времени на переговоры с англичанами у Рузвельта попросту не осталось. Впрочем, Иден подозревал, что дело было не столько в болезни Рузвельта, сколько в явном нежелании американцев образовывать тайный альянс с англичанами за спиной у русских, да еще в преддверии столь важной встречи.

В результате на встрече со Сталиным союзники явились без всякой предварительной подготовки. Что же касается польского вопроса... он стал фатальной ошибкой¹⁰.

2. ЯЛТА

К началу конференции в Ялте союзники были далеки от единства.

Рузвельт всячески избегал «стоять плечом к плечу» с Черчиллем, позиционируя себя больше в качестве «честного посредника» между Великобританией и Советским Союзом. Не было ничего удивительного в том, что и его сын Эллиотт занимал ту же позицию.

«У русских имелось свое правительство для Польши, в Москве — Британия поддерживала прежнее польское правительство в изгнании, также работавшее за пределами Польши. Отец был своего рода посредником и арбитром — и эта роль была чрезвычайно важна для сохранения единства, в котором были заинтересованы все»¹.

Однако сохранение единства было не единственной целью Рузвельта. Он разделял убеждения большинства своих советников, которые рассматривали американскую миссию

несколько шире, чем просто военную победу над Гитлером, — победа в войне должна была помочь освобождению колоний от имперского гнета. Американская внешняя политика носила ярко выраженный антиимперский характер, и Рузвельт вполне ясно дал понять это Черчиллю:

«Я пытался дать понять Уинстону, что мы союзники — пока идет война, однако никогда не будем таковыми в стремлении англичан вернуться к архаичным, средневековым имперским идеям в послевоенном мире»².

Казалось, что Рузвельт и его советники начинали относиться к Великобритании с не меньшим подозрением, чем к Советскому Союзу. Возможно и то, что Черчилль недооценил американцев едва ли не в большей степени, чем русских.

Как отмечал Джон Лукач, «идея англо-американского союза не находила большого отклика в умах и сердцах американцев; такой союз отбрасывал бы державы назад и ограничивал их развитие — в отличие от идеи мирового правительства, или Объединенных Наций»³.

С другой стороны, Рузвельт считал, что Черчилль будет действовать умнее и расчетливее — это убеждение было подкреплено несколько месяцев назад, когда Рузвельт узнал о предложенной Черчиллем сделке по разделу Балкан⁴.

«Сомнительный документ» — как окрестил его сам Черчилль — был задуман Черчиллем во время встречи со Сталиным в Москве, в октябре 1944 года. Во время переговоров Черчилль неожиданно предложил просто поделить страны Балканского региона на зоны западного и советского контроля. Листок с выписанными от руки процентами он передал Сталину, и тот прочитал следующее:

«Россия может на 90 % доминировать в Румынии, мы и США займем такие же 90 % в Греции. Югославию и Вен-

грию можно поделить пополам, 50 на 50, Болгарию — в соотношении 75 на 25 %».

При этом ни словом не были упомянуты реально проблемные регионы — Польша, Австрия или Италия.

То, что кажется сегодня цинизмом, тогда было, по сути, реакцией Черчилля на неожиданные известия, полученные от разведки. Перехваты «Ультра» свидетельствовали о том, что немцы собираются эвакуироваться из Афин. Существовал серьезный риск заполнения вакуума власти коммунистическими группировками. Поэтому Черчилль был готов пожертвовать Советам всю Румынию, чтобы получить возможность перебросить английские войска в Афины и остановить коммунистический переворот.

Сталин согласился на сделку. Это вселило в Черчилля уверенность, что и в послевоенной Европе со Сталиным можно будет торговаться подобным образом. Премьер-министр полагал, что Сталин, будучи человеком, лишенным всяческих моральных принципов, смирится с любым решением, если взамен ему предоставят разумную плату в виде контроля над частью Европы. Однако этот расчет основывался на предположении, что Сталин сдержит свое слово — и что в Восточной Европе Запад сможет опереться на антисоветские настроения. Как показало время, обе эти посылки оказались неверны. Вскоре надежды Черчилля были разбиты, он все чаще испытывал если и не обиду, то разочарование от предательства — и это, возможно, также сыграло свою роль в укреплении мысли о том, что применение военной силы против Советского Союза может быть оправданно.

Неудивительно, что Рузвельт, узнав об этой сделке, впал в ярость. С ним никто не консультировался заранее, и теперь

он укрепился в мысли, что Черчилль продвигает имперские амбиции Великобритании — ну, или по крайней мере, намеренно отстраняет США от участия в европейском торге⁵.

Когда английские и американские делегаты прибыли в Ялту, их встретил сюрреалистичный мир дворцов — и развалин. Дворцы были великолепны — но за их фасадами скрывались разруха и убожество. Впрочем, первоначально все находилось под большим впечатлением от «зелени кипарисов, терракотовой земли и великолепных вилл, в том числе — чудесного дворца, в котором разместились делегаты. Он напоминал замок из сказок братьев Гримм».

В Воронцовском дворце разместились Черчилль, министр иностранных дел Энтони Иден, два фельдмаршала, три члена Комитета начальников штабов и множество сопровождавших их лиц. Секретарь Черчилля вспоминал, с какими странностями им пришлось столкнуться:

«Воронцовский дворец мог похвастаться несколькими роскошными банкетными залами, комнатами для приемов, домашней консерваторией и оранжереей, однако сануздами прежние владельцы явно пренебрегали. Граф и графиня Воронцовы явно отдавали предпочтение еде, а не купанию. Всего одна ванная комната и три умывальных обслуживали целый дворец, и по утрам можно было наблюдать очереди из смущенных генералов и адмиралов, прижимающих к груди бритвенные принадлежности и пытающихся прикрыть полами халатов голые коленки...»⁶

В умывальной могли одновременно встретиться сразу два десятка генералов, и вид фельдмаршала сэра Генри «Джамбо» Мейтленда Уилсона, восстающего из ванны, был явно не для слабонервных... Тем не менее большое смущение среди бравых вояк вызывали местные крымские де-

вушки, обслуживавшие дворец, — вооружившись банными щетками, они настойчиво предлагали по русскому обычаю «потереть спинку» гостям⁷.

Итак, 4 февраля 1945 года безупречно чистые делегаты открыли Ялтинскую (или Крымскую) конференцию. Сталин позаботился о том, чтобы все помещения, в которых жили и работали союзники, были оснащены подслушивающими устройствами — и хотя делегаты тщательно проверили свои номера, множество «жучков» осталось незамеченными, включая наружные микрофоны, через которые записывались повседневные разговоры. Таким образом, на протяжении всей конференции «писали» Черчилля, Рузвельта, начальников их штабов, военных советников и дипломатов, а Сталин и его Генеральный штаб анализировали эти записи.

Помимо этого при помощи советской службы безопасности и разведки (НКГБ) были получены и изучены многие секретные документы, касающиеся предполагаемой стратегии англичан на ближайшее время — в результате Сталин был прекрасно осведомлен о двойной игре союзников, особенно в отношении Польши⁸.

Для большинства участников конференции это была первая встреча с легендарным советским диктатором. Джордж Кеннан, заместитель руководителя американской миссии в Москве так описал свои впечатления от встречи со Сталиным:

«Сталин одновременно смотрит на вас — и не смотрит, его взгляд всегда направлен чуть в сторону, голова склонена набок. Он никогда не смотрит прямо в глаза. Вероятно — из-за присущей ему подозрительности (насколько я могу судить по тому, что читал о нем) и природной замкнутости.

У него сохла левая рука, и он часто придерживал ее здоровой правой, сложив ладони вместе — это была его типичная поза за столом. Рукопожатие его было довольно формальным, несильным; очень мягкая рука... когда я впервые услышал его, то был поражен сильным грузинским акцентом его речи. Говорил он короткими фразами»⁹.

Черчилль и Рузвельт были уже достаточно хорошо знакомы со Сталиным и его тактическими приемами во время переговоров, однако Кеннан отмечает, что американский президент, казалось, по-прежнему не до конца понимает советского лидера.

«Я не думаю, что Рузвельт был в состоянии постичь, как в этом человеке сочетались полное равнодушие к закону и громадный стратегический ум. Рузвельт просто никогда не встречал такого человека, как Сталин, — а Сталин, в свою очередь, был еще и великолепным актером. Встречаясь с лидерами других стран на подобных конференциях, он был великолепен — тихий, приветливый, разумный... Они уезжали от него в полной уверенности, что перед ними был великий лидер — и да, он и был великим лидером... но было в нем кое-что еще. Чарльз Болен, мой коллега, сменивший меня на должности посла, присутствовал на Ялтинской и Потсдамской конференциях. Он рассказал мне, что всего один или два раза стал свидетелем того, как помощники Сталина сказали, или сделали что-то, ему не понравившееся. Сталин повернулся к ним — и его желтые глаза внезапно загорелись. В этот момент Чарльз понял, какого опасного зверя мы на самом деле рискуем дергать за хвост...»¹⁰

Сильно исхудавший, угасающий Рузвельт чувствовал, что их со Сталиным позиции по многим вопросам одинаковы. Не в последнюю очередь они оба видели, что силы

Британии истощены этой войной. На одном из первых же пленарных заседаний Рузвельт сделал заявление, которым хотел развеять опасения Сталина насчет влияния США в Европе, — однако этим выступлением он заронил страх в сердце Черчилля. Президент заявил, что не собирается держать в Европе после войны огромную армию и что американские войска будут выведены из Германии в течение двух лет. Это оставляло Англию и Францию в одиночестве отвечать за западные немецкие территории, причем Англия оставалась опасно беззащитной в случае, если Сталин решит двигаться дальше Берлина¹¹. Были и другие признаки того, что США стараются избежать любых военных операций в Европе, которые могли бы привести к конфликту со Сталиным. Так начальники штабов США упорно игнорировали просьбы Черчилля поддержать операцию на Балканах.

Рузвельт полагал, что Великобритания стремится закрепить свое присутствие в Восточной Европе для того, чтобы предотвратить коммунистические перевороты. Попытки США сдерживать имперские амбиции Великобритании были благосклонно восприняты Москвой, и это поселило в душе Рузвельта железобетонное убеждение, что он и только он один способен удерживать союзников в едином альянсе после войны¹².

Фрэнк Робертс, английский министр иностранных дел, испытывал серьезные опасения по поводу столь явной демонстрации отсутствия интересов Америки в Европе, в частности — по поводу равнодушия к судьбе Польши.

«Циник мог бы добавить, что он [Рузвельт] ведет себя так, будто уже выиграл перевыборы, и ему не нужны голоса поляков Питсбурга»¹³.

Программа Ялтинской конференции была очень насыщенной. Среди основных вопросов, которые обсуждали

Советский Союз, Англия и Соединенные Штаты, были: создание Организации Объединенных Наций, раздел Германии, репарации и — пожалуй, самый спорный — судьба Польши. Разногласия начались с первых же вопросов. «Сборная Сталина» для ООН насчитывала все пятнадцать советских республик, однако после серьезного нажима Запада это количество сократили всего до трех: России, Белоруссии и Украины.

Когда зашел разговор о разделе Германии, Черчилль стал требовать включения Франции в оккупационный корпус. Он не испытывал никаких нежных чувств к генералу де Голлю, да и французский лидер не оценил этот жест Черчилля, однако Франция придавала хоть сколько-то веса хрупкой позиции Запада¹⁴.

Почти каждый день вспыхивали дискуссии — в основном между Черчиллем и Сталиным — касавшиеся состава будущего правительства Польши и зоны советского контроля на территории этой страны. Сталин полагал, что все козыри у него на руках. Он и не собирался вести переговоры с польским правительством в изгнании, сидевшим в Лондоне; что же касается границ Польши, то Сталин смело трактовал исторические факты в интересах Советского Союза. Он прямо заявил, что опасается, как бы Польшу не использовали повторно в качестве коридора для вторжения в его страну: «Мы больше не хотим, чтобы нам стреляли в спину!»

Сталин настойчиво добивался выполнения своих требований относительно границы, и хотя формально решение этого вопроса должно было решить «будущее польское правительство», было понятно, что «советская Польша» получит часть территорий Восточной Пруссии вдоль северной границы,

а также часть Восточной Германии, в том числе — богатую месторождениями полезных ископаемых Силезию, город Бреслау и порт Штеттин¹⁵. Это якобы должно было стать компенсацией за потерянные Советами восточные территории — но на самом деле таким образом Сталин получал контроль над самым ценным куском Германии. По словам Энтони Идена, это также означало изгнание более 8 миллионов этнических немцев с их недавно обретенных территорий.

Несмотря на все эти игры и позы, окончательное соглашение, принятое в самом конце конференции, 11 февраля, выглядело довольно жестким. Формулировка стала результатом обоюдных компромиссов — но угроза Сталина ясно читалась с первых же строк:

«В результате освобождения Польши войсками Красной Армии в стране создавалась совершенно новая политическая ситуация. Она требует незамедлительного создания Временного правительства на гораздо более широкой основе, чем та, на которой существовало до сих пор правительство Западной Польши. Польское правительство должно быть реорганизовано на более широкой демократической базе и включать в себя национальных политических деятелей как в самой Польше, так и за ее пределами. Это новое правительство должно стать правительством национального единства... Польское правительство национального единства должно быть срочно создано на основе свободных демократических выборов, основывающихся на всеобщем избирательном праве и тайном голосовании. В выборах имеют право участвовать и выдвигать своих кандидатов все демократические и антифашистские партии и объединения»¹⁶.

Когда главный советник Рузвельта, адмирал Лихи увидел этот документ, он заметил президенту, что подобная ре-

золюция может быть интерпретирована по-разному, в зависимости от желания Советского Союза. В ответ президент лишь пожал плечами:

«Я знаю. Но это лучшее, что я могу сделать для Польши в данный момент».

Рузвельт знал, что среди его избирателей в Америке очень много поляков, а времени на то, чтобы убедить и успокоить их, у него практически нет. Здоровье его стремительно ухудшалось, хотя и трудно сказать, знал ли он, что ему осталось жить всего несколько недель. Тем не менее, несмотря на заявленный «договор о совместных намерениях» относительно Польши, стороны были как никогда далеки от согласия. Вопрос, кто будет управлять Польшей, оставался открытым. Лихи был куда большим реалистом и потому понимал, что главные проблемы еще впереди.

«Россия станет доминирующей державой в Европе — предупреждал он. — И это порождает перспективы новой войны»¹⁷.

Красная Армия неудержимо продвигалась на запад, и Сталин был готов пойти на определенные уступки, допустив присутствие нескольких демократов в насквозь коммунистическом Люблинском Комитете. Однако конечная его цель обсуждению не подлежала: в Польше должна быть установлена коммунистическая и просоветская власть.

Западные же союзники хотели любой ценой добиться участия в новом Временном правительстве демократических польских деятелей, находящихся вне орбиты влияния Сталина, предпочтительнее — из лондонского правительства в изгнании. Они также требовали от будущих выборов, чтобы они были «свободными и справедливыми», однако это условие Сталин легко мог обойти, просто не позволив

западным наблюдателям присутствовать на них. Фактически Сталин уже владел Польшей, так что ялтинское соглашение всего лишь давало возможность союзникам «сохранить лицо» и попытаться хоть как-то сгладить возникшие разногласия внутри «Большой тройки».

Во время послеобеденных выступлений последнего дня конференции лидеры стран, в том числе и Черчилль, рассыпались в комплиментах Сталину¹⁸. Однако Черчилль отнюдь не столь благосклонно отнесся к начальнику тайной полиции Сталина, Лаврентию Берию. Когда посол Великобритании в Советском Союзе Арчибальд Клерк-Керр провозгласил тост в честь Берии в конце одного из торжественных обедов, Черчилль пришел в ужас и в тот же день предупредил посла: «Будьте очень осторожны!» Совершенно очевидно, что Берия символизировал для Черчилля все самые худшие эксцессы советской системы, и премьер искренне считал его сталинским «кровавым палачом»¹⁹.

Однако в целом о Ялтинской конференции можно сказать, что Запад многое прощал Сталину. Верно и то, что США в тот момент были уверены в необходимости заручиться поддержкой Советского Союза и его согласием вступить в войну с Японией. Американцы по-прежнему были уязвимы и на северо-западе Европы, что явственно продемонстрировало их отступление в Арденнах.

Еще впереди были тяжелые бои за Берлин, еще только предстояла атомная бомбардировка двух японских городов — но все это вряд ли могло извинить такую бессовестную сдачу Польши. В конце концов, поляки были союзниками англичан, когда Советский Союз и Германия подписывали пакт о ненападении, поляки и сейчас умирали на полях сражений рядом с англичанами и американцами — а в это

время в Ялте Восточную Польшу приносили в жертву Советскому Союзу.

Союзники отдали 69 000 квадратных миль Восточной Польши в обмен на обещание Сталина объявить войну Японии. Да, Польша получила в виде компенсации 39 000 квадратных миль территории немецкого рейха на западе и на севере — и это были богатейшие земли с месторождениями полезных ископаемых, прекрасной инфраструктурой, крупными городами и важными портами²⁰, однако Сталин, окончательно осмелев, пошел еще дальше и потребовал, чтобы союзники отказались от поддержки польского правительства в изгнании и признали просоветский Люблинский Комитет. В феврале 1945-го поддержка Советов в войне с Японией казалась жизненно важной, и потому Рузвельт согласился и на эту сделку, вдобавок пойдя на дополнительные уступки в Азии²¹.

Исключительно уверенностью Рузвельта, что ему лучше удаются переговоры со Сталиным, можно объяснить тот факт, что Британии было предложено принять все эти уступки уже на последней стадии — президент США не хотел, чтобы Британия устроила обструкцию Сталину²². Тем временем советская сторона потребовала возвращения всех советских граждан, оказавшихся в конце войны на Западе. Это были либо военнопленные, либо те, кто бежал от коммунистического режима. Великобритания легко пошла на этот шаг, возможно, отчасти потому, что не хотела столкнуться с необходимостью расселять на своей территории около 2 миллионов бывших советских граждан в случае их отказа от возвращения на родину. На Западе полагали, что всех репатриантов ждет либо казнь, либо советский трудовой лагерь «gulag»²³.

Добиваясь помощи Советского Союза, Рузвельт, очевидно, надеялся на сокращение потерь в армии США. Сталин, прекрасно понимая это, выторговывал себе у западных союзников уступку за уступкой. Он потребовал — и получил — контроль над районами Монголии и Маньчжурии (без согласия Китая), а так же восстановления контроля над бывшими территориями России, утраченными в результате катастрофического поражения в Русско-японской войне 1905 года²⁴.

Американские делегаты были в восторге. Адмирал Кинг, начальник штаба ВМФ США, сказал коллегам: «Мы только что сохранили два миллиона жизней американцев!»²⁵

Однако существовали и иные, скрытые и более коварные причины того, что американский президент так стремился к союзу с Россией. Американская администрация, особенно та ее часть, которая занималась Тихоокеанским регионом, полагала, что Черчилль стремится к разгрому Японии исключительно с целью восстановления оккупации бывших колоний Британской империи. Адмирал Кинг, имевший большое влияние на президента, настаивал на том, что англичане не должны играть главную роль в Тихоокеанской войне. США также опасались амбиций Франции относительно Индокитая и возможных попыток Голландии вернуть Ост-Индию.

Для обуздания имперских амбиций старых империй требовалась стремительная и победоносная война в союзе с Россией²⁶. Надо сказать, что Рузвельт отчасти был прав, полагая, что их со Сталиным связывают более теплые и доверительные отношения, чем остальных союзников. Однако у этой уверенности имелись принципиальные недостатки. Начальник военной миссии США в Москве, генерал Дин

был одним из немногих американцев, кто понимал истинную подоплеку действий советских переговорщиков.

«Ни одно наше предложение, ни один запрос к Советам не рассматривались без подозрений... Русские просто не могут понять, как можно давать, ничего не требуя взамен, и потому даже наши явные жесты доброй воли воспринимались с глубочайшим подозрением. Благодарность не свойственна Советскому Союзу. Если они и шли нам навстречу, то только тщательно рассчитав, какую выгоду смогут из этого извлечь в дальнейшем»²⁷.

Ближайшее окружение Рузвельта, наоборот, полагало, что это не Сталин, а их президент диктует повестку Ялтинской конференции. Возможно, этому способствовало тщеславие Рузвельта, но его сын Эллиотт был убежден:

«Он [Рузвельт] теперь во многом превосходил Уинстона Черчилля. Иосиф Сталин также был всегда готов прислушаться к советам отца, прежде чем принять решение»²⁸.

Впрочем, такая покладистость советского лидера впечатляла отнюдь не всех членов американской делегации. Джеймс Бирнс, который вскоре займет пост госсекретаря, сетовал:

«Иллюзия добрых отношений и тесного сотрудничества между Советским Союзом и западными державами быстро рассеялась уже вскоре после Ялты... Инцидент следовал за инцидентом, взаимные обвинения множились, и непонимание все чаще сменяло доверительные совсем недавно отношения»²⁹.

Растущее недоверие между союзниками усугублялось планами Сталина в отношении Польши. Он всегда испытывал неприязнь к полякам, чему, вне всяких сомнений, способствовал его личный опыт, приобретенный во время рей-

да Красной Армии на Варшаву в 1920 году. Он не доверял полякам — но уважал их стойкость.

«Вы можете запугать латышей — но с поляками это не получится. С поляками нужно драться»³⁰.

И действительно, когда польское правительство в изгнании узнало все подробности Ялтинского соглашения — оно приготовилось к бою. Поляки были потрясены предательством американских и английских официальных лиц. Когда они нажали на своих покровителей, требуя раскрыть подробности формирования нового польского «демократического» правительства, им в ответ было сказано, что США могут отклонить 5, 6, а то и десяток предложенных вариантов, до тех пор, пока не убедятся, что в правительство вошли реальные представители реальных интересов польского народа³¹.

В Ялте Сталин умело манипулировал мелкими деталями в отношении облика будущего польского правительства, а сам напропалую обхаживал Рузвельта, лоббируя его любимую тему: создание Организации Объединенных Наций. Пойдя на уступки в вопросе количественного состава членов ООН от СССР, Сталин «сделал Рузвельта счастливым», благодаря чему споры по поводу польской демократии немедленно переместились в область, устраивающую Советский Союз.

Неизлечимо больной Рузвельт получил возможность воочию убедиться, как его идеи устройства нового миропорядка приносят реальные плоды. Черчилль тоже поддался на этот эффект, хотя и относился к Советскому Союзу куда более скептически. Гарольд Николсон, политический обозреватель того времени, свидетельствует о том, что Черчилль никогда еще не выглядел таким умиротворенным, как после конференции в Ялте:

«Он создает чрезвычайно удобную почву для споров, утверждая в Палате Общин, что Польшу в ее новых границах ожидают независимость и процветание. Однако в неофициальной обстановке он разрушает впечатление от его же собственных слов, говоря, что мы предложим британское гражданство тем польским солдатам, которые побоятся вернуться на родину»³².

Фельдмаршалу сэру Алану Бруку нанес визит его польский коллега, начальник штаба Станислав Копаньский, пытавшийся предложить более трезвый взгляд на «польскую проблему». Однако еще несколько дней спустя Брук имел куда более эмоциональную беседу с харизматичным командующим Вторым корпусом польской армии, генералом Владиславом Андерсом, только что вернувшимся из Италии:

«Он [Андерс] виделся с премьер-министром вчера вечером, но до сих пор ужасно огорчен этой встречей. По его словам, корень проблемы заключается в том, что Андерс, основываясь на своем опыте, никогда не доверял русским, в отличие от Черчилля и Рузвельта, которые были готовы к доверительным отношениям с Россией. Побывав в плену и узнав, как русские относятся к полякам, Андерс считал, что знает их лучше, чем президент или премьер... Мне было ужасно жаль его, он отличный парень и принимает все близко к сердцу. Он должен еще раз встретиться с Уинстоном в следующую среду, а потом зайти ко мне. Я, признаться, с содроганием жду этой следующей беседы...»³³

Новая встреча Андерса и Черчилля действительно вышла ужасной. По словам самого Андерса, несмотря на недавние страшные потери поляков в битве при Монте-Кассино, Черчилль не проявил сочувствия и совершенно вышел из себя, обрушившись на Андерса:

«Мы не нуждаемся в вашей помощи! Можете уводить свои подразделения. Обойдемся без них»³⁴.

Этим конфликтом Черчилль отвергал не только уникальный опыт Андерса, хорошо знакомого с советским командованием, но и опыт его солдат, сражавшихся рядом с красноармейцами³⁵. Впрочем, даже после этой встречи Андерс все еще надеялся, что Англия и США опомнятся. Его поддерживали и другие польские офицеры, не сомневавшиеся, что рано или поздно конфликт между Востоком и Западом прорвется наружу. В этом случае, по их мнению, Польша должна быть готова к участию в новой мировой войне — однако поляки сомневались в лояльности Британии и ее готовности также принять участие в подобном глобальном конфликте, хотя и цеплялись за заявление Черчилля в Ялте, в котором он утверждал, что демократическое правительство наверняка предаст 150 000 польскую армию, воюющую на Западе³⁶. Андерс не терял надежды, что эта армия будет призвана освободить его родину... однако поляков не задействовали в предстоящем нападении на Японию; не собирались размещать польские силы и на территории Германии — из-за опасения перед недовольством Сталина. Вставал вопрос: а зачем они вообще нужны? Был предложен вариант проведения демобилизации одновременно с американцами и англичанами, но Андерс и другие польские генералы были пока не готовы согласиться на этот шаг. Не желали они признавать и Люблинский Комитет. Ситуация была патовой³⁷.

Подозревал ли Андерс о наличии плана новой войны, или нет — на этот счет нет никаких доказательств, как нет ни единого свидетельства и о том, что он знал об операции «Немыслимое». Однако нет никаких сомнений, что он с удо-

вольствием поддержал бы подобный план и перспективы вывести территорию Польши из-под контроля Сталина. Андерс, с его славой героя войны и искренним патриотизмом, мог бы стать точкой сборки для всех польских «патриотов», тем более — на фоне разгорающихся склок внутри лондонского «правительства в изгнании»³⁸.

Черчилля серьезно волновало то, что общественное мнение на Западе не потерпит капитуляции перед Сталиным в отношении Польши. Однако, с другой стороны, премьер явно переоценивал желание США, не говоря уж о собственных гражданах, воевать за Польшу. Тем не менее он телеграфировал Рузвельту:

«Когда станет совершенно очевидно, что мы были обмануты, и знакомые коммунистические методики применяются теперь «за закрытыми дверями» в самой Польше — либо самими русскими, либо их марионетками из Люблина, ситуация с общественным мнением в Британии станет очень трудной. А как будет обстоять дело в Соединенных Штатах? Не думаю, что лично вам или американскому народу это будет безразлично. Таким образом, именно в тот момент, когда в Европе все складывается неплохо, а в японской политике удовлетворительно, нам грозит открытое столкновение с Россией, которое, как полагает наше правительство, может и не ограничиться только Польшей, но пойти гораздо шире.»³⁹

На следующий день Черчилль озвучил свои опасения сэру Артуру Харрису, командующему стратегическими бомбардировками ВВС Великобритании. Тот вспоминал:

«Премьер-министр выглядел подавленным и встревоженным, постоянно думая о том, что Россия однажды может развернуться против нас... говорил, что Чемберлен так же доверял Гитлеру, как теперь он, Черчилль — Сталину...»

Разговор перешел на бомбардировки немецких городов, однако даже это служило Черчиллю напоминанием, какие трудности их ожидают после завершения работы Харриса.

«Что ляжет между белыми снегами России и белыми скалами Дувра?»

Харрис усомнился, что Советы перейдут в наступление и завоюют Запад, как это собирались сделать, но так и не смогли монголы. Черчилль отвечал:

«Кто знает? Возможно, они к этому и не стремятся. Но боязнь этого все равно живет в сердцах очень многих»⁴⁰.

В то время, когда Черчилль размышлял о послевоенном мире и гипотетическом конфликте с нынешним союзником, на северо-западе Европы достигла своей кульминации вполне реальная военная операция. Почти 4 миллиона солдат США, Великобритании и Канады готовились форсировать Рейн. Под командованием генерала Эйзенхауэра объединенная группировка двигалась вперед, чтобы обеспечить плацдарм массированного наступления, и в начале марта Черчилль, Монтгомери и Брук посетили штаб-квартиру американского генерала Уильяма В. Симпсона, чтобы лично присутствовать при начале операции.

Черчилль намеревался посетить близлежащий Аахен, и Брук позднее вспоминал, каким образом премьер вознамерился лично засвидетельствовать «свое почтение Гитлеру»:

«Симпсон спросил Уинстона, не желает ли тот воспользоваться уборной перед выездом на позиции. Без малейшего промедления премьер поинтересовался в ответ, как далеко отсюда находится Линия Зигфрида. Узнав о том, что до Западного вала (который и называли Линией Зигфрида. — *Примеч перев.*) около получаса езды, он отказался от посещения

уборной, сказав, что они сделают остановку перед Линией. По прибытии на место колонна из 20 или 30 автомобилей остановилась, мы вышли и торжественно выстроились вдоль Линии. Фотографы немедленно бросились занимать выгодные позиции, но Черчилль обратился к ним: «Господа, это одна из важнейших операций, связанных с этой войной, но ее не стоит запечатлевать для потомков»... Я никогда не забуду ту ребячливую усмешку, с которой он смотрел себе под ноги в решающий, так сказать, момент...»⁴¹

Облегчившись на вражеские бастионы, Черчилль испытал некоторое удовлетворение, хотя, разумеется, это была не та часть Германии, где ему требовалась помощь союзников. Собственно, Эйзенхауэр настоял на том, чтобы западные союзники не торопились занять Берлин, а отдали бы приоритет установлению контроля над промышленно-развитой Рурской областью. Он считал, что такой контроль мог бы препятствовать возрождению национализма в Германии⁴². Кроме того, ресурсы области могли стать активом Запада в потенциальной войне с Советским Союзом.

После Ялтинской конференции польское правительство в изгнании предупредило Англию и Америку, что им стоит готовиться к противостоянию с русскими. В самом деле, уже появились первые признаки того, что советское господство в Восточной Европе будет полным и безоговорочным. 7 марта 1945 года Черчиллю пришлось прервать ужин, поскольку пришли сведения о коммунистическом перевороте в Румынии и об отстранении от должности прозападного премьера Румынии Николае Радэску, в результате чего он был вынужден искать убежища в английском посольстве. Это не должно было бы стать неожиданностью — в конце концов, Черчилль сам предложил Сталину 75 % контроля

над Румынией — но тем не менее новость буквально взбесила премьера. Его личный секретарь так описывает ситуацию:

«Кажется, начинаются разборки с русскими, которые проявляют все признаки возвращения к Ялтинским спорам по Польше и насильственно насаждают коммунизм в Румынии. Премьер-министр и Иден опасаются, что наша готовность доверять русским была ошибкой — и с унынием глядят в будущее...»⁴³

Черчилль был бессилен остановить Сталина в Румынии, к тому же Румыния во время войны была враждебным государством, и потому премьер и не собирался конфликтовать со Сталиным по поводу будущего этой страны. Разочарование и гнев вскоре утихли — Черчилль, разумеется, вспомнил, что и сам был в некотором роде причастен к расцвету коммунизма в Румынии. Чтобы напомнить Рузвельту о «разумном поведении Сталина в вопросе с Грецией», он телеграфировал следующее:

«Нам затруднительно выразить протест против происходящего в Румынии, поскольку мы сами пошли на уступки, чтобы спасти для Запада Грецию. Иден и я во время октябрьского визита в Москву сами отдали русским приоритет в Румынии и Болгарии, чтобы прибрать к рукам греков. Сталин оценил этот жест и выполнил условия соглашения, так и не вмешавшись за месяц противостояния с коммунистами в Афинах, даже несмотря на то, что ему это, разумеется, было крайне неприятно...»⁴⁴

Итак, в Румынии Черчилль был бессилен — но Польшу во время октябрьской встречи даже не обсуждали, поэтому ее послевоенный раздел тогда не был предметом торга. Теперь Черчилль вознамерился занять жесткую позицию

и даже пересмотрел свое отношение к корпусу Андерса. На полях докладной записки от Идена он написал:

«Они нам понадобятся. Британский Иностраннный Легион станет хорошим подспорьем после войны»⁴⁵.

Однако пока Черчилль строил планы насчет освобождения Польши, Госдепартамент США, пусть и в обтекаемой форме, отмежевался от излишне радикальной позиции Британии. Как сообщал посол Великобритании в США, лорд Галифакс, американцы не желали присоединяться к ноте британского МИДа в адрес Сталина. По мнению США, британский подход был «слишком категоричен и слишком явно демонстрировал высокую степень недоверия советским намерениям относительно Польши»⁴⁶.

Однако Черчилль был на правильном пути — в Польше начали разворачиваться пугающие события, отчасти — с благословения Сталина.

Хотя британское Управление внешней разведки не располагало документальными подтверждениями (так как в Польше попросту не было английских агентов), от правительства в изгнании (напомним, безвылазно сидевшего в Лондоне. — *Примеч. перев.*) шел буквально поток панических сообщений.

В Польше якобы шла поголовная регистрация мужчин от 16 до 65 лет. Переписывалось всё (опять же, по слухам): пишущие машинки, копировальные аппараты, типографские станки и почему-то — домашний скот. Все отслужившие в армии окружены, арестованы, расстреляны или на худой конец депортированы в товарных вагонах в Советский Союз. Кроме бывших военнослужащих арестованы, расстреляны или депортированы профессора, помещики, священнослужители и все-все-все, кто мог бы бросить вы-

зов новому порядку в Польше. Советские *tchekisti* из НКВД были стремительны, точны и безжалостны в искоренении любых форм протеста⁴⁷.

Американцев, разумеется, тоже в некоторой степени тревожили эти сведения, но лишь в связи с тем, что из-за них могли испортиться отношения со Сталиным.

Госсекретарь военного ведомства США, Генри Стимсон писал в своем дневнике в апреле 1945-го:

«Наши отношения с Россией начали портиться, по большей части — из-за расхождения в понимании, что есть «демократическая» власть в Польше»⁴⁸.

Стимсона беспокоило, что польский вопрос может оказаться переломным моментом в отношениях между союзниками:

«Русские, по всей видимости, категорически отказались от принятых в Ялте соглашений и больше не желают позволить выборы смешанного правительства Польши, настаивая на том, что единственной законной властью там является отныне Люблинский Комитет»⁴⁹.

Рузвельт предостерег Черчилля от споров со Сталиным по поводу полицейского произвола в Польше.

«Вы должны помнить — в Ялте Сталин совершенно ясно высказался по поводу «террористической деятельности» лондонского филиала, направленной против Красной Армии и Люблинского Комитета».

Рузвельт считал несправедливым то, что союзники стремятся сдержать только Советский Союз и контролируемое им Люблинское правительство — и не обращают внимания на деятельность антисоветского Сопротивления.

«Я очень надеюсь, что вы не станете обращаться по этому поводу к Дядюшке Джо!»⁵⁰

Черчилль приходил в отчаяние от политической импотенции Запада. Он сообщал Рузвельту:

«В настоящее время у нас нет ни малейшей возможности просто *попасть* в Польшу — над этой страной опустился полностью непроницаемый занавес»⁵¹.

Как только Запад представил Сталину первые списки прозападных кандидатов в польское правительство, советский лидер отверг их. Предстояло искать новые кандидатуры. Недели шли за неделями, процесс затягивался, и наконец Черчилля осенило:

«Ясно, как божий день, что тактика Сталина — максимально затянуть переговоры, пока Люблинский Комитет консолидирует вокруг себя поляков!»⁵²

Между тем нельзя было сказать, что Люблинский Комитет, возглавляемый Болеславом Берутом, пользовался популярностью. Одним из отчаянных шагов Комитета стало исключение из списков актива довольно авторитетного национального лидера, Станислава Миколайчика, вокруг которого могли сплотиться поляки⁵³. Были и другие — те, кого Сталин стремился исключить из политической жизни в стране.

С этой целью к польскому подполью от имени представителя командования 1-го Белорусского фронта Иванова обратился полковник НКВД Пименов. Предлагалось обсудить проблемы безопасности в тылу Красной Армии, а также деятельность так и не сложивших оружие после расформирования подразделений Армии Крайовой, сражавшейся против Советов. Кроме того, целью встречи должно было стать обсуждение выхода из подполья различных политических партий, чтобы они могли быть включены в общий спектр демократических сил независимой Польши. В числе при-

глашенных на переговоры были как гражданские лица — вице-премьер подпольного правительства и председатель Совета национального единства — так и последний главнокомандующий распушенной Армии Крайовой, генерал Леопольд Окулицкий по кличке «Медвежонок».

Присутствие Окулицкого, вероятно, требовалось для заключения соглашений на самом высоком уровне. Впрочем, сам он лететь на встречу — несмотря на гарантии безопасности — не хотел (и это неправда — он нарушил приказ Андерса и полетел на встречу с «генералом Ивановым» по собственной инициативе. — *Примеч. перев.*), поскольку уже имел возможность познакомиться с «гостеприимством» НКВД еще до войны, во время пребывания под арестом на Лубянке в январе 1941 года. (А особая прелесть этого пребывания была в том, что тогда Окулицкого, скорее всего, и завербовали — во всяком случае, показания он давал охотно и подробно, договорившись до того, что возглавляемый им Союз вооруженной борьбы будет воевать на стороне СССР. — *Примеч. перев.*)

Как бы там ни было, в Лондоне сочли, что это последняя возможность для поляков заявить о своей позиции Москве. Русские предложили провести переговоры с делегацией представителей подполья в Лондоне — это усыпило бдительность поляков — но предварительно следовало собраться для обсуждения повестки переговоров в небольшом городке Пружков, находившемся в советской зоне контроля⁵⁴.

В вопросе установления демократии в Польше появился некоторый проблеск надежды, и Черчилль переключил свое внимание на запоздалое вступление в войну Турции и Египта. В интересах союзников требовалось дистанцироваться от этих государств, однако Черчилль, вместо решительного

отмежевания от Турции, рассчитывал на ее поддержку в будущем:

«Отношения с Россией позволяют сделать вывод, что мы не должны отделять себя от Турции или ставить ее в еще более унижительное положение, чем то, к которому уже привело ее отсутствие военной модернизации. Турция может стать полезной нам в будущем... Изменения в отношении России и общей атмосфере со времен Ялты весьма печальны»⁵⁵.

В последний месяц войны в Европе недоверие между Сталиным и европейскими союзниками нарастало, чему поспособствовала попытка тайного сговора Запада с Гитлером. Сталин полагал, что англичане и американцы пошли на скрытую сделку с немцами, получившую известность как «Инцидент Берга». Заметные лидеры нацизма, такие как Риббентроп, действительно искали контакта с Западом, зондируя почву на предмет ухода от ответственности и даже создания союза с Германией, направленного против Советского Союза.

Однако благодаря данным разведки и радиоперехватов, англичане знали, что одновременно делаются попытки вести подобные переговоры и со Сталиным⁵⁶. В атмосфере стремительно возрастающего недоверия Черчилль больше, чем когда-либо, стремился добиться успеха в заключении «справедливой» сделки по Польше. Одновременно они с Энтони Иденом совершенно четко заняли сторону Польши в противостоянии со Сталиным. С начала войны в 1939-м, когда Британия занимала вполне жесткую позицию по поводу недопустимости нарушения границ Польши, прошло всего три года — и в начале 1942 года Иден кардинально изменил политический курс. Без сомнения, этому способ-

ствовало плачевное состояние английских военных ресурсов, диктовавшее необходимость установления более тесных связей с Советским Союзом; претензии Сталина в отношении стран Балтии и части Польши уже не отвергались, а принимались к рассмотрению и обсуждению.

Впрочем, Черчилль был в меньшей степени склонен к компромиссам, и Идену пришлось выдержать изрядное давление со стороны консервативного премьера, считавшего, что партийные лидеры недостаточно оптимистичны в этом вопросе. Общий настрой консерваторов к 1945 году был таков: британское правительство должно твердо стоять на позициях противодействия установлению гегемонии Советов в Европе, и если Советы в результате обидятся и попытаются бойкотировать переговоры по поводу создания ООН на конференции в Сан-Франциско, «то и Бог с ними»⁵⁷.

Сталин неуклонно продвигал Люблинский Комитет на роль правительства Польши — и потому всячески подчеркивал, что эта организация является независимой. В телефонном разговоре с Черчиллем от 11 апреля Сталин подчеркивал, что является исключительно сторонним арбитром в «польском вопросе»:

«Миколайчик открыто выступает против решений, принятых на конференции в Крыму [в Ялте]. Тем не менее, если вы считаете это необходимым, я готов использовать все свое влияние на Временное правительство Польши [Люблинское], чтобы они отозвали свои возражения против приглашения в новый кабинет Миколайчика... конечно, если он сделает публичное заявление о своем согласии с решениями Крымской конференции и готовности установить дружественные отношения между Польшей и Советским Союзом»⁵⁸.

Хитрость Сталина, судя по всему, сработала, поскольку уже через несколько дней после этого разговора Черчилль обратился к военному блоку своего кабинета, сообщив им о том, что весьма воодушевлен стараниями Сталина выступить в роли посредника между Люблинским и Лондонским филиалами польского правительства, и что подобные попытки внушают истинный оптимизм⁵⁹.

Под воздействием этого оптимизма Черчилль сам надавил на Миколойчика, вынудив его сделать публичное заявление о согласии с претензиями Сталина на Восточные территории, включая даже наиболее спорную их часть — старинный польский город Львов⁶⁰. Однако этот широкий жест в сторону Сталина не встретил никаких позитивных сигналов из Кремля. Ответом было гробовое молчание. Советы не отвечали даже на постоянные запросы поляков о местонахождении и судьбе руководителей польского подполья, бесследно исчезнувших 27 марта из города Пружков.

Они исчезли очень вовремя, в самый критический момент. Однако назревало еще одно событие, способное расстроить хитроумный план советского лидера...

3. ТРИ РЫБАКА

Во второй половине дня 12 апреля 1945 года президент США Франклин Делано Рузвельт предупредил художника, писавшего его портрет: «У вас есть еще 15 минут». Сразу после этих слов он схватился за голову и упал на пол. Спустя некоторое время врачи констатировали смерть от обширного кровоизлияния в мозг.

Смерть тридцать второго президента Америки не могла бы приключиться в более неудачное время. Со смертью Рузвельта

Сталин терял «честного посредника», как любил себя называть сам Рузвельт, а Черчиллю предстояло с нуля налаживать отношения с совершенно неизвестным ему преемником. Вдобавок Черчилль демонстративно не приехал на похороны — им все еще владела обида на покойного Рузвельта за то, что тот не поддержал его в противостоянии со Сталиным¹.

Однако государственная машина Штатов работала без сбоев. Гарри Трумэн был приведен к присяге всего несколько часов спустя и выглядел столь же ошеломленным таким стремительным взлетом своей карьеры, как и окружающие. Фермер из Миссури, любитель покера — он был компромиссным вариантом в экстремальной ситуации и знал об этом, однако твердо настроился оставить свой след в истории. В вечер своего избрания он записал в дневнике:

«Меня не так-то просто шокировать, и все же я был шокирован, когда мне сообщили о скоропостижной кончине нашего президента и о том, что отныне вся власть переходит ко мне... Я знал, что президент Рузвельт много раз встречался со Сталиным и Черчиллем. В отличие от него, я не знаком ни с одним из них — и тут есть, о чем серьезно подумать, однако я пришел к выводу, что лучшее на сегодня решение — пойти домой, хорошенько отдохнуть, послушать музыку и выспаться, насколько это возможно»².

Трумэн много лет находился всего лишь на периферии государственной власти, но он с самого начала занимал куда более жесткую позицию в отношении Сталина, чем Рузвельт. Лихо отождествив Сталина и Гитлера, он утверждал, что «ни тот, ни другой не считают нужным держать свое слово»³.

Со своей стороны Сталин был серьезно обеспокоен уходом со сцены Рузвельта: он всегда и не без оснований счи-

тал, что Рузвельту не хватит смелости для противостояния с Советским Союзом. Таким образом, Рузвельт был своего рода гарантом безопасности СССР в стане союзников. Если бы Рузвельт был жив, Сталин мог бы согласиться на участие союзных армий в битве за Берлин, однако смерть Рузвельта внесла коррективы в военные планы. Сталин приказал начать наступление на столицу Германии 16 апреля 1945 года⁴.

Падения Берлина с нетерпением ожидали все, однако даже к концу апреля немцы оказывали ожесточенное сопротивление, поэтому отказываться от помощи западных союзников было рано. Для подавления этого сопротивления предстояло освободить северо-запад Голландии, север морского побережья Германии, Фризские острова и архипелаг Гельголанд в Северном море. Сопротивление оказывали немецкие войска в Дании и Норвегии, враждебно настроенными оставались части в Австрии и Чехословакии. Немецкая авиация все еще удерживала базы даже на побережье Франции, освобождения ожидали Нормандские острова⁵.

Не оставалось никаких сомнений, что вскоре все эти территории будут освобождены, однако Черчилль был уверен, что Сталин постарается заполнить вакуум власти на местах. В первую очередь это касалось Австрии. Если Сталин добьется успеха — не откроется ли тем самым путь для дальнейшего советского наступления на Запад? Большая часть Австрии уже находилась под контролем Красной Армии. Она вышла к пригородам Вены 7 апреля, через неделю, после тяжелых уличных боев полностью овладела городом, а вместе с ним — и всей восточной половиной страны.

Мифы о грядущих освободителях развеялись быстро⁶.

Тем временем американские и британские войска вошли в западную часть страны, после чего Австрия совместным

решением союзников была поделена на четыре оккупационные зоны, как и Германия. Вена также должна была быть поделена на четыре сектора — советский, американский, английский и французский — однако Сталин подготовился заблаговременно и стремительно создал Временное правительство Австрии. Здесь руки у него были развязаны, поскольку, в отличие от Франции или Италии, в Австрии не сформировалось движение Сопротивления, представители которого могли бы сформировать ядро будущего правительства. В известном смысле Австрия представляла собой «чистый холст» для Сталина — но у этого преимущества имелась и обратная сторона: местные коммунисты были слишком аморфны и неопытны, а от них требовалось быстро создать дееспособное правительство⁷.

29 апреля был приведен к присяге кабинет министров под руководством канцлера-социалиста Карла Реннера. Предполагалось, что новое правительство будет демократическим — и действительно, в его составе оказались не только коммунисты, но и вполне умеренные социалисты — однако присутствие на церемонии присяги большой группы советских офицеров было красноречивым и зловещим знаком. Черчилль был возмущен происходящим — однако в Австрии, как и в Польше, Сталин обладал неоспоримым преимуществом, контролируя столицу и значительную часть всей страны.

Также возникли разногласия и по поводу аэродромов союзников на территории Австрии. Сталин отказался допустить их дислокацию в советской оккупационной зоне. Даже столкнувшись с открытым возмущением союзников — при том, что у них было явное военное преимущество на западе страны, три британских и три американских

крупных подразделения, — Сталин не пошел на попятный, поставив свои планы на грань прямого конфликта с Западом. Представителям союзников было отказано в доступе в Вену, где собирались обсудить разделение территории на зоны ответственности⁸.

Подобные истории повторялись по всей Европе, и командиры союзных армий все чаще испытывали горькое разочарование от взаимодействия с советскими коллегами. Британский командующий, фельдмаршал «Джамбо» Уилсон, к примеру, был остановлен русскими, которые не позволили ему захватить немецкую базу подводных лодок в Гданьске:

«Он [генерал Дин] предложил, чтобы для получения доступа в Гдыню [Гданьск] мы задержали бы отправку следующего русского конвоя. Нашим конвоям всегда грозила наибольшая опасность именно от подводных лодок противника, и если уж нам не дают возможности устранить источник этой угрозы — то почему мы должны идти на неоправданный риск с отправкой конвоев?»⁹

В сущности, Сталин в Австрии придерживался той же политики, что и в Польше: сначала надолго затягивал переговоры с союзниками, а затем, якобы под давлением, делал ряд уступок — например, позволяя ввести в правительство представителей умеренных демократических партий. Любые возражения Запада переадресовывались грядущей конференции в Потсдаме, но к этому времени Сталин уже успел бы заложить основы советского владычества по всей Восточной Европе¹⁰.

Неудивительно, что Черчилль чувствовал себя умственно и физически истощенным. Он потратил пять тяжелейших лет на подъем британской военной экономики, а теперь ей грозила опасность со стороны коммунистических диктатур,

установленных в Восточной Европе. Со времени Ялтинской конференции он пытался хоть как-то поколебать почву под ногами Сталина и вернуть Западу утраченные позиции, но к середине апреля 1945 года практически отчаялся, а чувство вины перед Польшей достигло апогея.

Черчилль собрал членов Объединенного комитета начальников штабов МО и приказал подготовить план использования военной силы против СССР.

Начальники штабов лучше всего подходили для разработки этого сверхсекретного плана, так как подчинялись полностью и напрямую Черчиллю, совмещавшему должности премьера и министра обороны. Черчилль мог не сомневаться в конфиденциальности и секретности докладов Комитета, а также в высочайшем военном профессионализме и компетентности авторов проекта. Хотя, справедливости ради, стоит заметить, что безоблачным существование этого Комитета было отнюдь не всегда¹¹. Создан он был в 1923 году, в качестве Подкомитета МО Британской империи, и очень многие британские политики считали, что военные получили слишком много полномочий.

Раньше руководители Комитета с неохотой принимали на себя коллективную ответственность, но триумvirат военной эпохи во главе с фельдмаршалом сэром Аланом Бруком оказался грозной и эффективной командой¹².

В Комитет также входил командующий ВМС (адмирал сэр Эндрю Каннингем) и начальник штаба ВВС (маршал авиации сэр Чарльз Портал), а также генерал сэр Гастингс Исмей, выполнявший обязанности секретаря. Исмей, бывший также главой администрации Черчилля, носил прозвище «Мопс»; он был крупным сильным человеком, кладезем анекдотов, которые, по словам его заместителя, очень любил

рассказывать, но всегда сам начинал смеяться перед самой кульминацией¹³. Кроме шуток, все они давно уже составляли отличную команду как в работе, так и в жизни — например, разделяли общую страсть к рыбалке, которой предавались даже во время конференции в Квебеке, в 1944 году. Впрочем, в верхушке командования не все было столь безоблачно. Брук, как начальник Генерального штаба, отвечал не только за британскую армию, но и за взаимодействие с американцами — этим занимался Объединенный комитет начальников штабов¹⁴. По словам Исмея, с этой ролью он справлялся не вполне удовлетворительно:

«Американцы сначала не принимали Брука из-за его прямолинейного и позитивного подхода к общим проблемам и плохо скрываемого презрения к «теоретическим воякам»; кроме того, он еще и говорил быстрыми резкими фразами, словно строчил из пулемета — и они не всегда понимали его. Позднее, узнав его лучше, они прониклись к нему доверием и признали, что он в высшей степени профессионален... Порой он бывал откровенен до жестокости. Он никогда не сдерживался — ни малейшей утонченности, дипломатии или блефа. Временами мог быть чрезвычайно упрямым. Нетерпеливый, вспыльчивый, едкий, истинный кельт — в глубине души он был ужасно добросердечен и всегда раскаивался после своих опрометчивых и поспешных резких слов»¹⁵.

Портал чувствовал, что и Брук не слишком дружелюбно относится к американцам, его часто коробило от их заявлений и действий. Только к концу войны некоторые командующие армией США — например, командующий сухопутными силами, генерал Маршалл — смогли установить с Бруком дружеские отношения. Это стало большим облег-

чением для всех, поскольку Бруку по долгу службы приходилось часто общаться и проводить много времени с начальниками американских штабов. Было подсчитано, что в общей сложности за время своего пребывания на посту он находился вдали от Лондона около 2 лет¹⁶.

Кроме того, Брук всегда очень критично относился к любым предложениям Черчилля, и нет сомнений, что план применения военной силы против Советского Союза, разумеется, привлек его самое пристальное внимание.

Черчилль хотел получить от военачальников резервный план на случай непредвиденных обстоятельств. Он снова и снова подчеркивал свою глубокую озабоченность отказом СССР от Ялтинских соглашений, а также тем, что Сталин крепко взял за горло Польшу, перед которой Великобритания несла обязательства по установлению демократии. Напряженность только усилилась, когда британское правительство 11 апреля получило известия о тайном аресте под Краковом Анджея Витоса, принадлежавшего к «умеренным» членам Люблинского Комитета (не арестован, а задержан был Витольд Витос, старший брат Анджея, председатель Крестьянской партии. После вмешательства Черчилля отпущен, умер в августе 45-го от тяжелой болезни. Не были репрессированы ни он, ни его брат, также видный польский деятель от той же партии. — *Прим. перев.*).

Росла тревога по поводу того, что все деятели польского подполья, соглашавшиеся на встречу с представителями советского командования, бесследно исчезали¹⁷.

Кроме того, Сталин не оставлял попыток при любом удобном случае расширить свое влияние на территории Западной Европы. Поэтому первым «заданием» военным от Черчилля стала «оценка потенциальной способности Бри-

тании оказывать давление на Россию путем угроз или применения силы». Они должны были «вычислить вероятность успеха упреждающего удара объединенных сил Англии и США против СССР в течение двух месяцев после капитуляции Германии». Целью такого удара должно было стать принуждение Сталина к подчинению воле его бывших союзников, в первую очередь — восстановление целостности Польши, затем — вторжение в Советский Союз. Если Красная Армия потерпит поражение, то карту послевоенной Европы будут рисовать уже только западные державы¹⁸.

Учитывая чувствительность темы, задание было сверхсекретным. О плане должны были знать только начальники штабов и их непосредственные подчиненные. Они должны были собирать все параметры и сведения, предлагать возможные пути решений, а уже после этого, на основании всех полученных материалов группа старших офицеров Генштаба создаст единый план, подготовка и выполнение которого будут возложены на три отдельные службы.

В первую очередь требовалось быстро и тайно собрать максимум сведений и свести их воедино — каким бы невероятным это ни казалось. Если бы командующие штабов в результате не имели бы ответа на любой вопрос, не предусмотрели бы любое развитие сценария — это свидетельствовало бы об их халатности и некомпетентности, невзирая на то, как мало времени у них было в запасе. Генерал-майор Фрэнсис Дэвидсон, начальник разведки, вспоминает, что однажды ему пришлось в высшей степени оперативно отреагировать на немецкий рейд в Средиземноморье:

«В 12.45 мне позвонил начальник Объединенного комитета и сообщил, что в 17.30 того же дня я должен буду про-

информировать начальника штаба о маршрутах, времени и любых деталях немецкого рейда в Афинах и Салониках!! Из меня сделали козла отпущения, но ответ на все вопросы я должен был дать всего через пять без малого часов!»¹⁹

К счастью, такие «дэдлайны» все же были редкостью, и большинство военных экспертов имело в своем распоряжении гораздо больше времени, чем бедняга Дэвидсон, однако требования все равно ошеломляли. Весной Объединенный комитет был буквально завален требованиями отчетов по возможным операциям в Бирме и Борнео, а также аналитики по состоянию послевоенной Европы. Отчеты о вступлении в войну Турции и Египта, о планах нападения на материковую Японию, о грузовом судоходстве и производстве самолетов дождем сыпались в ответ на членов Комитета.

В одном из таких отчетов делалась попытка предугадать дату окончания войны, большое внимание уделялось укреплениям нацистов в Баварии и немецкому сопротивлению в Норвегии. Интересно, что аналитики в один голос твердили о невозможности капитуляции Германии раньше конца июня — соответственно, и планы наступления против СССР подверстывались к этому сроку. Впрочем, все это аналитическое изобилие вовсе не означало, что подобные планы на самом деле войдут в военную доктрину правительств²⁰.

Хотя Объединенному комитету предстояло подготовить план, имеющий, без преувеличения, международное значение, в его состав входили на удивление молодые люди, хотя и с прекрасной родословной. Секретарем комитета был подполковник Джордж Мэллаби. Членами подкомитетов — капитан Гай Грэнтем (начальник оперативного отдела в Ад-

миралтействе), бригадный генерал Джеффри Томпсон из военного министерства, коммодор авиации Вальтер Ллойд Доусон. Они должны были подготовить свои части плана с подробными приложениями, картами развертывания сил с возможными направлениями атаки²¹.

Обычно для составления подобных планов широко привлекались советники из различных министерств и ведомств, таких, как МИД, МВД, департаменты снабжения и транспорта — однако на этот раз, ввиду повышенной секретности плана к их услугам решено было не прибегать²².

По словам сэра Йена Джейкоба, помощника военного атташе МО, сам Черчилль мало времени уделял Объединенному комитету и потому не мог по достоинству оценить их работу. Сэр Джейкоб вспоминал, что Черчилль однажды неодобрительно отозвался о комитете как о «механизме полного отрицания всего и вся», хотя на самом деле подобная осторожность была продиктована важностью поставленной задачи: аналитики должны были рассмотреть весь спектр проблем, а для премьера это выглядело как нагромождение лишних препятствий²³. Сами по себе сотрудники обладали высочайшей компетенцией, однако справедливости ради стоит отметить, что планирование послевоенной стратегии не было сильной стороной британской военной машины, поскольку слишком сильна была межведомственная конкуренция, игравшая в этом вопросе разрушительную роль.

Отдельные военные планы для различных штабов обычно составлялись Объединенными штабами планирования, однако ими могли заниматься и не такие крупные подразделения и отделы. Например, в 1942 году был создан Подкомитет для разработки военных планов в чрезвычайных

ситуациях. В 1944-м этот подкомитет трансформировался в отдел послевоенного планирования, тесно взаимодействующий с Министерством иностранных дел по вопросам общей стратегии²⁴.

Тем не менее между МИД и военными всегда существовали определенные трения, особенно в вопросах, связанных с Советским Союзом. МИД решительно отстаивал необходимость сохранения дружественных отношений; заместитель госсекретаря, сэр Орм Сарджент предупреждал:

«Дать Кремлю узнать, что Великобритания готовится к войне с СССР — это кратчайший и самый надежный путь к началу подобной войны»²⁵.

Некоторые представители вооруженных сил Британии резко выступали против сотрудничества с Советским Союзом, однако именно это и не позволяло Объединенному комитету в полной мере рассчитывать на их объективность в оценках. В итоге в последние недели апреля и в начале мая члены Объединенного комитета вплотную приступили к работе над одним из самых спорных проектов в своей карьере. Военный план, который должен был привести к Третьей мировой войне, содержал в себе множество сюрпризов...

4. ПЛАН «БЫСТРЫЙ УСПЕХ»

В апреле и мае 1945 года Штаб объединенного планирования работал днем и ночью в недрах военного министерства, продираясь сквозь бесчисленные допущения, гипотезы, статистику и прогнозы, которые должны были лечь в основу «Операции «Немыслимое». Работа началась с формулирования основных целей и задач.

Министерство обороны.

Штаб объединенного планирования

Операция «Немыслимое»

Доклад Штаба объединенного планирования.

1. Нами проанализирована возможность проведения операции «Немыслимое». В соответствии с указаниями анализ основывался на следующих посылах:

а) Акция получает полную поддержку общественного мнения как Британской империи, так и Соединенных Штатов, соответственно, высоким остается моральный настрой британских и американских войск.

б) Великобритания и США имеют полную поддержку со стороны польских войск и могут рассчитывать на использование немецкой рабочей силы и сохранившегося германского промышленного потенциала.

с) Нельзя полагаться на какую бы то ни было помощь со стороны армий других западных держав, хотя в нашем распоряжении на их территории находятся базы и оборудование, к использованию которых, возможно, придется прибегнуть.

д) Русские вступают в альянс с Японией.

е) Дата объявления военных действий — 1 июля 1945 г.

ф) До 1 июля продолжается осуществление планов перемещения и демобилизации войск, затем оно прекращается.

В целях соблюдения режима повышенной секретности консультации со штабами министерств, ведающих видами вооруженных сил, не проводились.

ЦЕЛЬ

2. Общеполитическая цель — навязать русским волю Соединенных Штатов и Британской империи.

Хотя «воля» двух стран и может рассматриваться как дело, напрямую касающееся лишь Польши, из этого вовсе не следует, что степень нашего участия непременно будет ограниченной. Быстрый успех может побудить русских хотя бы временно подчиниться нашей воле, но может и не побудить. Если они хотят тотальной войны, то они ее получают...¹

Итак, планировщики основывали свои схемы на двух гипотезах. Первая из них предполагала быстрый военный успех, которого будет достаточно, чтобы склонить Сталина к повиновению и навязать России «волю» западных союзников, в объединенные силы которых войдут армии Британии, США, Польши и Германии. Если таковой успех будет достигнут, никакого дальнейшего планирования, равно как и дальнейшего военного вмешательства не потребуется.

Вторая гипотеза являлась по-настоящему кошмарным сценарием: быстрый военный успех не достигнут, конфликт перерастает в тотальную войну, другими словами — в Третью мировую войну между Востоком и Западом. Впрочем, планировщики настаивали: «если политической целью является достижение определенного и окончательного результата, необходимо добиться поражения России в тотальной войне»².

Обе гипотезы включают в себя одинаковое начало — сперва нападение на советские оккупационные зоны, затем начальная стадия наступления на территории Северной Европы. Предложена дата — 1 июля 1945 года — достаточно заблаговременно, чтобы успешно провести кампанию до наступления зимы. Кроме того, эти сроки позволят Объединенному штабу планирования привлечь все необходимые данные, проанализировать их и сделать выводы.

Известно, что начальники штабов изучили план операции к концу мая, так что вполне реально предположить, что работа над планом началась где-то в середине апреля. Тем не менее тот же Объединенный штаб в начале апреля утверждал, что война закончится 30 июня. Именно от этой даты и отсчитывалось начало операции «Немыслимое» — удар должен быть нанесен на следующий день, 1 июля. Перспектива начала Третьей мировой на следующий день после окончания Второй сегодня кажется невероятной³.

Подготовка к нападению была бы сразу видна советским агентам в Германии. Повысится активность ремонта подъездных путей и коммуникаций, ведущих с запада на восток, линия обороны вдоль Эльбы будет усилена. Придется строить новые аэродромы и взлетно-посадочные полосы, чтобы позволить истребителям вести разведку с воздуха; нужно создавать перевалочные топливные базы. Русские смогут заметить активные передвижения крупных войсковых соединений, равно как и отмену отпусков и увольнительных для военнослужащих. Демобилизация замедлится. Советская агентура быстро обнаружит, что воздушное пространство взято под тотальный военный контроль. Поскольку русские контролируют деятельность портов, они обратят внимание, что торговые суда союзников будут отозваны. Железнодорожные вокзалы будут переполнены, танковые колонны и артиллерийские бригады займут большую часть путей. Большинство скорых поездов будет перенаправлено на восток.

Повышение активности бывших союзников в Северной Европе будет очевидным для Сталина, как только маховик подготовки к наступлению будет запущен.

Казалось, планировщики начисто упустили из виду фактор внезапности, по крайней мере — на начальной стадии

операции. Они были больше озабочены стратегией в широком смысле слова. Подготовлены они были хорошо, спору нет, поскольку Объединенный штаб включал в себя представителей штабов всех видов вооруженных сил. Наземные операции планировал бригадный генерал Джеффри Томпсон, обладавший большим военным опытом. Ранее он действовал совместно с французскими войсками на Ближнем Востоке, а совсем недавно, до перевода в штаб, командовал Первым артиллерийским полком⁴. Он хорошо знал европейскую арену боевых действий и потому определил, что гористая южная часть Европы наименее пригодна для продвижения на восток, за исключением долины Дуная. Таким образом, по его мнению, атака на советские оккупационные зоны должна быть произведена одновременно на территории Восточной Германии и Польши. Северный фланг наступления пройдет по оси Штеттин (позднее польский Щецин) — Шнайдемюле — Быдгощ. Южный — по оси Лейпциг — Котбус — Познань — Бреслау (позднее Вроцлав).

Также существует вероятность, что советские войска, заметив повышенную активность союзников перед 1 июля, будут готовы оказать массированное сопротивление практически в любой точке линии атаки. Однако если прорыв удастся, Советы будут вынуждены отступить на линии обороны вдоль рек Одер и Нейсе. На востоке будет сосредоточена огромная масса бронетехники, так что высока вероятность того, что именно в этом районе произойдет кульминация танковых столкновений.

Таким образом, основные военные столкновения с участием танков произойдут к востоку от линий обороны Одер — Нейсе, в районе между Штеттином, Шнайдемюле и Быдгощем, где и будет в результате проведена новая граница Германии⁵.

Если результаты этого массированного наступления будут благоприятны для союзников, в дальнейшем предстоит стабилизировать линию Данциг (позднее Гданьск) — северное побережье — Бреслау, примерно 240 миль на юг. Дальнейшее продвижение до наступления зимы будет означать расширение южного фронта, который окажется уязвимым для контратаки советских войск в Богемии и Моравии (Чехословакия).

Предполагалось, что на южном фланге чешская армия (в отличие от поляков) будет твердо стоять на стороне русских и поддерживать любые операции Красной Армии в регионе. Чехи, конечно, «смотрят на Запад в смысле культурной традиции, но на Востоке лежит ключ к их безопасности»⁶.

Планировщики предположили, что если к осени 1945-го объединенные силы смогут закрепиться на линии Данциг — Бреслау, этого будет достаточно, чтобы принудить Сталина к покорности.

Наземная операция — а не действия ВВС или флота — станет решающим фактором; однако если союзники достигнут своих целей (если не учитывать огромное преимущество Советов в живой силе), а Сталин не изменит свое мнение о контроле над Восточной Европой — что делать тогда?

Имеющиеся в наличии силы позволят союзникам удерживаться на обозначенной линии в течение зимы 1945/46 г., после чего им придется либо отступить, либо продолжить наступление по территории сначала Восточной Польши, а потом Советского Союза. Подобное наступление, несомненно, и станет началом «тотальной войны»⁷.

Бреслау вряд ли можно было считать удачным выбором последнего рубежа. Этот немецкий город был столицей

Силезии, но имел несчастье стать — по приказу Гитлера — крепостью, которая любой ценой должна сдерживать наступающие «советские орды» в начале 1945-года. Большинство горожан заставили покинуть город в январе, когда вермахт, усиленный частями фольксштурм и гитлерюгенд, готовился к осаде. Импровизированные укрепления были возведены силами узников концлагерей, большинство которых было поляками из Варшавы. С 16 февраля по 6 мая, то есть практически до дня капитуляции Германии 50 000 военнослужащих и 80 000 гражданских находились в плотном кольце окружения. То, что осталось от города, являло собой картину полного запустения и разорения — фактически это были руины⁸.

Необходимым дополнением к наземной операции должны были стать морские операции на Балтике. Объединенный штаб планирования поручил 45-летнему вице-адмиралу Гаю Грэнтему провести оценку состояния ВМС союзников и разработать стратегию.

Грэнтем был недавно назначен в Отдел планирования Адмиралтейства, до этого его блестящая карьера развивалась в Средиземноморье. Он имел опыт нескольких операций десантирования, а также командовал авианосцем «Неукротимый» во время операции на Сицилии. Хорошо информированный, в высшей степени компетентный командир, он совсем недавно представил Каннингему отчет «Требования к послевоенному флоту»⁹.

Грэнтем пришел к выводу, что для оказания полноценной поддержки наземной операции со стороны Балтийского побережья военно-морские силы союзников должны быть собраны в немецком порту Брунсбюттель, а также распределены по базам вдоль северного побережья Германии.

Брунсбюттель был идеальной военно-морской базой. Он располагался в устье Эльбы, имел выходы и в Северное море, и в Кильский канал. Также предполагалось задействовать шведскую базу в Карлскруне, расположенную на юге страны, однако никто из аналитиков-планировщиков не упомянул о плачевном техническом состоянии этой базы, почти полностью разрушенной бомбардировками самих же союзников. Аналогичным образом не было никакого упоминания и о минных полях, особенно в акватории датского побережья, где интенсивность минирования исключала прохождение любого судна¹⁰.

Силы объединенных ВМС должны были включать два-три крейсера, две флотилии эсминцев, флотилию подводных лодок (малого класса); несколько флотилий моторизованных батарей/бронекатеров; 1 штурмовое соединение. Все эти корабли могли быть взяты из флота Великобритании, так как угроза со стороны советского флота в Северном море оценивалась как «легкая». Однако не следовало забывать о задачах английского флота на Дальнем Востоке, хотя аналитики были уверены, что любые советские корабли, пытающиеся прорваться из балтийских портов или через Дарданеллы, будут легко потоплены превосходящими силами морской артиллерии союзников¹¹.

Все наземные операции в Северной Европе будут поддерживаться флотом со стороны польского побережья. Явное превосходство Королевского флота на Балтике означало, что левый фланг союзников будет надежно защищен. Первичной целью станет захват порта Штеттин, а затем, при помощи многочисленных вылазок десанта, будут постепенно взяты под контроль все береговые батареи. Прогнозируемый успех на море принесет свои плоды, однако

ВМС не станут решающим фактором победы над Сталиным и принуждения его к переговорам.

Несмотря на численное и техническое превосходство союзного флота на Балтике, имелись и серьезные проблемы — в первую очередь в навигации.

Средняя ширина Балтики составляет всего лишь около 100 миль, однако Финляндия и Швеция окружены россыпями мелких островов, а южная часть акватории, приходящаяся на Германию и Польшу, имеет песчаные берега с широкими отмелями и практически не имеет приливного устья. Такая береговая линия удобна для десантирования, но большие корабли могут легко сесть на мель либо напороться на рифы.

Средняя глубина Балтийского моря — около 500 футов. Сильный северо-восточный ветер несет опасность серьезных штормов и может серьезно осложнить задачу ударной морской группировки союзников¹².

Союзники могли контролировать Балтику и с помощью авианосцев. Разумеется, они были бы достаточно уязвимы для русской морской артиллерии и авиации, но в целом Советы не обладали преимуществом на море, а их подводные лодки были несравнимо хуже немецких субмарин.

Исходя из всего этого, в докладе делался вывод о том, что «нам придется на деле упрочить свое военно-морское преимущество на Балтике и быть готовыми предотвратить любое движение русских в сторону Швеции или Дании»¹³.

Имея такое преимущество на море, наземные силы союзников получали хорошую поддержку, но как насчет войны в воздухе? Это была самая сложная часть операции «Немыслимое», за которую отвечал полковник авиации Уолтер Ллойд Доусон.

Перед войной Доусон служил в 24-й и 84-й эскадрильях ВВС Великобритании, затем, в 1939-м, перешел на штабную

работу, служил на Ближнем Востоке. Несколько лет спустя он стал работать по линии координации действий воздушных, морских и наземных сил, и этот бесценный опыт, а также приобретенные знания не могли не пригодиться при разработке плана новой мировой войны. Одновременно он работал, как и Грэнтем, над важным документом для Генштаба, составляя «Требования к послевоенным ВВС Великобритании»¹⁴.

Первоначально Доусон полагал, что преимущество, которым союзники обладают в воздухе, будет осложняться тем обстоятельством, что стратегическим бомбардировщикам придется базироваться в Восточной Англии. В докладе специально подчеркивалось: «Сложная система наземной организации бомбардировочной авиации делает, однако, практически неосуществимым на протяжении нескольких месяцев перемещение последней из Соединенного Королевства в Северо-Восточную Европу, а в течение этого времени возможность нанесения быстрого и решительного удара вполне может быть утрачена»¹⁵.

Поэтому ВВС потребуются временные аэродромы в Европе, однако все равно следует учитывать, что из-за больших расстояний использование стратегических бомбардировщиков будет все более затрудняться и сокращаться по мере продвижения на восток. Использовать авиацию столь же успешно, как и в войне с Германией, будет затруднительно, в том числе и потому, что «русская промышленность настолько рассредоточена, что едва ли может рассматриваться как выигрышная цель для воздушных ударов»¹⁶. В то же время значительная протяженность советских коммуникаций делает их предпочтительной целью атак¹⁷.

В докладе делается предположение, что США, Великобритания и Польша совокупно могут рассчитывать на

следующий состав объединенных ВВС:»При условии, что никаких сокращений в силах передового базирования не предполагается, тактические ВВС союзников в Северо-Западной Европе и Средиземном море будут составлять 6714 самолетов первой линии. Потенциал бомбардировочной авиации составляет 2464 самолета, из которых 1840 базируются в Соединенном Королевстве и 624 на Средиземном море»¹⁸.

На вооружение британских ВВС в конце войны поступили новые истребители, в том числе реактивные Глостер «Метеор» Ф-3. Они довольно успешно проявили себя с 1944 года — Германия использовала аналогичные «Мессершмитт» МЕ-262 для перехвата бомбардировщиков и атак на наземные цели. У русских аналогов не было, хотя объединенное КБ Гуревича и Микояна усиленно работало над созданием реактивного истребителя. Коротко говоря — в 1945 году у союзников имелось явное преимущество в воздухе, благодаря наличию реактивных истребителей, однако немало было и проблем — например, с точностью стрельбы на таких высоких скоростях¹⁹.

Вероятнее всего, союзникам пришлось бы полагаться на американские самолеты Р-51 «Мустанг» и Р-47 «Тандерболт» для прикрытия истребителей, но и они должны были работать с дополнительно построенных авиабаз, а к тому же нуждались в серьезном ремонте после напряженных военных действий.

Аналитики были уверены в превосходстве своей стратегической авиации. Общая группировка должна была состоять из 2464 тяжелых бомбардировщиков, 1840 из которых базировались в Англии, а 624 — на Средиземном море²⁰. Эти самолеты работали эскадрильями, были хорошо воору-

жены, летали на больших высотах, и сопровождали их современные истребители. Красная Армия редко применяла подобную комбинацию во время Второй мировой войны, пока еще не обладая самолетами нового поколения.

В качестве основного стратегического бомбардировщика союзники собирались использовать Боинг В-29 «Суперфортресс», в качестве вспомогательных — уже известные тяжелые бомбардировщики В-17 «Летающая Крепость» и В-24 «Либератор», а также «Ланкастер» МК-I и III и «Галифакс» МК-III из подразделения бомбардировщиков ВВС Великобритании²¹.

В те самые дни, когда обсуждалась операция «Немыслимое», еще не прошел полевые испытания новый бомбардировщик Авро Линкольн, однако к лету 1945-го он уже был одним из целого ряда новых стратегических бомбардировщиков, предназначенных для войны с Японией, запланированной на октябрь 1945 года²². Линкольн был разработан на платформе «Ланкастера» и стал последним в поколении бомбардировщиков с поршневым двигателем. Он мог нести увеличенный запас топлива и большую бомбовую нагрузку. Благодаря тому, что дальность его полета серьезно увеличилась, он уже мог быть использован для бомбардировок советских целей на территориях Польши и Белоруссии.

Советские тактические цели могли быть атакованы при помощи «Москито». Эти цели в первую очередь включали в себя топливные склады, склады боеприпасов, казармы, ремонтные мастерские, штаб-квартиры и командные пункты, а также линии связи и коммуникации, ведущие на передовую²³. Эти коммуникации могут быть с легкостью уничтожены, так как большинство мостов на территории Польши (через Вислу) сделаны из дерева и легко уязвимы для воздушной атаки.

Стратегическими целями должны стать порты, железнодорожные узлы и станции, заводы и фабрики, нефтеперерабатывающие заводы, станции водоснабжения — по этим целям должны работать тяжелые бомбардировщики. Если союзники смогут использовать авиабазы в Иране — тем лучше, поскольку оттуда становятся достижимы советские нефтяные месторождения и заводы. Типовая бомбардировка таких установок самолетом типа «Ланкастер» будет обеспечиваться 14 бомбами (весом 1000 фунтов каждая). Даже при такой загрузке пространство бомбоотсека может быть использовано для размещения запасных баков с топливом²⁴.

Сопровождение истребителями будет затруднено, поскольку на большие расстояния потребуется большой запас горючего. Наши самолеты можно адаптировать под увеличенные топливные баки, однако это серьезно снизит скорость и маневренность истребителей в воздушном бою над территорией противника. Хотя ВВС США недавно придумали гениальное решение: оснастили истребитель Р-51 «Мустанг» съемными баками, закрепленными под крыльями. По мере опустошения баки просто сбрасываются.

Поскольку преимущество союзников в воздухе казалось бесспорным, возможные боевые потери практически не рассматривались. На основании статистики боев во время Второй мировой войны, в частности — битвы за Берлин, потери тяжелых бомбардировщиков составляли порядка 5 %. Однако совокупный процент получался высоким, и это требовало траты дополнительных ресурсов, в особенности — если дело касалось замены двигателя²⁵.

Рассмотрев преимущества союзных ВВС, аналитики обратились к внимательному изучению и оценке сил и возможностей противника.

В целом силы передовой линии русских ВВС имеют в своем составе 16 500 действующих самолетов, объединенных в четыре армии:

— Армейские ВВС численностью около 14 тыс. самолетов, оснащенных для оказания непосредственной поддержки армейским сухопутным операциям. Включают 9380 истребителей и 2380 легких бомбардировщиков.

— Военно-морская авиация. Эти силы в составе свыше 1100 самолетов по характеру соподчинения русскому флоту близки скорее к нашим силам берегового командования и командования миноустановочных частей бомбардировочной авиации, чем с нашими ВВС флота.

— Дальняя бомбардировочная авиация состоит примерно из 1 тыс. самолетов. Пока она показала себя в качестве стратегического назначения неэффективной.

— Силы истребительной авиации (ПВО). Эти подразделения, численностью примерно в 300 самолетов, предназначены для обороны важных целей на территориях в тылу. Кроме того, дополнительные силы оборонительной истребительной авиации входят в состав истребительных подразделений ВВС. Эти самолеты предназначены для обороны важных целей и, вероятно, имеют недостаточный опыт по этой части²⁶.

В целом, однако, они уступают образцам союзных самолетов. Русские ВВС не организованы и не оснащены таким образом, чтобы противостоять современным силам дальних бомбардировщиков или истребителей. В частности, русская радарная техника, насколько можно судить, находится на уровне, значительно уступающем западным стандартам²⁷.

ВВС русских примерно на 50 % зависят от союзных поставок авиационного горючего. В течение ближайших ше-

сти месяцев они едва ли будут в состоянии получать существенные объемы его с бывших германских нефтеперерабатывающих заводов на оккупированных территориях.

Кроме того, Советы опираются на западный импорт резины, алюминия, меди и ферросплавов — т.е. всего жизненно необходимого для самолетостроения. В последние месяцы Второй мировой войны советская промышленность в этой отрасли работает с беспрецедентной скоростью, выпуская до 3000 самолетов в месяц. Этих объемов производства достаточно, чтобы возмещать потери, понесенные от немцев. Однако если союзники откажут русским в поставках алюминия и нанесут им, согласно нашим конфиденциальным планам, тяжелые потери, эти объемы производства окажутся совершенно недостаточными в свете новых требований.

Тем не менее аналитики, казалось, совершенно игнорируют тот факт, что Красная Армия на данный момент занимала ту самую территорию, на которой располагались две трети всего авиационного производства Германии, — Австрию и Чехословакию. Возможно, некоторое время заняло бы перепрофилирование производства, но уже к зиме 1945/46 г. эти заводы могли пополнить любую нехватку самолетов, а помимо этого — еще и использовать новейшие немецкие технологии производства ракет и газотурбинных двигателей²⁸.

Такое недомыслие аналитиков привело к тому, что они не смогли правильно оценить скорость, с которой Советский Союз начал осваивать ресурсы и производство на оккупированных территориях. В течение нескольких недель Красная Армия не только приобрела полный контроль над территориями, но и захватила завод «Юнкерс» в Дессау, «Хейнкель» в Росток и «Мессершмитт» в Винер-Нойштадте.

Инженерные войска русских оперативно демонтировали прессы и станки, отправляя их эшелонами на Восток. Кроме того, на русских уже работали немецкие инженеры, техники, конструкторы и даже летчики-испытатели — в обмен на гарантии жизни и свободы²⁹.

Тем не менее проблемы у советской авиации были — и немалые. Не успел закончиться Парад Победы, как Сталин занялся жестокой и планомерной чисткой рядов военного командования. Насаждая атмосферу страха и полного подчинения, он практически уничтожил командный состав своих ВВС, отправив кого-то в лагерь, кого-то в дальние гарнизоны советской империи, кого-то понизив в должности.

Еще более странным и жестоким было поведение Сталина в отношении солдат и летчиков Красной Армии, попавших в плен во время войны. Довольно много экипажей были сбиты и захвачены на вражеской территории, попали в лагеря военнопленных — однако после окончания войны, вместо радостной встречи с родиной, их ждали встречи с контрразведкой, бесконечные допросы, подозрения в сотрудничестве с противником и новые лагеря. Подобные чистки нанесли большой урон обороноспособности Советского Союза³⁰.

Однако тактическая авиация русских была великолепна. Их истребители прекрасно зарекомендовали себя в боях с «Юнкерсами» Ю-87 или «Мессершмиттами» ME-109. Главным героем и основным «бойцом» этих сражений стал Як-9. Его усовершенствованная модель, Як-9Д, тоже отлично показала себя в боях. «Яки» прикрывали американские бомбардировщики во время атак на румынские нефтяные месторождения. Они обладали большим объемом топлив-

ных баков, могли летать в диапазоне до 845 миль — а стремительный и маневренный Як-9У, выпущенный в самом конце войны, вообще стал непревзойденным бойцом на низких и средних высотах.

По тактическим характеристикам был весьма хорош бомбардировщик КБ Туполева, Ту-2. Двухмоторный самолет был чрезвычайно скоростным и эффективным пикирующим бомбардировщиком, однако мог нести ограниченный запас топлива, что ограничивало и дальность полетов.

Аналитики с удовлетворением обнаружили еще одну слабость советской авиации — в ней практически отсутствовал класс стратегических бомбардировщиков. У Советов не было опыта создания и использования самолетов типа В-29 «Суперфортресс». У американских бомбардировщиков просто не было конкурентов, и потому Сталин не мог поверить в свою удачу, когда осенью 1944 года три В-29, возвращаясь после бомбардировок Японии, совершили аварийную посадку на Дальнем Востоке СССР.

Сталин немедленно приказал начать проектирование и создание «летающих крепостей», хотя КБ Туполева все равно должно было понадобиться несколько лет на создание реплики³¹. Таким образом, к лету 1945-го у русских все еще не было эффективного стратегического бомбардировщика, способного конкурировать с британскими и американскими аналогами. Ту-4 должен был превзойти В-29 — но находился на стадии проектирования, а бомбардировщики КБ Ильюшина, Ил-4 (довольно быстрый в производстве, но сложный в обслуживании) и четырехмоторный Пе-8 могли доставать цели только в пределах Европы.

Пе-8 был признан устаревшим, его вывели из эксплуатации, но Ил-4 оставался базовым самолетом дальней авиации

русских. Он мог нести большой запас бомб (5500 фунтов) на расстояние 2300 миль, однако, по свидетельству одного из его пилотов, летать на нем было не особенно приятно:

«Остойчивость оставляла желать лучшего. Управление нельзя было оставить ни на секунду — даже в самых идеальных условиях полета машина мгновенно реагировала на отпускание штурвала — либо произвольным набором высоты, либо резким сваливанием в штопор. Пилот должен был управлять самолетом в течение всего длительного полета, не отвлекаясь ни на мгновение»³².

Советские летчики испытывали трудности в воздухе — но не меньшие испытания ждали их на земле. Состояние большинства авиабаз и взлетно-посадочных полос было чудовищным. Многим тяжелым бомбардировщикам удавалось взлететь только весной, когда отступали зимние морозы. Генерал-полковник авиации Василий Решетников, служивший в полку дальней авиации, сетовал на состояние советских авиабаз:

«Мой полк был крепок, летал уверенно, хорошо бомбил и метко поражал воздушные цели. При общей в авиации высокой аварийности нас эти несчастья обходили стороной.

Но, боже, как бедно и тяжело мы жили! В периоды распутицы, коих хватало сверх всякой меры, аэродром замирал. Наш чернозем раскисал, расползались дороги, городок намертво изолировался от внешнего мира. Жива была только восьмикилометровая, для нужд сахарного завода, железнодорожная ветка, по которой, если идти пешком по шпалам, можно добраться до ближайшей станции. В непогоду, когда ни проехать, ни подняться на самолете, я не раз пересчитывал те шпалы туда и обратно, то торопясь в штаб дивизии на очередное совещание, которые сверх меры лю-

бил проводить Василий Гаврилович, то возвращаясь в полк. Наши дома и казармы освещались свечами и керосиновыми лампами. Несчастный дизелек лишь иногда по вечерам давал свет в служебные помещения. Мне все не удавалось ни найти приличный генератор, ни добыть вдоволь топлива, ни разжиться стройматериалами, чтоб хоть как-то поправить быт гарнизона»³³.

Как отмечалось в аналитической записке, во время летней кампании убогость подобных объектов была не очевидна и не столь уж важна, однако зимой могла стать важным фактором, работающим в пользу союзников. Советская дальняя авиация казалась планировщикам настолько неэффективной, что во время разработки операции «Немыслимое» ей отводили только роль поддержки сухопутных сил. Поэтому аналитики были уверены в превосходстве союзников в воздухе:

«Действия в воздухе будут иметь форму прямой поддержки наземной операции. Мы должны быть готовы нанести серьезное поражение русским воздушным силам и нанести максимальные повреждения русским железнодорожным коммуникациям»³⁴.

Итак, подавление ВМФ и ВВС Советского Союза планировщики не считали серьезным препятствием, так что в качестве основной проблемы рассматривали прямое столкновение с Красной Армией. Они рассчитали количество союзных войск, базирующихся в Северной Европе, которые могут быть выделены специально для наступательных операций на севере. В связи с этим следует помнить, что эти цифры не показывают общую численность союзных войск в Европе. Одним из ограничивающих факторов для определения количества союзных войск, доступных для на-

ступательных операций, стали так же обязательства по выделению полицейских сил на территории Германии, Италии и Австрии.

Аналитики полагали, что на обеспечение этих обязательств потребуется около одиннадцати дивизий; в то же время еще 25 дивизий должны быть брошены на защиту линии фронта, протянувшейся от Балтики до Адриатики. После выполнения этих обязательств у союзников останется в общей сложности 47 дивизий для обеспечения наступления в Северной Европе, включая 14 танковых дивизий, 25 пехотных дивизий, 5 воздушно-десантных дивизий и 3 «эквивалентные» дивизии, составленные из отдельных пехотных и танковых соединений³⁵.

В эти цифры включены были и польские войска, однако не было достоверно известно, какая часть от четырех польских дивизий в Европе будет участвовать в наступлении, а какая отправится на родину для выполнения внутренних задач восстановления и обеспечения безопасности страны. К концу войны подразделения польской армии принимали участие в боевых действиях по всей Европе, однако номинально они были объединены в два отдельных корпуса: 1-й Польский корпус включал в себя 1-ю бронетанковую дивизию, 1-ю Независимую парашютную бригаду и 16-ю Независимую бронетанковую бригаду. Хотя эти соединения никогда не воевали в виде единого подразделения, каждое из них прошло кровавое боевое крещение на полях сражений в Северо-Западной Европе.

2-й Польский корпус, включавший 3-ю Карпатскую стрелковую дивизию, 5-ю Кресовскую пехотную дивизию и 2-ю Варшавскую бронетанковую дивизию, закончил войну в Италии, где участвовал в освобождении Монте-Кассино.

Тем не менее развертывание этих подразделений в Западной Германии — в рамках осуществления операции «Немыслимое» — несло определенные сложности.

Беженцы и бывшие военнопленные из освобожденных районов продолжали стекаться под знамена генерала Андерса, так что количественно польская армия пополнялась ежемесячно на тысячи человек. К концу войны Второй Польский корпус насчитывал более 75 000 человек при общей численности польских войск в 200 000. К 1 июля 1945 года 2-й корпус насчитывал уже около 90 000, а вся польская армия — примерно 228 000 человек (90 000 из них — поляки из западной части страны, которая во время войны была включена в состав Рейха)³⁶.

Тем не менее, поскольку эта довольно мощная армия с некоторых пор превратилась в подобие футбольного мяча в политическом матче между Великобританией и Советским Союзом, даже сам Черчилль чувствовал, что целесообразнее было бы ограничить набор в польскую армию. Он также согласился с доводами Сталина, что поляки не должны находиться в контролируемых союзниками оккупационных зонах Германии, поскольку Сталин считал подобное присутствие провокацией. Однако вполне возможно, что, начнись операция «Немыслимое» на самом деле, польский «вклад» мог бы превысить все прогнозы аналитиков. Тем не менее срочное перемещение такой крупной группировки на север разрушило бы любой элемент неожиданности во время нападения на Красную Армию.

Было подсчитано, что к началу мая 1945-го численность американской армии на Европейском военном театре составила около 3 миллионов солдат и офицеров, впоследствии 750 000 из них были переброшены на Средиземноморье.

К счастью — для операции «Немыслимое» — массовая демобилизация американским войскам не грозила, поскольку война с Японией, как ожидалось, должна была занять не меньше года. Тем не менее ожидалось, что в течение летних месяцев все больше американских подразделений будут покидать Европу, либо возвращаясь в США, либо отправляясь на Дальний Восток. Довольно отрезвляющим выводом стало то, что к маю 1946 года в Европе могут остаться всего около 400 000 военнослужащих США³⁷.

Однако все эти цифры были несопоставимо малы по сравнению с размером потенциального противника — Красной Армии.

Аналитики с тревогой отмечали, что, даже потеряв более 10 миллионов солдат за годы войны, Красная Армия все равно располагает 7 миллионами военнослужащих, 6 миллионов которых находятся на Европейском театре военных действий. Кроме того, нужно было принимать в расчет войска НКВД, численностью почти 600 000 человек. Если же произвести окончательный подсчет и сравнить «эквивалентные» подразделения, находящиеся в Северной Европе, то получалось, что союзникам могут противостоять 140 пехотных дивизий и 30 бронетанковых, усиленных 24 танковыми бригадами. Аналитики делают вывод:

«Мы, скорее всего, столкнемся с превосходством противника по танкам — в два раза и по пехоте — в четыре раза»³⁸.

Большое количество русских военных подразделений не участвовало в боях непосредственно на территории Германии и Западной Польши. От побережья Балтики до юга Польши стояла, по сути, несокрушимая стена боеспособных армий: Второй Прибалтийский фронт, Первый Прибалтий-

ский, Третий Белорусский, Второй Белорусский, Первый Белорусский и Первый Украинский фронты. Общий размер этой армии варьировался от 500 000 до 800 000 человек и значительно превышал размер армий союзников³⁹.

А каков был качественный состав Красной Армии? Несмотря ни на что, аналитики испытывали искреннее уважение к потенциальному противнику:

«В русской армии сложилось способное и опытное Верховное главнокомандование. Это чрезвычайно стойкая в боевом отношении армия, на содержание и передислокацию которой уходит меньше средств, чем в любой из западных армий, и она использует дерзкую тактику, в значительной степени основанную на пренебрежении к потерям при достижении поставленных целей. Система охраны и маскировки у русских отличается высоким уровнем. Оснащение русской армии на протяжении войны стремительно улучшалось и ныне является очень хорошим... Продемонстрированная русскими способность к улучшению существующих видов вооружения и снаряжения и развертыванию их массового производства чрезвычайно впечатляет...»⁴⁰

Особенно впечатляло возрождение и улучшение советской военной машины в области технического и материального обеспечения войск, в машиностроении и коммуникациях. Аналитики отмечали: за время войны заметно продвижение русских в области радиосвязи и технических средств форсирования рек, ремонта бронетехники и восстановления железнодорожных путей.

Что касается советских солдат, то аналитики были едины в крайне уважительной оценке их стоицизма. Быть красноармейцем считалось большой честью. Русская армия спасла свою страну и практически выиграла эту войну вме-

сто США и Англии. Советские солдаты умело и отчаянно сражались в любое время суток, в отличие от английских и американских солдат. Физически и эмоционально русский солдат был гораздо более устойчив и вынослив, легко переносил суровые погодные и боевые условия, скудость рациона и некачественное обмундирование.

Русские не боялись смерти в бою и были беспощадны к врагам. Солдаты союзников, близко познакомившись с русскими в конце войны, находили их «примитивными и склонными к анархии», отмечая, что под воздействием алкоголя русские способны на самые ужасные и зверские действия.

Понятие личности, индивидуальности для русских не так важно⁴¹. Они превосходно обучены маскировке, обладают смекалкой и военной хитростью. «Русский Иван» был обучен не только захватывать вражеское вооружение и оборудование, но и использовать его⁴².

Красная Армия заканчивала войну, обретя громадный боевой опыт. Красноармейцы, например, с легкостью и большой скоростью передвигались по заснеженному пространству, обходя противника, в то время как солдаты союзников были очень зависимы от нормальных, хорошо очищенных дорог и подъездных путей. Советский секрет стремительного передвижения по сугробам на открытой местности долгое время оставался неразгаданным, пока этим вопросом не озаботились вплотную. Выяснилось:

«Русские строятся колоннами по 20—30 человек в ряд. Для этого часто привлекают гражданских из соседних населенных пунктов. Первым рядам приходится прокладывать путь по целине, им тяжелее всего, однако по мере продвижения следующих рядов снег становится все более утоп-

таным и пригодным для передвижения не только людей, но и транспорта, в том числе большегрузных машин для перемещения артиллерии»⁴³.

Если операция «Немыслимое» продлится до морозов, наступление завязнет в холодных широтах. Конвой встанут, топливо загустеет, металл станет хрупким, т.е. оружие и транспорт начнут выходить из строя. Колесные транспортные средства не смогут передвигаться по обледенелым и заснеженным дорогам, а высота снежного покрова от 2 футов и выше создаст значительные проблемы для танков. В промерзшей земле невозможно рыть окопы и траншеи, на снежном насте невозможно устанавливать опорные плиты для минометов. Таким образом, арктические условия будут на стороне потенциального противника, имеющего большой опыт ведения боевых действий в подобной обстановке, а также хорошо оснащенного и экипированного. С наступлением оттепели дороги станут непроходимыми, а вставшие конвой станут легкой мишенью для русской авиации⁴⁴.

«С другой стороны, на сегодняшний день русская армия страдает от тяжелых потерь и усталости, вызванной войной. Тактический и образовательный уровень русских солдат в целом ниже, чем у западной армии. В силу сравнительного невысокого общего уровня образования русские вынуждены резервировать лучший человеческий материал для специальных родов войск: ВВС, бронетанковых подразделений, артиллерии и инженерных войск. В силу этого с точки зрения уровня подготовки солдата пехота оказалась не на высоте положения в сравнении с западными стандартами. Наблюдается ощутимый недостаток высокообразованных и подготовленных штабных офицеров и офицеров среднего звена, что неизбежно оборачивается сверхцентра-

лизацией управления. Есть многочисленные свидетельства того, что русское командование сталкивается за рубежом со значительными проблемами поддержания дисциплины. Широко распространены мародерство и пьянство, и это — симптом того, что армия устала от войны...»⁴⁵

Исходя из этого, аналитики предполагают:

«Любое возобновление войны в Европе вызовет в Красной армии серьезное напряжение. Ее частям придется сражаться за пределами России, и Верховное главнокомандование, возможно, столкнется со сложностями в поддержании морального духа среди рядового состава, в особенности пехотных подразделений низшего звена. Этот фактор может быть усилен посредством эффективного использования союзной пропаганды»⁴⁶.

Впрочем, иллюзий никто не строил: русские будут от всего сердца сражаться за Сталина. В эйфории, охватившей Советский Союз после 9 мая (русские отмечают День Победы позже, чем на Западе), они простили своего вождя даже за бедствия коллективизации 30-х годов и кровавые предвоенные чистки. В конце войны люди испытывали такую радость, такое облегчение, что с готовностью воспринимали советскую пропаганду⁴⁷.

Предполагалось, что одним из кульминационных сражений операции «Немыслимое» станет бронетанковое столкновение на территории Польши, возможно, даже более масштабное, чем знаменитая Курская дуга. По численности Красная Армия серьезно превосходила силы союзников, а как же обстояло дело с боевой техникой?

Ожидалось, что к 1 июля 1945 года союзники смогут собрать как минимум 20 танковых дивизий, а также, возможно, несколько дополнительных «эквивалентных» соедине-

ний, включая моторизированные бригады и подразделения бронетехники. На равнинах Северной Европы скорость атаки западных танков оставалась на уровне около 8 миль в час, при подъеме в гору падала до 3 миль в час. При таких условиях танки будут крайне уязвимы для артиллерии и ударов с воздуха в момент выгрузки с ж/д платформ или во время заправки, каковая будет требоваться им через каждые 100 миль.

Красная Армия, по подсчетам аналитиков, способна была противопоставить этим силам по меньшей мере 36 танковых дивизий, что давало превосходство практически в два раза. После детального анализа состояния советской бронетехники выяснилось, что подразделения включают в себя как легкую, так и тяжелую бронетехнику, а иногда и в сочетании с пехотой. Общие силы русских насчитывали 113 ударных танковых бригад и 141 танковую бригаду общего назначения. Было также подсчитано, что каждая бригада состоит в среднем из 50 танков Т-34 и примерно тысячи военнослужащих⁴⁸. В дополнение к указанным бригадам Красная Армия располагала также самоходными соединениями (полками) тяжелых танков, в каждое из которых входили 23 тяжелых танка КВ («Клим Ворошилов») или ИС («Иосиф Сталин»), а также самоходные артиллерийские установки САУ. В целом было подсчитано, что танковые части составляют около одной трети всех советских сил, и хотя советская военная доктрина традиционно привязывала действия танков к действиям пехоты, к 1945 году тактика значительно изменилась в сторону более самостоятельной роли бронетехники на поле боя⁴⁹.

Бронетехника союзников на тот момент представляла собой смесь из совершенно новых экспериментальных

машин — и машин, морально и технически устаревших. К концу Второй мировой войны, например, полностью устаревшим можно было считать танк «Шерман» М4А3Е8 с его 76-миллиметровой пушкой, однако с конвейера сходили уже принципиально обновленные модели⁵⁰. Новейших танков «Фаерфлай» было произведено всего около 2000 единиц, но они обещали стать достойным противником русским «тридцатьчетверкам». «Фаерфлай» был создан на платформе «Шермана», но был оснащен более мощным, 17-фунтовым орудием, а броня едва ли не превосходила броню Т-34.

К счастью, у союзников вскоре появились и новые танки, такие, как М-26 «Першинг» — тяжелый танк, по эффективности сопоставимый со знаменитым немецким «Тигром». Однако в боевых действиях он был опробован в течение всего лишь трех месяцев, что все равно дало возможность выявить прискорбную склонность к поломкам и считать его недостаточно надежным.

Тем временем Советы использовали танки ИС-1, ИС-2 и чуть позднее ИС-3, сошедший с конвейера в марте 1945 года. По-прежнему основной ударной силой оставался легендарный Т-34 с его мощной броней, которую никак не могли пробить немецкие пушки⁵¹. Танк Т-44 имел еще более толстую броню, однако новейший Т-54 со 100-мм пушкой только-только прошел испытания в феврале 1945-го, и его массовое производство налаживали в течение двух послевоенных лет.

Отчет аналитиков по бронетехнике русских нельзя было назвать всеобъемлющим и детальным, однако даже на его основе можно было сделать вывод о преимуществах русских. Неоспоримым фактом такого преимущества являлось то, что 15 % советской бронетехники составляли знамени-

тые «истребители танков» — самоходные артиллерийские установки СУ-100. Впервые они сошли с конвейера в конце 1944 года (серийный выпуск начат на Уралмашзаводе в августе 1944-го. — *Прим. перев.*) и стали первоклассным образцом оборонительной противотанковой техники. СУ-100 пробивала танковую броню с расстояния 1640 ярдов⁵².

Учитывая подобное превосходство русских в бронетехнике — добавьте сюда еще и опытную и боеспособную пехоту, — единственным светлым пятном для союзников в отчете аналитиков было то, что значительная часть западных ремонтных мастерских пока еще обеспечивала советскую технику запчастями, но в случае военного противостояния русским пришлось бы полагаться только на собственные ресурсы, что могло бы их слегка притормозить⁵³.

Огромные надежды аналитики возлагали на логистику. Хотя продвижение союзных армий по территории Восточной Германии, в особенности вокруг Берлина и в нем самом, сопровождалось тяжелейшими разрушениями, большая часть сельской местности, особенно в советской зоне оккупации, была лишь слегка повреждена. Впрочем, впоследствии русские этот «недостаток» восполнили. Еще в марте 1945-го советская разведка провела своего рода инвентаризацию немецких промышленных и сельскохозяйственных активов, так что в середине весны около 70 000 «экспертов» из Красной Армии, заняв немецкие города, начали системную зачистку материалов и промышленного оборудования, переправляя демонтированные предприятия в Советский Союз. Весной и летом 1945 года было зафиксировано перемещение 1,28 млн тонн сырья и материалов, а также 3,6 млн тонн оборудования. 4500 заводов были демонтированы и перемещены на территорию Союза⁵⁴. Все это могло соз-

дать серьезные трудности для наступления союзной армии, если бы она была вынуждена оставаться на этих территориях в течение длительного времени.

Еще более тревожным сигналом стало такое же исчезновение из восточного сектора запасов продовольствия, фуража, домашнего скота и транспортных средств — этот дефицит союзники восполнить никак не могли. Впрочем, одновременно положительным фактором можно было считать то, что русские внимательно обследовали состояние транспортной системы на оккупированных территориях, и хотя немцы при отступлении уничтожали железнодорожные мосты и важные узлы, советские инженерные войска довольно быстро их восстановили⁵⁵. Однако самой главной проблемой для союзников стало состояние самого железнодорожного полотна. Фактически союзники могли осуществлять перевозки грузов и переброску войск только до реки Одер.

«С точки зрения тылового обеспечения, если наступление вообще будет предпринято, соображения организационного характера вряд ли помешают нашему продвижению вперед, пока мы не подойдем к рубежу перехода от узкой к широкой железнодорожной колее. Сейчас ширококолейные маршруты на главных направлениях, возможно, доходят до реки Одер. Использование автотранспортных средств позволит нам обеспечить радиус действий наших войск примерно на 150 миль за пределами этой линии...»

Вдобавок к этому советские инженерные войска ускоренными темпами меняли ширину колеи уже и на территории Польши, чтобы связать ее транспортную систему с Советским Союзом. Переход на широкую колею требовал смены колесной системы железнодорожных составов — это

заняло бы по меньшей мере несколько часов для каждого вагона или платформы — и, естественно, препятствовало бы наступлению.

Союзникам предстояло столкнуться с серьезными материально-техническими проблемами и в собственном тылу. В их зонах оккупации разрушения были слишком велики.

«На оккупированной войсками союзников германской территории система коммуникаций разрушена практически полностью, в то время как в части Германии, занятой русскими, разрушения значительно менее масштабны, а железные дороги функционируют. В силу этого в тылу союзников возникнут трудности в транспортном сообщении. Вполне вероятно, потребуются большие усилия войск и ресурсы с тем, чтобы предотвратить превращение Германии в помеху для наших действий. Насколько они будут серьезны, спрогнозировать невозможно»⁵⁶.

Вдобавок к этому существовали обязательства по полицейскому надзору, взятые на себя союзниками. В тот период, когда Черчилль планировал операцию «Немыслимое», положение в Германии было очень далеко от стабильности. Существовали все предпосылки для возобновления активных или диверсионных действий недобитых нацистов, все еще укрывавшихся на территории Баварии. Таким образом, при расчетах сил, которые могли бы участвовать в наступлении на русских, следовало учитывать, что на установление и поддержание порядка в союзных оккупационных зонах придется направить не менее десяти пехотных и одной танковой дивизий.

Полицейские меры требовались не только на территории Германии. Еще одной головной болью для союзников стала Австрия. Здесь их положение было уязвимо не только из-за

опасности беспорядков, но и из-за Красной Армии. Существовала вероятность того, что в случае атаки на советские войска в Восточной Германии и Польше Советы примут ответные меры, атаковав силы союзников в Австрии и изгнав их из Зальцбурга и всей западной части страны. Аналитики полагали, что Зальцбург возможно будет удержать, сохранив на этой территории контингент в составе 3 бронетанковых и 12 пехотных дивизий. Горные массивы еще могли задержать наступление русских, но на равнинной части к северу от Зальцбурга союзникам приходилось рассчитывать лишь на превосходящие силы.

«К северу от Зальцбурга мы имеем в распоряжении сильные оборонительные позиции вдоль линии от Богемских гор до Цвиккау. Тем не менее ввиду их протяженности (250 миль) и с учетом численного превосходства русских, для обеспечения безопасности этого участка фронта, на наш взгляд, потребуются силы порядка 5 бронетанковых и 20 пехотных дивизий».

Продвижение союзников по территории Силезии и Померании в июле могло бы затруднить огромное количество беженцев. Миллионы поляков и восточно-прусских немцев бежали на запад Германии, стремясь попасть в английский и американский сектора оккупационных зон. Одновременно в обратном направлении — домой в Польшу — двигались 1,5 миллиона бывших заключенных концлагерей и угнанных немцами поляков. Из центра самой Польши люди мигрировали опять-таки на запад, стремясь осесть в богатом Силезском регионе⁵⁷. Вдобавок к этому хаосу, с приходом к власти нового польского правительства началась очередная перекройка границ Польши. В течение нескольких недель после Дня Победы Люблинское правительство начало

вытеснение этнических немцев из Силезии, Померании и с земель, простиравшихся до западного течения реки Нейсе. По британским оценкам, когда Польша оккупировала эти территории, до 8 миллионов немцев были изгнаны из мест проживания⁵⁸.

Некоторые поляки были слишком нетерпеливы и не хотели дожидаться официального установления новых границ, поэтому уже в июне — июле 1945 года четверть миллиона немцев были вынуждены также покинуть свои дома и бежать через Одер на запад.

Как ни странно, аналитики практически проигнорировали факт этой масштабной миграции людей на территории, по которой планировалось наступать на русских⁵⁹.

Одним из самых спорных пунктов плана операции «Немыслимое» был вопрос о включении в лагерь союзников немецкой армии. Предполагалось, что в наступлении будут задействованы десять немецких дивизий, однако на их переоснащение и формирование может потребоваться значительное время, и потому они не будут готовы к 1 июля, а вступят в кампанию лишь осенью. Однако наибольшие споры вызывало другое: а стоит ли вообще задействовать в операции немцев?

Кто возглавит эту армию, кто займет должности сержантов и офицеров? В последние месяцы Второй мировой войны из рядов гитлерюгенд действительно выдвинулись новые, молодые кадры комсостава. Они были уже не столь крепко мотивированы и шли на смену уставшим от войны, отчаявшимся и циничным офицерам вермахта. Молодыми зачастую владел банальный страх — страх ареста, страх плена, страх смерти от рук этих ужасных русских... Будут ли они сражаться, лишившись мощной идеологической

подпитки национал-социализма? Смогут ли преодолеть страх?

Разведка союзников полагала, что так и будет.

В докладе о состоянии немецких войск, представленном маршалу Монтгомери, было отмечено: старшие офицеры вермахта разочарованы тем, что их услуги не потребуются в «Третьей войне», а их более молодые коллеги «открыто говорят о следующей войне». Этой войны ждали не только военные. Немецкий народ уже много лет был приучен «мыслить в терминах и рамках мировой войны»⁶⁰. Еще до окончания Второй мировой находились немцы, изъявлявшие желание добровольно отправиться на войну с Японией. Лорд Галифакс передал правительству подтверждение от генерала Маршалла, что значительное количество немецких военнопленных выражают готовность драться с Японией. «Это может оказаться весьма полезным, — подчеркивал он. — Им стоит поручить достаточно сложную задачу, например — освободить Маршалловы острова, и таким образом дать им с японцами возможность поубивать друг друга.»⁶¹

Другим, еще более сильным стимулом участвовать в войне с Советами для немцев было то, что они фактически теряли половину своей страны, оказавшуюся в сфере влияния Советского Союза — впрочем, с согласия западных союзников. Следовало учитывать и мотив мести.

Оставался еще и «неудобный» расовый стимул: немцы были более склонны к альянсу с американцами и англичанами, чтобы сражаться против славян. Война Гитлера на Востоке велась куда более жестокими методами, потому что главной его целью было победить и уничтожить именно славян. Следовало учесть, что эта идея еще не до конца изжила себя внутри рядов бывших военнослужащих вермахта.

Тем не менее, несмотря на активный настрой некоторых отдельных фигур в немецкой военной среде, сама армия Германии лежала в руинах. В 1945 году англичанам сдались приблизительно 2 миллиона немецких солдат. Ожидалось, что ежегодно около 225 000 человек будут отправляться на работы в Великобританию — в счет частичной оплаты репараций. По этой причине большинство сдавшихся не были помечены как «военнопленные» — имея они этот статус, их нельзя было бы использовать для восстановительных работ в Англии. Кроме того, большинство боевых частей были полностью расформированы сразу после подписания капитуляции, в особенности это коснулось наиболее боеспособных формирований: например, Вторая танковая дивизия СС капитулировала только 9 мая — и весь личный состав был тут же отправлен в бывший концлагерь Флоссенбург. Других военнослужащих, сдавшихся ранее, переправляли в лагерь для гражданских интернированных лиц в Регенсбурге.

Проблемой оставалась и численность немецкой армии, катастрофически сократившаяся за время войны. За несколько недель свирепых боевых действий погибло 1,25 миллиона немецких солдат.

Даже самые сплоченные и мощные военные формирования вроде Ваффен СС уже не могли похвастаться внутренним единством, которым так славились когда-то. По заключению Роберта Кёля, к весне 1945-го некогда мощная полумиллионная армия СС состояла «из разрозненных единиц фронтовой шушеры, примкнувших летчиков и моряков, из тощих мальчиков лет 16—17 с землистыми лицами и перепуганных иностранцев, едва знавших с десяток немецких слов; на все это устало взирали несколько десятков

оставшихся в живых ветеранов слишком жестокой зимней кампании...»⁶²

Эсэсовцы старались спрятаться от возмездия в списках обычных военнопленных, однако их находили — благодаря отличительной татуировке на правой руке, обозначавшей группу крови. Даже если бы союзникам не хватило рабочей силы, трудно представить, чтобы они привлекли к восстановительным работам солдат и офицеров, наиболее отличившихся своими зверствами на Восточном фронте — что же говорить о возможности дать им в руки оружие и сражаться с ними плечом к плечу. Зато солдаты, сражавшиеся на Западном фронте, имели такой шанс. Пусть и неохотно, но уже вскоре после Дня Победы началось братание американских войск с немцами.

В любом случае, если бы было принято решение о мобилизации немецких войск, это сразу раскрыло бы намерения союзников, так как советские агенты без труда заметили бы повышенную активность и передвижения больших групп военнослужащих. Таким образом, мобилизацию немцев нужно было произвести лишь в самый последний момент и путем массового освобождения нынешних военнопленных из лагерей. После этого им предстояло пройти переподготовку, освоить американское и британское стрелковое оружие, наладить непрерывную поставку боеприпасов — по всем подсчетам, они просто физически не могли участвовать в конфликте до самой последней его стадии.

Идея использования немецких подразделений порождала интересные дилеммы. Если все будет происходить так, как задумано, — как осудить нацистских преступников, политических и военных лидеров рейха? Не будет ли противоречить здравому смыслу, если бывший губернатор Польши Ганс Франк, например, заявит в суде, что он просто защи-

шал Польшу от Советов — то есть занимался тем же, что сейчас делают союзники? По всему выходило, что «развязавшие войну» сейчас союзники вынуждены будут освободить немцев, которых судят за... «развязывание войны».

Не менее остро стоял вопрос — а кто же будет командовать немецкими силами? К 1 июля 1945 года преемник Гитлера адмирал Дениц был бы уже осужден самими же союзниками, однако кандидатуры «хороших немцев», наподобие тех, кто остался в живых после заговора 20 июля 1944-го, считались вполне приемлемыми.

К лету 1945-го начали появляться шокирующие свидетельства холокоста, и это не могло не вызвать ужас и возмущение в Англии и Америке. Соответственно, общественное мнение могло восстать против того, что союзники теперь выступают на стороне нацистских убийц «против своего бывшего союзника, Советского Союза». Оформится ли это возмущение к 1 июля 1945 года — вопрос спорный.

Когда план операции только начинал разрабатываться — в апреле 1945-го — аналитики сделали смелое предположение, что немецкие войска можно было бы использовать, если они пройдут переподготовку совместно с западными армиями. Несмотря на то, что отчеты о злодеяниях нацистов в концлагерях регулярно публиковались в английских и американских газетах в течение 1944—1945 гг., до 15 апреля 1945-го, когда были освобождены узники лагеря Бельзен, широкая общественность не так сильно обращала внимание на шокирующие подробности⁶³. Комментатор ВВС Ричард Димблби снял репортаж о том, что увидел собственными глазами, и к концу апреля во всех английских кинотеатрах показывали шокирующие кадры: горы непогребенных трупов и выжившие, похожие на живые скелеты. Для полного

расследования холокоста потребуется много месяцев, если не лет, однако совершенно очевидно, что к осени 1945-го — когда к операции «Немыслимое» планировали подключить немецкую армию — общественное мнение будет железобетонно настроено против немцев. Рассматривая возможность создания нового альянса, Гастингс Исмей с неподдельным ужасом писал о том, какой эффект на западную демократию может оказать операция «Немыслимое»:

«Должны ли они [Великобритания и США] забыть все, что они говорили о своей решимости уничтожить нацизм, и принять немцев в свое лоно, чтобы с их помощью задавить своих недавних союзников? Волей-неволей приходишь к выводу, что подобный разворот политики, вполне приемлемый для диктатуры, абсолютно неприемлем для лидеров демократических стран»⁶⁴.

Если использование немецких войск вызовет анафему в английском обществе — что же говорить о поляках? Что подумают они, когда немецкая армия вновь войдет на их территорию? Совершенно немыслимо предположить, что они будут терпеть немцев в своей стране, тем более — с одобрения союзников, и такие действия, несомненно, приведут к срыву всей операции. Аналитики «Немыслимого» либо намеренно преуменьшали влияние немецкого фактора, либо не знали о глубине страданий, перенесенных поляками при нацистах.

Справедливости ради стоит отметить, что аналитики только предполагали ценность немецкого вклада в один из сценариев, по которому Красная Армия терпит быстрое поражение. В этом случае вермахт мог и не потребоваться в Польше, исполняя в большей степени освободительную или полицейскую роль в Восточной Германии.

Настоящим кошмаром для союзников должно было стать танковое сражение на территории Польши. Аналитики опасались, что даже в том случае, если это столкновение принудит Сталина сесть за стол переговоров, «Военная мощь России останется несломленной, и русские всегда смогут возобновить конфликт в любой подходящий для себя момент»⁶⁵.

Невзирая на все эти неблагоприятные и даже пугающие прогнозы, аналитики настаивали на разработке подробного плана вторжения сначала на территорию Восточной Германии, а потом Польши. 1 июля войска союзников должны были вступить в первый боевой контакт с крупной группировкой советских войск в советской зоне оккупации. За два месяца НКВД должен создать на этой территории зачатки местной полиции на основе местного коммунистического актива. Однако, учитывая малые сроки, следует предположить, что в основном все вопросы внутренней безопасности контролируются именно сотрудниками НКВД.

Они же контролируют ряд новых «особых лагерей для интернированных», созданных не только для выявленных идейных нацистов, но и для всех, кто противостоит новому режиму и виновен в преступлениях против советской власти. Вне всякого сомнения, эти лагеря будут захвачены союзниками, после чего освобожденные заключенные, скорее всего, поддержат их в противостоянии с Советами⁶⁶.

Помимо этого, союзники в любом случае найдут территорию полностью разоренной. Сталин не терял времени, зачищая немецкие материальные активы — точно так же, как он делал это в Австрии и Польше.

Берлин станет для союзников долгосрочной целью. В советской оккупационной зоне столицы позиции коммунисти-

ческой администрации очень сильны. С апреля немецкие коммунисты имели возможность массового возвращения в Берлин и оказывали советским войскам всестороннюю поддержку при захвате города. Маршал Георгий Жуков, главнокомандующий советскими войсками в Германии, закрывал глаза на очень жесткую политику немецкой компартии, которая начала преследование и истребление нацистов и противников нового режима⁶⁷. К предполагаемой дате начала операции «Немыслимое» Сталин владел бы Германией всего два месяца, но два самых видных деятеля Компартии Германии (КПГ), 69-летний Вильгельм Пик и 52-летний Вальтер Ульбрихт, уже успели убедиться, что для установления власти коммунистов в Восточной Германии все подготовлено. Ульбрихт писал:

«Все будет выглядеть демократично — но мы должны держать все под контролем»⁶⁸.

На практике это будет означать, что к 1 июля на территории Восточной Германии не будет никаких очагов сопротивления, которые союзники могли бы использовать в своих целях. Восточный сектор будет полностью контролироваться Красной Армией.

Тот район Польши, который союзники планировали захватить в первую очередь — до линии Бреслау — Гданьск, — отличался минимальным уровнем активности польского подполья во время Второй мировой войны. Именно эти области были первым делом включены в состав рейха, и здесь проживали в основном фольксдойче — граждане немецкого происхождения.

Таким образом, предполагалось, что без поддержки местного подполья и имея в распоряжении железный кулак немецкой полиции, здесь удастся полностью нейтрализовать

деятельность любой оппозиции. Скорее всего, союзники должны получить здесь нейтральную моральную поддержку — но никак не вооруженное сопротивление.

Также предполагалось столкновение с частями Польской народной армии — Армии Людовой, или Армии Берлинга, называемой так по имени ее командующего⁶⁹. Армия Людова была главной опорой Советов в Польше — но насколько прочна была эта опора? Первоначально АЛ была сформирована в Советском Союзе в июле 1944 года и состояла в основном из представителей левого крыла польского Сопротивления; только позднее она начала оформляться в полноценное воинское соединение. В состав АЛ входили поляки и евреи из Восточной Польши — региона, поглощенного Советским Союзом в 1939 году.

Когда Красная Армия вошла в Польшу в 1944-м, Армия Людова присоединилась к ней. К концу Второй мировой войны в ней насчитывалось 200 000 человек — около 10 дивизий⁷⁰. Тем не менее с самого начала в АЛ ощущался серьезный недостаток компетентных офицеров. Уничтожение довоенного командного состава в Катыни, дальнейшее бегство генерала Андерса и его штаба в 1942 году привели к тому, что профессиональных военных в Армии Людовой было крайне мало. Практически около 50 % офицеров и сержантов были родом из Белоруссии или Украины⁷¹.

Коммунистов в армейских рядах было немало, однако примкнули к АЛ и беспартийные поляки, проживавшие на отторгнутых в 1939 году территориях и видевшие в сотрудничестве с Красной Армией единственный способ вернуться в Польшу. Возможно, они были искренне счастливы, освобождая Польшу от немцев, но нельзя сказать, что все они безоговорочно поддерживали советскую власть. В авгу-

сте 1944-го Люблинское правительство объявило всеобщую мобилизацию на всех польских территориях, освобожденных русскими, однако откликнулись на нее люди неохотно, и дезертирство стало довольно обычным и повсеместным явлением⁷².

Армия Людова в составе Первой и Второй польских армий принимала участие в сражениях по всей Польше, в том числе — и в освобождении Варшавы. Кроме того, польские части были задействованы в боях за Балтийское побережье, при штурме Берлина и во время наступления на юг, в сторону Праги. Однако с мая 1945 года многие поляки вернулись в Польшу для борьбы с украинскими националистами-бандеровцами или были переброшены на север, чтобы контролировать изгнание этнических немцев с территории Восточной Пруссии. Армия Людова принимала активное участие и в политической жизни, штыками поддерживая земельную реформу, которой Временное правительство стремилось перетянуть на свою сторону польское крестьянство.

Исходя из всего этого, маловероятно, что союзники могли встретить ожесточенное сопротивление АЛ на западной границе Польши. Что касается Советского Союза, то и там Армию Людову считали довольно ненадежным союзником в потенциальном конфликте с Западом. Комиссары польской армии усердно трудились, отсеивая политически неблагонадежных, однако их отчеты были неутешительны: «из 700 солдат только 100 с пониманием относятся к делу коммунизма». Было подсчитано, что к лету 1945 года Советский Союз мог рассчитывать лишь на 60 % военнослужащих Первой польской армии и всего лишь на 40 % — Второй. Дезертирство процветало — в преддверии серьезных

операций могли бесследно исчезнуть целые подразделения. Подобный рост панических настроений также свидетельствовал о растущей угрозе Третьей мировой войны⁷³.

Даже и среди партийной верхушки было много тех, кто не вполне ясно понимал задачи и цели коммунистической партии. Поддержку коммунистическое правительство встречало там, где в нем видели реальную власть — в сельских районах, особенно после начала земельной реформы. Одновременно крестьяне оставались решительными анти-советчиками, хотя и получали земельные наделы, принадлежавшие когда-то помещикам и реквизированные именно Советами.

Пушай Советский Союз не мог всецело полагаться на польскую армию — зато в разжигании беспорядков в тылу союзников ему не было равных. Если бы операция «Немыслимое» действительно началась летом 1945-го, случаи саботажа в тылу англичан и американцев участились бы в геометрической прогрессии. Этот фактор мог стать критическим, поскольку предполагаемый фронт союзников был сильно растянут, а у русских имелись серьезные опорные базы и во Франции, и в Нидерландах. Аналитики довольно поверхностно занимались изучением лояльности французов — просто включение Франции в западный лагерь было необходимо, в противном случае США и Англия столкнулись бы с проблемой обеспечения материальной и технической базы своих войск.

Осложнялось все тем, что в европейском Сопротивлении коммунистические идеи были очень сильны. За годы Второй мировой уважение к коммунистам только крепло — примером могло служить французское движение маки. В мае 1945-го многие отряды Сопротивления еще не сло-

жили оружие — и Советский Союз с легкостью мог начать координировать их действия с помощью своих агентов. Некоторые из них были бывшими военнопленными, которых использовали на принудительных работах в лагерях на территории Германии и Франции — они были хорошо знакомы с местностью. В конце Второй мировой они возвращались в Советский Союз, и отнюдь не всех ждали расстрелы и лагеря ГУЛАГа. Зачастую они проходили обучение в разведшколах и забрасывались обратно в Германию и Францию. В мае — июне 1945-го эти диверсанты-саботажники с легкостью перемещались по Европе в составе бесконечных колонн беженцев, мигрирующих из страны в страну.

Все приведенные соображения были скорее военного характера, однако у Черчилля имелось и серьезное политическое препятствие, которое он пока не мог преодолеть. Как переломить общественное сознание, если встанет вопрос о новой большой войне, да еще и с бывшим союзником? В течение многих лет британская общественность подвергалась воздействию просоветской пропаганды. Бывший министр снабжения Великобритании, лорд Бивербрук особенно активно настаивал на сотрудничестве с русскими и оказании помощи Советскому Союзу. Его речи гремели по всей Англии:

«Сталин — великий человек! Я чувствую в нем огромную, пульсирующую мощь... Я верю в мудрое руководство этого человека и я верю в русское Соппротивление!»⁷⁴

Бивербрук постоянно лоббировал открытие второго фронта на западе, чтобы облегчить продвижение Красной Армии на востоке и с готовностью признавал правомерными претензии Сталина в Прибалтике. В 1942 году он выступил в Нью-Йорке с речью, санкционированной Рузвельтом,

в которой расточал похвалы Сталину и коммунистической системе. В своем обращении, трансляция которого велась на двух континентах, он утверждал:

«Коммунизм при Сталине породил самую отважную и боеспособную армию в Европе. Коммунизм при Сталине заслужил восхищение и аплодисменты всех западных наций»⁷⁵.

При таком громогласном одобрении Сталина с самых высоких трибун было бы действительно невероятно сложно развернуть общественное мнение, да еще в течение буквально пары месяцев после окончания войны. Гастингс Исмей считал, что это попросту невозможно:

«На протяжении более, чем трех лет общественность Англии и Америки привыкла считать Россию смелым и верным союзником, который принял на себя основной удар и вынес львиную долю страданий в этой войне. Если бы наши правительства сейчас заявили, что русские — это ненадежные и беспринципные тираны, чьи амбиции следует держать под контролем, на национальное единство в обеих странах это оказало бы поистине катастрофическое воздействие»⁷⁶.

Кстати, доброжелательное отношение к Советам в британской прессе демонстрировали отнюдь не только «левые». The Daily Express, Evening Standard и The Times — ведущие издания Англии — регулярно печатали просоветские статьи и комментарии к ним. Среди сторонников дружественных связей между Британией и Россией находились весьма высокопоставленные фигуры. Посол Великобритании в Вашингтоне, лорд Галифакс; лидер лейбористов, сэр Стаффорд Криппс и даже ярый консерватор, контр-адмирал Р.Э. Батлер открыто одобряли и поддерживали Советский Союз⁷⁷.

Таким образом, британская общественность понятия не имела об обстоятельствах продвижения Красной Армии по всей Восточной Европе. Если союзники планировали атаковать Советский Союз 1 июля, им следовало срочно «перевоспитать» эту самую общественность буквально за неполных два месяца, с 8 мая по 30 июня.

Более того, в течение почти всех шести лет войны британская общественность практически не интересовалась внутренней политикой Восточной Европы, и когда в начале весны 1945 года в Румынии, например, установился коммунистический режим, это вызвало в Англии лишь слабый и равнодушный отклик.

Даже несмотря на большой вклад Польши в дело союзников — проявят ли англичане интерес, если и Польшу постигнет участь Румынии?

Как ни странно, но по иронии судьбы англичане были все еще настроены просоветски, а вот Сталин уже порядком разочаровался в дружбе с союзниками, убедившись, что правительство Англии на его сигналы о сотрудничестве реагирует с неохотой. Ральф Паркер, корреспондент «Таймс», исповедовавший коммунистические взгляды, подтверждал, что с апреля 1945 «агитаторы на советских предприятиях начали проводить линию против западных союзников. Вбрасывалась идея, что альянс с Западом был «стечением обстоятельств», что с тем же успехом Союз мог вступить в альянс с государствами Оси. Теперь западные державы предлагалось рассматривать в качестве капиталистических противников»⁷⁸.

Советское общественное мнение переменяло вектор и действительно начало рассматривать Англию и США в качестве потенциальных противников. А как же реагировали

на происходящее Штаты? Ведь операция «Немыслимое» во многом строилась на убеждении, что Америка будет добровольным и полноценным партнером Британии в войне против Советского Союза.

Это очевидным образом шло вразрез с нынешней американской политикой. Еще накануне Ялтинской конференции американские аналитики на основе разведанных провели оценку возможных послевоенных намерений Советского Союза и пришли к выводу, что их можно назвать «доброжелательными». Во многом — благодаря тому, что война существенно подкосила экономику Союза. Сократилось количество рабочей силы, 25 % промышленности было уничтожено — русским было бы попросту не до «заграничных приключений». Кроме того, США считали, что Советский Союз вряд ли решится на военную операцию в Греции и Дарданеллах или на проникновение в зону британского контроля на юге Ирана. Прежде чем предпринимать хоть сколько-нибудь агрессивные шаги, Союз должен был восстановить экономику, а это, по оценкам американских аналитиков, могло произойти не раньше 1952 года, но даже и тогда русские нуждались бы в серьезной помощи от США⁷⁹.

Американские начальники штабов полагали также, что Советский Союз постарается избегать серьезных конфликтов, которые могли бы привести к расколу в только формирующейся Организации Объединенных Наций.

Такие представления о новом мировом порядке можно было назвать надеждами — на то, что и крупные державы, и небольшие государства будут регулировать свои отношения при помощи ООН... однако эти надежды не разделял Сталин⁸⁰.

Что касается послевоенной Великобритании, то американцы полагали, что страна слишком ослаблена войной, чтобы стремиться к какой-либо экспансии. Таким образом, всего за несколько дней до Дня Победы Британию практически обвинили в «иррациональном страхе перед большевизмом», который может спровоцировать войну с Советским Союзом. Однако параллельно американские аналитики предупреждали, что Советы вряд ли подтолкнут Англию к крайним мерам в отношении Греции, Турции или Ирана. Удивительно, но даже в мае 1945 года американскую разведку почти не заботили очаги напряженности в Германии, Австрии, Венеции-Джулии и даже в Польше⁸¹.

Нет никаких свидетельств и подтверждений того, что англичане поделились со своими американскими коллегами планом операции «Немыслимое» в мае 1945 года. До того как план не получил одобрение, это было бы бессмысленно — и к тому же нарушило бы строжайшие обязательства соблюдения секретности, возложенные на английских аналитиков из Объединенного штаба планирования. В любом случае, к началу лета у представителей обеих держав почти не было возможности встретиться и что-либо обсудить. Объединенный штаб планирования, ставший за короткое время одним из самых эффективных нововведений Второй мировой войны, стремительно становился бесполезным...⁸²

5. ПЛАН — «ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА»

Если Великобритания, США и Польша не добились бы «быстрого успеха», атаковав Красную Армию, то неминуемо было бы начало Третьей мировой войны или, как выражались аналитики Объединенного штаба планирования,

«тотальной войны». Согласно этому кошмарному сценарию, союзные войска должны были начать наступление вглубь Польши, а потом и Советского Союза. Чтобы успешно противостоять огромному преимуществу Советов в живой силе, в США должна была начаться массовая мобилизация. Мобилизованные силы должны быть обучены, экипированы, оснащены всем необходимым и отправлены в Европу, чтобы создать резерв для объединенной армии союзников. Благодаря развитой технической базе американцы могли бы справиться с большими техническими потерями, однако именно эта технологическая зависимость могла оказаться для них критической¹.

Даже если бы развертывание сил США могло произойти в течение нескольких месяцев, шансы союзников на быструю победу были очень невелики — рассчитывать на революцию и крах существующего в СССР режима было нельзя. Противник мог быть выведен из игры только в результате «а) оккупации столь обширной территории собственно России, чтобы свести военный потенциал страны до уровня, при котором дальнейшее сопротивление русских становится невозможным; б) нанесения русским войскам на поле сражения такого поражения, которое сделало бы невозможным продолжение Советским Союзом войны». Другими словами, противника следовало лишить производственной базы и одновременно нанести крупное поражение советским войскам в полевых условиях.

Вероятность такого поражения была крайне мала. В самом худшем случае Красная Армия могла просто отступить на свою территорию единым фронтом, так и не потерпев серьезного урона. Аналитики приводили в пример гитлеровское вторжение в Советский Союз в 1941-м, когда в течение

первого года, казалось, был достигнут определенный перевес, однако уже в 1942 году последовало поражение гитлеровских войск под Сталинградом, после чего наступление захлебнулось. Советы грамотно распорядились своей технической базой, обеспечив своей армии массированные контратаки по всему фронту уже в следующем году. Аналитики, образно говоря, бледнели при мысли об огромных расстояниях, которые союзники должны были покрыть, чтобы обеспечить свое преимущество. Кроме того, ужасающее состояние дорог на территории России просто не поддавалось оценке, в силу отсутствия полной информации².

Детали вторжения в плане операции подробно не рассматривались, однако отчасти союзники могли опираться на план Гитлера «Барбаросса», который в 1941 году привел к захвату Минска и Смоленска. Сталин совершил тогда грубейшую стратегическую ошибку, полагая, что основное наступление немцев будет развиваться на юго-западе, и приказал отвести ряд подразделений с Западного фронта — несмотря на многочисленные советы и предупреждения своих командиров. Он предполагал, что сначала армия вторжения ударит по Украине с ее запасами зерна, а затем по кавказским нефтяным месторождениям.

Однако к 1945 году Советский Союз стал значительно сильнее в оборонительном плане. Сталин укрепил бывшие польские регионы, а на юге оборона была усилена за счет оккупации Румынии и увеличения концентрации войск на берегах Черного моря. Кроме того, основная часть советской нефтедобычи переместилась в недоступные для союзников районы, к Волге и за Урал³.

Если бы союзники смогли проникнуть вглубь Польши, их линии коммуникации оказались бы растянуты в болоти-

стой и труднопроходимой местности за Варшавой, что неминуемо замедлило бы наступление. Зато они могли рассчитывать на поддержку поляков — эту территорию можно было назвать сердцем недавно распущенного польского подполья и его военного крыла, Армии Крайовой, действовавшей в основном в центре страны, на территории «общего правительства». Во время войны эта область находилась в ведении нацистского губернатора Ганса Франка, и свое управление он осуществлял с такой ужасающей жестокостью, что Армия Крайова всегда могла рассчитывать на широкую народную поддержку.

АК начала героическое, хотя и заранее обреченное Варшавское восстание против немцев летом 1944 года. Оно длилось несколько месяцев, но его поражение означало и конец Армии Крайовой. В январе 1945 года польское Сопротивление формально перестало существовать, однако, даже несмотря на массовые аресты активистов, в сельской местности популярность АК была очень велика, и эту популярность унаследовали сначала «Nie» — «Неподлежность», а потом и ее преемник, DSZ, «Delegatura Sił Zbrojnych na Kraj», созданная генералом Андерсом на базе Второго польского корпуса весной 1945-го⁴.

Большую часть сельской территории Польши контролировали различные антиправительственные и экстремистские силы — будь то АК, националистическая NSZ, или украинская УПА, и силы союзников могли бы найти в них поддержку.

Лидеры оппозиции считали, что дальнейшее сопротивление вызовет только ненужное кровопролитие, и потому призывали своих бойцов сложить оружие еще в апреле 1945-го, однако почти с уверенностью можно было говорить о том,

что 30 % активистов этому призыву не вняли. Несмотря на все усилия Польской коммунистической партии, ее представители в городах и селах постоянно сообщали в центральный аппарат, что число подпольщиков остается высоким, несмотря на аресты. Предположительно около 20 000 бойцов и 200 000 резервистов были готовы встать на сторону оппозиции. Многие из них скрывались в лесах на севере и вокруг Варшавы. Оружия было по-прежнему мало, хотя после бегства немецкой армии поляки разжились трофеями, в основном противотанковыми. Поляки вообще оказались хозяйственными — многие крестьяне оборудовали целые схроны оружия, которым, впрочем, так никто и не воспользовался, потому что по всей стране призыв к этому самому оружию так и не прозвучал⁵.

Хотя бойцов Сопротивления и сочувствующих им было достаточно много, связи и вся сеть подполья были серьезно разрушены⁶. Возникшее в связи с этим разочарование, разобщение, страх перед арестами привели к резкому сокращению их числа летом и осенью 1945 года; к сожалению, даже наиболее организованная «Свобода и Независимость» (*Wolność i Niezawisłość*) просуществовала только до сентября 1945-го, а к тому времени было уже слишком поздно для реализации операции «Немыслимое»⁷. Впрочем, даже несмотря на все это, многие поляки надеялись, что вооруженный конфликт между западными союзниками и СССР был неизбежен.

План операции «Немыслимое» расширялся и дополнялся, в связи с чем был проведен анализ наличных сил Советского Союза, способных противостоять агрессии. Страна, конечно, была довольно бедна, на протяжении всей Второй мировой войны ее продолжали преследовать низкие пока-

затели ВВП — в отличие от Запада она была вынуждена мобилизовать гораздо большие ресурсы. Это было особенно важно, поскольку Советы никогда раньше не выделяли достаточно средств для развития инженерной и металлургической промышленности, имевших жизненно важное значение для производства современного вооружения.

Таким образом, хотя Россия имела огромное преимущество в военных и трудовых ресурсах, Запад обгонял ее по «промышленной емкости» более чем в 6 раз⁸. Сталин принял меры к исправлению этого недостатка. Помимо полученной по ленд-лизу от США помощи в размере 9 млрд долларов, куда входили 15 000 самолетов, 7000 танков и более 400 000 грузовиков и джипов, он экспроприировал огромный объем оборудования на оккупированных территориях Восточной Европы. В мае 1945 года Сталин послал очередной запрос на помощь от США, теперь в виде кредитов, возможно, надеясь использовать их для дальнейшего развития советской экономики⁹.

Разумеется, Сталин знал и другую слабость своей страны: зависимость от импорта продовольствия. В случае новой войны импорт был бы прекращен, хотя его частично компенсировали бы поставки из Восточной Европы.

Британские и американские лидеры никогда не понимали до конца одержимость Сталина идеей, что Запад способен навредить строю и идеологии СССР. Эта фанатичная убежденность привела к тому, что в стране постоянно шло отфильтровывание потенциальных предателей, которые, как считал Сталин, затаились среди вернувшихся с Запада советских граждан. В эту группу входили и бывшие военнопленные, которые всю жизнь сражались за свою страну и поддерживали сталинскую политику. Тем не менее, едва

вернувшись из немецких лагерей, они оказывались в лагерях советских, подвергались пыткам или были расстреляны. После того как состоялась передача союзниками всех советских военнопленных, они были распределены по лагерям, и ими занялась контрразведка СМЕРШ (Смерть шпионам). Гражданскими лицами занимался НКВД. Во время этих «чисток» пострадало большое количество старших офицеров, так что вполне резонно встал вопрос — а хватит ли Советам компетентных кадров, чтобы противостоять вторжению?

Самым знаменитым советским командиром был маршал Г.К. Жуков, который, несмотря на некоторые допущенные ошибки, заслуженно признан «маршалом Победы», архитектором захвата Берлина¹⁰. Странно, но Сталина вполне устраивало, когда командиры уровня Жукова совершали ошибки. Он словно находился в состоянии вечного соперничества с любым мощным и успешным деятелем из своего окружения. К примеру, между Жуковым и маршалом И.С. Коневым шла борьба — кто первый займет Берлин. Жуков никак не хотел уступать, совершал необдуманные маневры, в результате чего войска несли тяжелые потери. Сталин отнесся к этому снисходительно — ведь подобные неудачи снижали популярность Жукова¹¹.

Аналитикам предстояло попытаться угадать последующие шаги Сталина, когда операция «Немыслимое» войдет в активную фазу. Ожидалось, что Советы откроют новые фронты по всей Европе. В Скандинавии они будут пытаться установить единый фронт по всей северной Финляндии, проникнуть на север Норвегии и постепенно продвинуться на юг, к Тронхейму. Аналитики не уточняли состояние местного движения Сопротивления, однако предполагали, что на

фоне всеобщей мобилизации мирное население очень символически выступит против Советов. Кроме того, в результате советского вторжения будут реквизированы лучшие финские уголья, так что финны уже очень скоро начнут испытывать серьезный недостаток в пище и могут запросить мира.

Поскольку конфликт предположительно начнется в летние месяцы, Северный мыс будет свободен от снега и льда, а большинство рек будут полноводными и трудными для переправы. Продвижение вглубь территории Норвегии и преодоление множества естественных преград потребует использования гужевого транспорта и оленьих упряжек, а также немалого умения от инженерных служб. Тем не менее русские могут оперативно захватить ключевые северные порты и никелевые шахты возле Петсамо, после чего двинуться к Нарвику — а этот порт жизненно необходим Швеции для экспорта железной руды. Однако прежде им придется решить вопрос с линией, соединяющей Люнгенфьорд и горы — там могли бы разместить свои подразделения спецназ союзников и норвежское Сопротивление.

Если же Советам удастся пройти эти препятствия, они могут захватить крупный порт Тронхейм при поддержке с моря и воздуха. Следовательно, если защитить вход в Северную Атлантику от надводного и подводного флотов противника, продвижение Советов возможно остановить¹².

С другой стороны, Сталин мог забыть о договоренностях и вторгнуться в Грецию и Турцию. Закрепившись в Турции, он, скорее всего, закрыл бы Дарданеллы, блокируя таким образом доступ союзникам в Черное море. Однако если бы этот доступ оставался открытым, то в диверсионной атаке на СССР на южном направлении и в десантных операциях на Черном море мог бы участвовать Корпус морской пехоты США чис-

ленностью около 500 000 человек. Впрочем, даже при самом благоприятном развитии такой атаки она встретила бы яростное сопротивление русских на суше и на море и привела бы к значительным потерям в живой силе и кораблях.

Удивительно — но аналитики словно не видели этих перспектив. Они были уверены, что советский захват Греции и Турции практически не повлияет на общее стратегическое равновесие. Другое дело — Иран и Ирак. Если бы пали они — а это было вполне реально, поскольку в этом регионе всего лишь три индийские бригадные группировки противостояли бы одиннадцати советским дивизиям — то Сталин отрезал бы Запад от одного из основных источников нефти. К счастью для союзников, аналитики верно предположили, что из-за проблем и обязательств в Европе Советы не будут продвигаться на юг, к Египту или Индии.

И вот Красная Армия захватила Финляндию, Норвегию, Грецию и Турцию — в ответ на нападение союзников. Теперь должны быть приведены в действие силы Управления специальными операциями (SOE) — британской секретной службы, созданной в 1940 году для проведения тайных операций и координации действий с движениями Сопротивления в Европе, а затем в Восточной Азии. После Дня Победы эта служба лишилась своего независимого министерства, перейдя в ведение Форин Офис. Лорд Селборн покинул пост министра, номинально его место занял харизматичный лорд Ловат, а многочисленные филиалы SOE и их руководители постепенно растворились в структуре SIS — Службе разведки¹³.

Тем не менее последние полгода своего существования SOE проведет довольно бурно, получив новый импульс к существованию — и нового глобального противника. Выполняя секретные операции, SOE будет уделять первооче-

редное внимание тем странам, которые, вероятно, будут захвачены на начальных этапах конфликта с Россией, однако пока еще не находятся под контролем СССР¹⁴.

Поскольку основные силы этого секретного подразделения были направлены в основном в Германию и Австрию, количество сотрудников, резидентов и агентов SOE в британской зоне оккупации увеличилось в разы. Отчасти в задачу подразделения входила борьба с остаточными очагами нацизма на подконтрольных территориях, однако в качестве «долгосрочных задач» — и это было куда более опасно — ему предписывалось направить все усилия на подготовку и оснащение оперативников, которых задействуют в тайных операциях в случае вооруженного конфликта с СССР¹⁵.

По мере того как конфликт будет разрастаться, внимание следует переключить с Северной Европы в сторону вероятных советских целей в Азии. Турция уже давно находилась в сфере экспансивных интересов СССР — возвращение Карса и Ардагана было в планах Сталина еще в начале войны, а с марта 1945 года московское радио обрушило на турецкое руководство шквал критики. Пика напряжение достигло в июне, когда Советы выступили с заявлением по поводу Дарданелл, настаивая на создании военных баз в этом стратегически важном регионе.

Советский министр иностранных дел Молотов «попросил турецкое правительство прислушаться к пожеланиям Советского Союза», однако иллюзий никто не испытывал — это была почти неприкрытая угроза. Следовательно, отзываться офисы SOE из Турции, Ирана или Норвегии было рано. Поскольку Норвегия была особенно обеспокоена, английские секретные службы приняли решение продолжать работу в этой стране в режиме ожидания в мае и начале июня¹⁶.

В отношении Дальнего Востока аналитики предполагали, что первоочередным ответом на агрессию союзников станет альянс между СССР и Японией. Это стало бы резким и поразительным поворотом в советской внешней политике: сначала Сталин предпочитал занимать нейтральную сторону, а после Ялтинской конференции практически согласился вступить в войну с Японией в августе 1945-го. Тем не менее предположить подобный альянс было вполне реально. Он позволил бы Японии получить некоторую передышку, перегруппировать войска на островах, а затем возобновить наступательные действия в Китае.

Если в результате план «Downfall» будет отменен, союзники столкнутся с серьезными проблемами и зайдут в тупик в войне с Японией. К счастью — по мнению аналитиков — маловероятно, что мощная (1 млн человек) группировка Красной Армии будет участвовать в каких-либо наступательных операциях на Дальнем Востоке¹⁷.

Однако как бы активно ни обсуждали аналитики возможный ответ Советского Союза на агрессию, они никоим образом не могли знать или угадать, в какой момент конфликта Сталин резко поднимет ставки, вторгнувшись на очередную территорию. Станет ли достаточно эффективной ловушкой для Советов вторжение союзников в Германию и Польшу в рамках стратегии «быстрого успеха»? Или это спровоцирует эскалацию «тотальной войны» зимой 1945—46 гг., а потом втянет в конфликт весь мир?

Аналитики делали мрачный вывод:

«Результат тотальной войны с Россией непредсказуем, со всей определенностью можно сказать одно: победа в такой войне — задача очень продолжительного времени.»¹⁸

Если Немыслимая война не будет выиграна к зиме 1945-го — что тогда?

Пробиваясь вглубь территории Польши, союзники, безусловно, могут рассчитывать на довольно организованную местную поддержку, особенно в центре страны. На севере и вдоль Балтийского побережья они войдут на территорию бывшей Восточной Пруссии, а эта область когда-то была частью немецкого рейха. В настоящее время эти земли были оккупированы Советами, однако районы эти довольно пустынные и бедны, так что у армии вторжения возникнут проблемы со снабжением.

Когда немцы отступали, они разрушили инфраструктуру практически полностью.

Все, что осталось после ухода немцев, было демонтировано и вывезено в Россию, скот угнан, урожай реквизирован. Как и в Силезии, здесь не было организованной сети ячеек Сопротивления, которые могли бы координировать саботаж или наладить взаимодействие с союзниками. Такая аморфность препятствовала бы высадке союзных десантов на польское побережье¹⁹.

Несмотря на все эти трудности на севере, наступление союзников на южном направлении могло добиться большего прогресса, поскольку проходило бы на территориях, являющихся колыбелью польского Сопротивления. Население больших и малых городов, возможно, поддержит наступающую армию союзников. Столица — Варшава — по-прежнему лежала в руинах, и хотя основные улицы были очищены от обломков, организованное восстановление города должно было занять не один год. После Варшавского восстания в 1944 году Гитлер приказал стереть Варшаву с лица земли при отступлении. Немецкие войска замини-

ровали весь город и успели многое взорвать до прихода Красной Армии в январе 1945-го. Население в старой части города сократилось до неполной тысячи человек. К 1 июля 1945 года в Варшаву, предположительно, могли бы вернуться до 60 000 человек — жителей варшавского пригорода, Праги, не участвовавших в восстании, — однако пока Варшава оставалась городом-призраком²⁰.

Другие польские города пострадали не так страшно, впрочем, население все же бежало — кто от немцев, кто от русских. Во время продвижения вглубь Польши союзникам пришлось бы столкнуться и с саботажем другого толка — со стороны польских коммунистов. Войдя в Польшу уже в 1944-м, русские имели достаточно времени и для уничтожения антикоммунистических ветвей подполья, и для поддержки и организации коммунистических ячеек.

Вместе с Красной Армией в Польшу вошли и войска НКВД, включая подразделения контрразведки СМЕРШ. Именно на их плечи легло бремя борьбы с националистическим и антикоммунистическим подпольем. Опыт НКВД был использован и для создания национальной службы безопасности, которой во время войны руководил русский генерал, безжалостный Иван Серов. Он оставался в Польше до мая 1945 года и после изучения ситуации с остатками Армии Крайовой поставил вопрос о создании польской тайной полиции, известной как *Urzędy Bezpiecze'nstwa* (Служба безопасности, или UB). Эту структуру возглавил Станислав Радкевич. К лету 1945-го она находилась все еще в зачаточном состоянии, насчитывая всего 2500 сотрудников, которыми руководили довольно неопытные командиры, однако уже через год превратилась в разветвленную организацию, насчитывающую 10 000 сотрудников.

В мае 1945 года Владислав Гомулка, один из лидеров Компартии Польши, признал, что «УВ станет, судя по всему, наихудшим филиалом НКВД»²¹. Тем не менее примерно половина первоначального личного состава была заменена профессиональными военными, а во главе их встали советские разведчики. Можно было бы порассуждать о терроре против местного населения, однако факт оставался фактом: в случае вторжения союзников НКВД, вне всякого сомнения, имел возможность координировать контрразведывательные операции, наладить работу в тылу противника и выявить потенциальных пособников антисоветской агрессии в Центральной и Восточной Польше, намного опередив при этом самих союзников.

Еще большие ужасы подстерегали бы союзные войска, если бы они двинулись на Варшаву — немецкие и наполеоновские армии могли бы много об этом рассказать.

Германское наступление 1939 года показало, как легко было проникнуть на территорию Польши. Западные союзники повторили бы этот путь — и по мере продвижения вглубь страны столкнулись бы с тем, что местность становится все более труднопроходимой: на востоке начиналась обширная полоса болот, на северо-востоке — густые леса. Именно эти препятствия могли стать непреодолимыми для пехоты. Широколиственные леса образовывали непроходимую чащу, комары и мухи донимали солдат, источники питьевой воды были сомнительны и труднодостижимы.

По мере продвижения будут иссякать запасы продовольствия и медикаментов для армий союзников — и речь при этом идет только о летних месяцах²².

Суровая зима была гораздо страшнее, и немецкая пехота могла бы многое рассказать об этом. Продвижение

в направлении Москвы было чревато опасностями. Генрих Хаапе был одним из самых именитых военных врачей рейха, участвовавшим в сражениях на Восточном фронте. Его 3-й батальон 18-го пехотного полка почти дошел до ворот Москвы, однако был уничтожен, в том числе погодой и болезнями. Из 800 солдат батальона страшную зиму пережили только 28 человек; однако он все равно верил, что исход операции «Барбаросса» мог быть иным:

«Если бы битва за Москву началась на четырнадцать дней раньше, город уже был бы в наших руках. Или если бы не было дождей... Если — если — если... Если бы Гитлер начал «Барбароссу» на шесть недель раньше, как и планировал; если бы отдал Балканы на откуп Муссолини, а сам напал бы на Россию в мае; если бы мы наступали без остановок, подобных той, на Щучьем озере; если бы Гитлер обеспечил нас зимней формой... Да — если, если, если...»²³

Для любой армии, планирующей вторжение в Советский Союз, уроки «Барбароссы» были очень важны. Если бы операция «Немыслимое» началась по плану, существовала реальная вероятность того, что Красная Армия оттянет силы противника на себя и измотает его так же, как это было сделано в 1941 году. Кроме того, Гитлер посчитал, что Советы не отзовут силы из Прибалтики для защиты Москвы — и это оказалось роковым просчетом²⁴. За три месяца наступления, с июня по сентябрь 1941-го, немецкая армия добилась крупных успехов в захвате советской территории, достигнув пригородов Ленинграда на севере и захватив Киев на юге — однако тогда Красная Армия была не готова к отпору, а ВВС России были слишком слабы. Та растерянная, неподготовленная армия не шла ни в какое сравнение с закаленной в боях, отлично вооруженной Красной Армией

образца 1945 года. Союзникам предстояло бы столкнуться с грозным противником, на стороне которого по-прежнему был бы непредсказуемый и суровый русский климат.

С наступлением осени рассвет будет наступать на 2 часа позже, а в 3 часа дня уже упадут сумерки. К середине ноября температура начнет падать. Солнце еще будет появляться на небе, но не будет греть с прежней силой. Ледяной ветер из Сибири будет дуть через бескрайние степи, начнутся морозы. По вечерам температура начнет понижаться до минус 15 градусов. Часовые будут страдать от обморожения конечностей. В декабре температура упадет еще ниже, до -24, -36, а затем и до -48 градусов. Пехота окажется как бы в морозильной камере, только еще и продуваемой всеми ветрами, отчего будет раза в четыре холоднее. Этот невообразимый холод парализует армию. С потерями от обморожения и переохлаждения не сможет справиться даже самая развитая медицинская служба²⁵.

Войска Наполеона тоже пережили этот кошмар. Из 600 000 французских солдат, отправившихся брать Москву, до столицы добралось менее 90 000. Во время отступления из Москвы погибли и они, почти все — кроме небольшой горстки солдат. Их убил не только мороз — расплодившиеся вши вызвали эпидемию сыпного тифа. В 1945 году подобную эпидемию мог бы пережить относительно молодой солдат, но более старшие, не имевшие прививки от тифа, были обречены на гибель. Даже американцам с их медицинскими достижениями не хватило бы сыворотки на всю армию.

Если же армии союзников удалось бы пережить капризы климата и болезни, советский ландшафт добавил бы трудностей. Масштаб размеров Советского Союза поражал во-

ображение, и хотя огромные пространства оставались незаселенными и на них не было никаких стратегических объектов, любым силам союзников предстояло покрыть громадные расстояния. Согласно официально обозначенным границам, площадь СССР в 1940 году составляла 8,5 миллиона квадратных миль — для сравнения, площадь Британии составляла 100 000 квадратных миль. Гораздо меньше был разрыв в соотношении количества населения: в Британии насчитывалась примерно четверть от 194 миллионов человек, населявших СССР²⁶.

Наличие таких огромных расстояний означало, что оборудование Советского Союза страдало от постоянного износа, а для замены и ремонта детали и оборудование требовалось доставлять из отдаленных промышленных регионов на востоке — из-за Урала или с Поволжья. Кроме того, стране не хватало нормального автомобильного и железнодорожного сообщения, которое могло бы связать действующую армию и промышленное производство. Война разрушила большую часть советской промышленности, хотя последствия этого были во многом смягчены эвакуацией оборонных заводов за Урал.

Если Советский Союз мог рассчитывать на подобную природную защиту — то на что могли бы опереться Англия и Америка? Одним из предположений аналитиков было то, что Англию поддержат не только США, но и вся Британская империя. Это было далеко не гарантировано, особенно учитывая возможный альянс СССР и Японии, что могло бы иметь серьезные последствия для Австралии. Во время разработки плана операции «Немыслимое» — весной 1945-го — Австралия увязла в военных действиях против Японии на Борнео. Джон Кёртин был премьер-министром

Австралии. Ирландец и активный деятель Лейбористской партии, он не особенно охотно взаимодействовал с Черчиллем. Их отношения оставались натянутыми со времен противостояния в 1942 году, когда Черчилль требовал от легендарной 9-й австралийской дивизии передислоцироваться в Индию и Цейлон после изнурительной операции в Северной Африке. Кёртин также ясно высказывался относительно того, что гарантом в борьбе против японцев на Тихоокеанском театре военных действий Австралия хотела бы видеть США²⁷.

Следовательно, было бы довольно трудно убедить австралийское правительство — даже при условии, что операция «Немыслимое» будет поддержана населением Австралии — подключиться к конфликту, который не только способствовал бы усилению Японии, но и навязывал бы Австралии нового противника — Советский Союз.

В конечном счете судьба Австралии в 1945 году в значительной степени зависела от Верховного главнокомандующего США на Тихом океане, генерала Дугласа Макартура. Его близкие дружеские отношения с Кёртином могли означать следующее: если Макартур одобрит операцию «Немыслимое» — а было достаточно оснований полагать, что он это сделает — то и австралийские военные силы будут следовать его указаниям²⁸.

Канада, несмотря на то, что ее премьер Маккензи Кинг поддерживал идеи Черчилля, неохотно присоединится к альянсу, особенно если США будут против. На мнение США ориентировалась не только Канада. Австралия и Новая Зеландия вообще высказывали все большую озабоченность тем, что Англия отдавала приоритет в войне разгрому Германии, оставив конфликт с Японией на втором

месте по значимости. Даже премьер Смутс, чьи отношения с Черчиллем иронично описывали как «воркование на одной ветке двух влюбленных, хотя и слегка облезлых голубков, впрочем, все еще способных клонуть», столкнулся с усилением давления со стороны Национальной партии, требовавшей все большей независимости от метрополии²⁹.

Операция «Немыслимое» обсуждалась весной 1945 года — то есть, еще до испытаний американского атомного оружия, поэтому в докладах Объединенного штаба планирования нет никаких предположений о его использовании. Тем не менее следовало учитывать, что к тому времени, когда «тотальная война» будет в разгаре, атомная программа США уже будет идти полным ходом, и применение США подобного оружия против СССР, а не Японии способно полностью изменить весь сценарий. Однако и в этом случае в качестве единственной мишени рассматривались гражданские объекты или промышленные центры. Только в 1951 году британские военные разработали концепцию тактического использования ядерного оружия на поле боя. В качестве чистого предположения планировалось сбросить атомный заряд на армию агрессора, после чего обычные силы должны обрушиться на потрясенного и деморализованного противника.

Главным тактическим эффектом был сам ядерный взрыв и разрушения, им производимые, однако эффект этот был довольно непродолжителен. Так, сброс бомбы весом в 1 килотонну на площади в 1 квадратную милю нанес бы урон, сравнимый с сильным штормом. Поэтому предполагаемые бомбардировки вражеских формирований на открытых пространствах — например, в русских степях — имели бы небольшую ценность. И даже если подвергнуть эти райо-

ны интенсивной атомной бомбардировке, радиационное излучение было бы настолько сильным, что любые дружественные военные соединения могли бы действовать в этом районе в течение всего нескольких часов, причем в изнурительной борьбе с тяжкими последствиями облучения и большими потерями³⁰.

О концепции «тотальной войны» страшно было даже думать...

6. ТУЧИ СГУЩАЮТСЯ

Пока Объединенный штаб планирования продолжал свою работу, события стремительно сменяли друг друга. Политический курс стран менялся. В Белом доме появился новый обитатель. В течение буквально нескольких дней своего президентства Трумэн продемонстрировал агрессивное отношение к СССР. Для начала накануне встречи с советским министром иностранных дел Молотовым Трумэн заявил, что «если Советы не появятся в Сан-Франциско на переговорах по формированию ООН, они могут идти к черту». Воинственную риторику Трумэна немедленно подхватили в Госдепе. В частности, министр морского флота, Джеймс Форрестол, высказался так:

«Если Советы продолжат занимать непримиримую позицию, то для Соединенных Штатов было бы лучше разобратся с ними прямо сейчас, нежели позже.»¹

Впрочем, были и другие, более осторожные политики. Секретарь военного ведомства, Генри Стимсон, в принципе поддерживал жесткую позицию США по вопросам, которые сам же называл «мелкими» — например, вопрос о передаче советских граждан; однако призывал к сдержанности

в «слишком сложных политических вопросах» — о статусе Польши.

По указанию Сталина Молотов постоянно блокировал британские и американские предложения по Польше. 23 апреля 1945 года британский посол в США, лорд Галифакс, не смог сообщить о достижении хоть какого-то прогресса в польском вопросе после переговоров с советским министром. Он отчитывался Черчиллю:

«Молотова не удастся переубедить ни по одному пункту. Он упрям и совершенно недоговороспособен»².

55-летний Вячеслав Молотов был верным проводником политики Сталина. Он с энтузиазмом поддерживал и коллективизацию, и предвоенные репрессии. О своей роли в политике отзывался вполне однозначно:

«Моя задача как министра иностранных дел Советского Союза — расширить границы нашего Отечества».

Он понимал, что союз с Западом целесообразен в военное время, однако к 1945 году, как и большинство советских руководителей, считал войну с Западом неизбежной³. Холодное отношение Молотова к переговорам не могло снизить ему популярности среди западных дипломатов. Сэр Александр Кадоган, сотрудник британского МИДа, сетовал:

«Он обладает тактом и уступчивостью тотемного столба!»

Однако неуступчивость Молотова была всего лишь отражением позиции Сталина⁴.

25 апреля дипломаты союзных держав очень коротко обсудили конфликт в Европе и перешли к вопросам строительства мирового правительства. Открытие конференции Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско было обставлено с шумом и помпой, как большое шоу — и главным

шоуменом на ней выступил госсекретарь США Эдвард Стеттиниус⁵. Однако ни харизма Стеттиниуса, ни праздничная атмосфера открытия не спасли конференцию, когда делегаты от 46 стран-участниц войны с Германией и Японией затеяли процедурные споры. Бросалось в глаза отсутствие Польши — ее лондонское правительство в изгнании было признано Западом, однако не приглашено из-за боязни конфликта со Сталиным. Главными на конференции были делегаты стран «Большой четверки» (СССР, Китай, США и Великобритания), а генеральным секретарем был избран американский дипломат Алджер Хисс. Выяснилось, что Хисс — который, кстати, был помощником Стеттиниуса во время Ялтинской конференции — является не только известным либералом, но и убежденным коммунистом. Хисс активно участвовал в подготовке Ялтинской конференции, а позднее в расшифрованных сообщениях советских агентов своим кураторам в КГБ были обнаружены свидетельства того, что среди членов американской делегации затесался советский шпион. Уже в разгар холодной войны расследование, хотя и не вполне убедительное, косвенным образом привело к Алджеру Хиссу⁶.

Но Хисс был не единственным «кротом» русских в Вашингтоне. Помощник секретаря Казначейства, Гарри Декстер Уайт, был одним из нескольких агентов НКВД, лоббировавшим выделение американских субсидий Советскому Союзу в конце войны⁷.

28 апреля 1945 года время изящных дипломатических переговоров закончилось. Разочарование Черчилля в советской политике относительно Польши достигло точки кипения, и он послал резкую телеграмму Сталину.

В телеграмме за номером 450 премьер-министр обвинил Сталина в попрании духа Ялты и в отказе обсуждать демо-

кратические кандидатуры в польское правительство, выдвинутые Западом:

«Я, разумеется, ехал в Ялту с надеждой, что ни лондонского, ни люблинского правительств не останется, и на их место придет новое демократическое правительство, сформированное поляками доброй воли... Однако вас этот план не устроил, и тогда мы с американцами согласились не предпринимать никаких радикальных мер в отношении правительства Берута, надеясь, что этот кабинет будет реорганизован на более широкой демократической основе, и в него войдут демократические лидеры как в самой Польше, так и за рубежом... По прошествии времени мы, британцы, не видим ни малейшего продвижения в вопросе формирования нового правительства...»⁸

Черчилля огорчала и беспокоила не только Польша, но и Югославия. Имея в виду «сомнительный документ» 1944 года, он напоминает Сталину, как проходил процесс согласования сфер влияния в Европе:

«Должен заметить, что развитие ситуации в Югославии никак не напоминает принятое нами тогда разделение интересов наших стран в соотношении «50 на 50»⁹.

Затем Черчилль — впервые! — поднимает вопрос о бесследно исчезнувших 16 членах делегации польского подполья, которых уже в течение 4 недель считали пропавшими без вести. Ходили слухи, что они были арестованы, однако никакого подтверждения от русских не поступало. Что удивительно, даже опытной в таких делах польской разведке не удалось прояснить их судьбу. В течение апреля польское правительство в изгнании и британский МИД получали лишь обрывочные сведения и слухи о пропавших, но напрямую этот вопрос Черчилль поднял только 28 апреля, задав

его непосредственно Сталину. В течение нескольких следующих дней Сталин игнорировал обращение Черчилля. Его молчание было поистине зловещим¹⁰.

Перспектива неизбежного конфликта была поддержана теми немцами и их союзниками, кто считал, что альянс Германии с Англией и Америкой против Советов вполне вероятен. Лорд Уильям «Хо-Хо» Джойс, английский телеведущий и перебежчик, собирался отправить свой последний репортаж из Германии. 30 апреля, когда его хозяин Адольф Гитлер покончил с собой в своем бункере, Джойс бежал из Берлина. Некоторое время ему удавалось вести вещание из Гамбурга, и его усталый, но все еще бархатный голос заявлял:

«Страшная война, через которую мы только что прошли, является прелюдией к борьбе куда более решительной и ужасной...»

Джойс утверждал, что без помощи немецких «легионов» Западная Европа окажется беззащитной перед Сталиным¹¹. Разумеется, Джойс не знал и не мог знать о планировании операции «Немыслимое», но слова о «немецких легионах» из его последней передачи звучали странным пророчеством.

Повсюду в Европе немецкие войска быстро капитулировали. На севере Италии и на юге Австрии они подписали акт о безоговорочной капитуляции 29 апреля — сразу после того, как армии союзников и Советского Союза замкнули окружение. Стремительные и решительные действия Красной Армии лишний раз подтвердили Черчиллю, что в любых переговорах насчет послевоенного мироустройства важную роль будет играть контроль той или иной армии над стратегически важными областями. Военные США это хо-

рошо понимали, однако Госдеп настаивал на отводе союзных войск от линии соприкосновения с силами русских. Передовые силы американской армии уже взаимодействовали с русскими — в Торгау, на Эльбе, 25 апреля. Эта встреча в местечке к северо-западу от Лейпцига на самом деле красноречиво продемонстрировала, на какое расстояние Сталин готов подпустить союзников, пока сам он захватывает Берлин, находящийся в 60 милях к северу.

Тем не менее на юге Германии границы между Востоком и Западом выглядели куда более спорно. Горячо обсуждался вопрос об Австрии, хотя русские взяли Вену еще 13 апреля. Особенно опасное противостояние назревало на северо-востоке Италии, на границе с Югославией. Черчилль явно был близок к отчаянию, поскольку позволил главнокомандующему на Средиземноморском театре военных действий, фельдмаршалу Александру, оккупировать Триест — ключевой город региона — однако для этого все равно требовались санкции США. 30 апреля Черчилль отправляет Трумэну срочную телеграмму:

«Мы должны иметь право свободно войти в Триест, если представится такая возможность — как это сделали русские, захватив Вену... Если возможно, надо будет закрепиться там, а потом уже говорить об остальной части провинции. В конце концов, базовый принцип, на котором мы всегда основывались, заключается в том, что все территориальные споры и урегулирования должны происходить в мирное время... Мы должны попытаться взять Триест с моря, и только потом информировать об этом русских или югославов»¹².

Черчилль торопился застолбить территорию в Австрии и потому подгонял Александра. Британская Восьмая армия стремительно продвигалась через Северную Италию,

однако ее перенаправили вверх по Дунаю к Вене, оголив тем самым правый фланг наступления на северо-востоке Италии. Были серьезные опасения, что остатки войск СС, состоявшие из фанатиков-нацистов и военных преступников, будут искать убежища именно на границе с Австрией. Кроме того, под их контролем находилось большое количество концлагерей, и существовала опасность того, что нацисты будут использовать узников в качестве живого щита, а потом уничтожат. И хотя путь из Италии в Австрию лежал через относительно безопасные Альпы, армию союзников ждали серьезные препятствия¹³.

Одной из наиболее серьезных проблем было наличие большого количества вооруженных отрядов югославских коммунистов, в частности — партизан под командованием Йосипа Броз Тито. Они как раз и контролировали город Триест и прилегавшую к нему область Венеция-Джулия — район, имевший важнейшее стратегическое значение, но одновременно грозивший стать источником нового конфликта между Востоком и Западом.

Исторически Венеция-Джулия принадлежала Австро-Венгрии, однако была передана Италии в конце Первой мировой войны¹⁴. Во время Второй мировой войны, после падения итальянского фашистского правительства в 1943 году, немецкие войска вторглись в регион, однако столкнулись с ожесточенным сопротивлением со стороны югославских партизан. К весне 1945-го большая часть немецких войск отступила, и Югославия — а вместе с ней и значительная часть Венеции-Джулии — оказалась под контролем партизан Тито.

Этот регион, как и Югославию, населяли в основном славяне, итальянское население было сосредоточено в примор-

ских городах, однако область терзали постоянные расовые конфликты, разрешавшиеся зачастую с большой жестокостью. Тито хотел взять под контроль Триест — самый важный город региона — по тем же причинам, что и союзники. Триест — крупный порт, обеспечивающий выход в Адриатику, торговый и культурный центр. Для Запада контроль над Триестом означал контроль над всем Дунайским бассейном. Этот северо-восточный район Италии обеспечивал важные военные пути, связывавшие Адриатику и Южную Австрию. Черчилль был одержим идеей вырвать Австрию из-под советского контроля, а для этого фельдмаршал Александер должен был добиться контроля союзников над регионом Венеция-Джулия, при необходимости — силой. Его задачей было создание военного временного правительства, которое управляло бы регионом до ближайшей мирной конференции.

Тем не менее Тито был готов попытаться. Несмотря на заключенные ранее с Александером договоренности, югославский лидер разместил свои силы на большей территории области Венеция-Джулия — в том числе в Триесте, Поле, Гориции и Монфальконе — во всех этих городах был довольно высок процент итальянского населения.

Черчилль, несмотря ни на что, готов был рисковать, однако нуждался в подтверждении, что США его поддержат. Однако Трумэн, которому Черчилль до сих пор импонировал своей жесткой риторикой, внезапно изменил свою позицию. Его ответ на просьбу премьер-министра о поддержке прозвучал почти равнодушно; он ответил, что «хотел бы избежать участия американских подразделений в столкновениях с югославами и вообще — на Балканской политической арене».

Эти слова встревожили Черчилля, ибо свидетельствовали о том, что кредо Рузвельта, касающееся недопущения расширения влияния Англии в Европе, было живо и ныне здравствовало в Госдепе США. Вокруг Трумэна и впрямь было много советников, полагавших, что любые попытки противостоять советскому влиянию в Европе на самом деле являются попытками укрепить влияние британское¹⁵.

Несмотря на отсутствие у США всякого желания втягиваться в конфликт с Тито, Александру удалось ввести войска в Триест 2 мая и даже принять капитуляцию немецкого гарнизона, однако неприятное противостояние британской и югославской армий продолжалось. Чтобы добавить легитимности своим действиям, Александер связался с Тито и напомнил ему, что операция в Триесте была согласована сторонами еще в феврале. Главнокомандующий был обеспокоен тем, что Тито не собирается отступать. Докладывая Черчиллю, Александер выразил озабоченность по поводу конфликта с недавним союзником:

«Если Объединенный штаб прикажет мне занять всю Венецию-Джулию силой, мы наверняка столкнемся с перспективой вооруженного противостояния с югославской армией, которая будет иметь, по меньшей мере, моральную поддержку со стороны России. Прежде чем решиться на этот шаг, мы должны учесть и настроения нашей собственной армии. Наши солдаты искренне восхищены партизанами Тито и испытывают глубочайшую симпатию к их стойкости в борьбе за свободу.

Мы должны быть крайне осторожны, прежде чем вынудим югославов отвернуться от общего врага и начать борьбу с союзником. Естественно, я не берусь оценивать реакцию общества в Англии, которую вы знаете лучше меня»¹⁶.

К 6 мая Александру удалось успешно обеспечить безопасность в некоторых важных для Тито городах: Триесте, Гориции и Монфальконе. Черчилль был доволен, однако напомнил Александру, что «Тито, при поддержке России, будет сопротивляться, но я не думаю, что при нынешнем раскладе сил он решится напасть на вас»¹⁷.

Хотя союзники добились большого прогресса, Александер столкнулся с серьезной проблемой: если бы ему сейчас приказали провести границу региона, у него попросту не хватило бы на это военной силы. Он телеграфировал премьеру, передав ему тревожный список британских и американских частей, военнотружашие которых в ближайшее время подлежат демобилизации или отправке на Дальний Восток¹⁸.

Вскоре Александер едва не пожалел об этом, потому что раздраженный Черчилль ответил буквально шквалом критики и упреков:

«Что меня больше всего насторожило в вашей телеграмме, так это то, что раньше вы с этим планом были вполне согласны и считали, что оставшихся после декабря войск будет достаточно... Я не был в достаточной степени проинформирован о происходящем».

Александер поспешил успокоить Черчилля, уверив его, что еще не все потеряно в борьбе против советского влияния в регионе, поскольку ему оказывают поддержку влиятельные фигуры американского политикума: например, посол Кирк, настаивающий на сохранении значительного военного присутствия в Европе. Это обнадеживало, особенно после того, как была проведена инспекция всех американских военных сил, и командование подтвердило, что генерал Паттон при первом же обращении способен выдвинуть пять бронетанковых дивизионов на перевал Бреннер — в случае

необходимости. Более того, если конфликт будет разрастаться, Средиземноморский флот США войдет в Адриатику при поддержке авиации — командование этих сил было предупреждено и находилось в режиме ожидания.

Тем не менее, несмотря на все эти приготовления, Трумэн оставался непреклонен, заявив, что «до тех пор, пока силы Тито никого не атаковали, для меня неприемлемо втягивать эту страну в еще одну войну»¹⁹.

Черчилль все время был настороже в ожидании балканского кризиса, однако его военные советники понимали, что их начальник лучше справляется с вопросами большой стратегии, нежели с региональными территориальными конфликтами. Используя крикетную терминологию, «Мопс» Исмей заметил как-то, что «премьер-министр может набрать сотню очков в матче мирового первенства, однако совершенно не годится для сельского крикета.»²⁰ Тем не менее Черчилль превосходил всех своих подчиненных своей невероятной выносливостью — в этом его организму, без сомнения, помогала способность погружаться в крепкий безмятежный сон при любых обстоятельствах. Позднее он признавался, что за все годы войны сна его лишили только потопление «*Repulse*» и «*Prince of Wales*», а также потеря Крита. Во всех остальных случаях, по его собственному признанию, он «просто выключал свет, говорил «ну и मुदाки же вы все!», после чего спокойно засыпал»²¹.

Когда пошла последняя неделя войны, с новой силой встал вопрос об оккупации Германии, в связи с чем усилилось давление поляков, стремившихся принять участие в оккупационной деятельности. Фельдмаршал Брук, чьей напряженнейшей миссии не видно было конца, уже устал от навязчивости генерала Андерса:

«Сегодня в полдень ко мне заходил Андерс, только что вернувшийся из инспекционной поездки в польский корпус, размещенный в Италии. Он сообщил, что по крайней мере миллион поляков в Западной Европе можно (и они этого страстно хотят) включить в состав его армии. Он хочет принять участие в оккупации Германии, лелея совершенно дикую надежду впоследствии силой прорваться в Польшу сквозь заслон русских! Польская армия собирается доставить нам серьезную проблему!»²²

Хотя Брук сетовал на размеры польской армии, Черчилль понимал, какую пользу могут принести поляки в случае начала новой войны. Понимал он и то, что Запад не должен добровольно отказываться от своих козырей. В связи с этим 1 мая он предупредил Трумэна, что союзники не должны отходить на ранее согласованные линии разграничения Восток — Запад, тем самым жертвуя ценными территориями, которые они недавно захватили. Еще через несколько дней он привел те же аргументы Энтони Идену:

«Лично. Совершенно секретно.

Боюсь, ужасные вещи произошли во время русского наступления на Эльбе в Германии. Предполагаемый вывод армии США за линии оккупации, о которых договорились с русскими и американцами в Квебеке... будет означать, что русские стремительно продвинутся на 120 миль вперед по линии фронта длиной 300 или 400 миль. Если такое произойдет — это будет самым печальным событием в истории. По завершении наступления Польша окажется полностью окружена и замурована в глубине оккупированных Россией земель. Фактически это будет означать, что русская граница пройдет от Нордкапа в Норвегии, вдоль финско-шведской границы, через Балтику до точки к востоку от Любека.

Таким образом, под контролем России окажутся прибалтийские провинции, вся советская зона Германии, вся Чехословакия, большая часть Австрии, вся Югославия, Венгрия, Румыния, Болгария — до границ Греции с ее нынешним неустойчивым положением. Эта зона охватит все великие столицы Средней Европы, включая Берлин, Вену, Будапешт, Белград, Бухарест и Софию. Положение Турции и ситуация с Константинополем немедленно окажутся под вопросом. Это породит такую ситуацию в Европе, исторических аналогов к которой мы не знаем — союзники еще никогда не сталкивались с подобным на протяжении всей их долгой и полной опасностей борьбы... Русские требования к Германии по одним только репарациям будут таковы, что оккупация продлится до бесконечности. Уж во всяком случае — на долгие годы, в течение которых Польша и другие государства Европы будут находиться под полным и всеобъемлющим контролем России... Эти вопросы могут быть решены только до того, как присутствие армии США в Европе сократится. Если же они решены не будут, а США выведет войска из Европы, и Западный мир остановит свою военную машину — никаких перспектив на мирное и положительное решение проблемы не останется, и мало что сможет предотвратить начало Третьей мировой войны»²³.

Именно в этот момент Сталин и решил обнародовать информацию о шестнадцати пропавших польских делегатах. Во время конференции в Сан-Франциско Иден и Стеттиниус просили Молотова выяснить, что случилось с поляками, однако ответа не получили. Затем, вечером 3 мая, Молотов пригласил некоторых делегатов — в их числе Идена и Стеттиниуса — на ужин в советском консульстве. Чарльз «Чип» Болен, переводчик американской делегации, стал свиде-

лем необычайной откровенности советского министра иностранных дел:

«Я вошел вместе со Стеттиниусом, нас уже встречал Молотов с его обычной улыбкой на лице. Когда они обменивались рукопожатиями, Молотов сказал: «Да, кстати, мистер Стеттиниус, насчет тех шестнадцати поляков. Все они были арестованы Красной Армией». После этого он сразу отвернулся и сказал: «Приветствую, мистер Иден!» Стеттиниус так и остался стоять с застывшей на лице улыбкой»²⁴.

Более трех недель Советы допрашивали поляков в надежде получить сведения об остатках подпольного движения — теперь же решили ответить Западу. Со всех сторон посыпались новости. 4 мая Черчилль получил телеграмму от Сталина, и тон ее был далек от примирительного:

«Генералу Окулицкому было поручено готовить и вести подрывную деятельность в тылу Красной Армии, жертвами которой должны были стать более ста солдат и офицеров. Также была подготовлена диверсионно-разведывательная группа, оснащенная радиопередатчиком, для ведения подрывной и разведывательной деятельности в тылу наших войск, что является нарушением закона. Все задержанные, или часть из них — в зависимости от результатов расследования — предстанут перед судом»²⁵.

5 мая официальный рупор Компартии Советского Союза, ТАСС, сообщило, что «задержанная в тылу советских войск диверсионная группа предстанет перед судом.»²⁶ Большую часть своего раздражения Сталин выместил на главнокомандующем распушенной Армии Крайовой, генерале Окулицком, которого назвал «особенно одиозной личностью».

Известный под псевдонимом «Кобра», Окулицкий был последним главнокомандующим польского Сопротивления,

и хотя он приказал распустить свою армию, стремясь спасти жизни людей, еще в январе 1945-го, для НКВД он оставался ценной фигурой, поскольку чекисты использовали все возможности, чтобы усилить давление на Польшу²⁷. Люблинское радио — рупор советской Польши — вело трансляцию судебных заседаний, где Окулицкий и его сообщники были обвинены в измене польскому государству²⁸.

Арест, суд и заключение этих польских деятелей стали сильнейшим шагом СССР в отношении Польши. Эти события одним махом обезглавили антисоветское подполье, выведя из игры прежних лидеров и на корню задушив чахлые ростки новых протестов.

Основная ударная сила польского сопротивления, Армия Крайова, была распущена в январе 1945-го, однако ее члены не оставляли попыток создать новое движение. Одной из таких групп стала «*Niepodległośc*» — «Независимость», или сокращенно «Нет!», однако ее руководитель, полковник Ян Ржепецкий, вскоре обнаружил, что попытки свести в одной организации политиков антисоветского толка и бойцов польского подполья обречены на неудачу. Другую военную организацию, «*Delegatura Sił Zbrojnych*» или DSZ, постигла та же участь, однако националистической NSZ («*Narodowe Siły Zbrojne*») удалось закрепиться на некоторое время и продолжить борьбу, пообещав уничтожить коммунистические и просоветские силы внутри Польши. Определенных успехов они вроде бы добились — но Западу было крайне трудно оценить, насколько сильную поддержку оказывают этому националистическому движению в самой Польше.

Однако к лету 1945 года начались подвижки в создании очередной военно-политической организации, что вселило

надежду в сердца тех, кто все еще хотел бы сопротивляться советскому строю. «Свобода и Независимость» не только поддерживала связь с демократической крестьянской партией Миколайчика, но и пыталась оказать военное давление на советские органы власти²⁹.

Беспокойство Черчилля в отношении Польши росло с каждым днем, однако о том, что на самом деле происходит внутри этой страны, он был осведомлен очень мало. Так было всегда. Несмотря на все усилия иностранных разведок внедрить своих агентов в Польшу, это удавалось плохо, а из внедрившихся почти все погибли во время трагических событий Варшавского восстания 1944 года. В связи с этим мониторинг обстановки в стране у Великобритании получался и слабо, и несвоевременно, с большим запозданием. Почти все сведения британская разведка черпала из донесений бывшего военнопленного, сержанта английской армии Джона Уорда, который бежал из плена, чтобы присоединиться к Армии Крайовой, и регулярно связывался с Лондоном. Впрочем, были и другие попытки со стороны англичан оценить уровень активности польского сопротивления на местах — в начале 1945 года. Например, операция «Фрестон» — крайне неудачная попытка британских спецслужб разместить в стране военную миссию. Закончилось это все чистым фарсом: всех членов миссии одновременно арестовали и товарным вагоном отправили в Москву. Тогда — и тоже с большим опозданием — была подготовлена операция по спасению бывших лидеров АК. Однако ее участники прибыли на место слишком поздно. Все усилия пропали впустую. Тем не менее разведке удавалось собирать хоть какие-то сведения о состоянии автомобильных дорог и железнодорожных путей. Это могло пригодиться ана-

литикам из Объединенного штаба планирования операции «Немыслимое»³⁰.

Неразбериха, царившая в конце войны по всей Европе, колонны беженцев — все это играло на руку разведке, так как под прикрытием этого беспорядка можно было проводить секретные операции. Поэтому попытки заброски агентов в Польшу не прекращались. Спецслужбы (SOE) и разведка (SIS) Британии стремились попасть в страну под эгидой «миссии наблюдателей от МИД» — якобы, чтобы оценить политические настроения в обществе. Однако и эта попытка была обречена на провал, поскольку ее успех зависел только от возможного сотрудничества с НКВД. Других возможностей просто не было.

Впрочем, наследить успели оба секретных ведомства (SOE и SIS, спецоперации и разведка). Летом 1945-го SOE передаст свои активы разведке, стремясь уберечь своих агентов от уничтожения. В конце концов, это были опытные разведчики и разведчицы, работавшие во многих европейских странах, и их опыт мог быть чрезвычайно полезным для дальнейшей борьбы с Советским Союзом:

«С ними следует поддерживать постоянную связь, однако по возможности — без дополнительных расходов. Эти агенты должны сформировать ядро будущего очага сопротивления на случай новой войны... Многим агентам может понадобиться помощь для адаптации к мирной жизни... такая помощь могла бы оказываться в виде создания Агентств по продаже английских товаров за рубежом, помогая агентам перемещаться по стране и континенту в послевоенный период, когда обычные путешествия запрещены»³¹.

В начале мая все мысли Черчилля занимала угроза продвижения Красной Армии в Данию³². От британского

военно-морского атташе в Стокгольме он получал донесения, что Советы сбросили парашютный десант недалеко от Копенгагена и что коммунистические настроения в Дании набирают силу. В страшной спешке Монтгомери направил войска в Любек, чтобы попытаться предотвратить вторжение русских на полуостров.

2 мая британская 11-я бронетанковая дивизия, наконец, достигла Любека, а днем позже 6-я воздушно-десантная дивизия встретила с частями Красной Армии в прибрежном городе Висмар. Это был по-настоящему стремительный бросок, поскольку армии Монтгомери, несмотря на помощь американцев, удалось добраться до Любека всего за двенадцать часов³³. По всему побережью немецкие части отчаянно пытались сдаться именно западным союзникам, чтобы избежать встречи с русскими, — это обстоятельство только способствовало укреплению убеждения Сталина, что нацисты находятся в тайном сговоре с Западом.

Однако Эйзенхауэр нашел способ успокоить советскую Ставку, подтвердив, что все немецкие части, захваченные в спорных районах американцами или англичанами, будут переданы Красной Армии.

7 мая на всех фронтах военные действия практически закончились; шли активные консультации между СССР, США и Великобританией по поводу совместного официального заявления. К большому неудовольствию Сталина, руководство рейха во главе с адмиралом Деницем официально сдалось не Красной Армии, а Эйзенхауэру в Реймсе³⁴. Капитуляция официально вступала в силу с наступлением 8 мая, так что Черчилль получил возможность объявить народу Англии о победе и окончании войны. Однако Сталин настоял на подписании документа о безоговорочной капи-

туляции Германии в Берлине, и в час ночи 9 мая такой документ был подписан в присутствии американских и английских военачальников: маршал Георгий Жуков принял безоговорочную капитуляцию фельдмаршала Кейтеля. Через несколько часов эта новость была объявлена в Москве, и на рассвете столица СССР начала празднование Дня Победы. К вечеру на Красную площадь и улицы Москвы вышли несколько миллионов человек.

Все военные действия были прекращены в полночь 8 мая, так что «V-Day» празднуется в Европе именно в этот день. Разумеется, праздновала победу вся Англия, однако до полного спокойствия было еще далеко: война на Дальнем Востоке продолжалась, и многие семьи провожали военнослужащих на Японский фронт.

Торжества продолжались несколько дней, однако последние новости значительно умили общий радостный настрой.

Появлялось все больше информации о зверствах нацистов в концентрационных лагерях, и это способствовало мощному росту антигерманских настроений в Англии и США. Все труднее становилось представить, как вообще могли бы сотрудничать в недалеком будущем западные союзники и немцы в предполагаемой войне против русских.

Однако отказываться от сотрудничества с бывшими противниками полностью было невозможно. Назначенный Гитлером в преемники адмирал Дениц формально оставался главой рейха и работал вместе с немецким правительством в городе Фленсбург, расположенном на датско-немецкой границе. Вступив в должность, он отклонил кандидатуры множества нацистов-чиновников, в том числе — Генриха Гимmlера, и смог создать подобие правительства, более или

менее приемлемого для западных союзников. Сразу после войны Черчилль посчитал целесообразным использовать эту немецкую администрацию для управления западным сектором Германии, хотя главнокомандующий вооруженными силами был резко против такого решения. Премьер считал, что в Германии должна быть хоть какая-то структура, с которой можно было вести диалог и которой могли сдаться, сложив оружие, оставшиеся части немецкой армии. В первые месяцы после войны сильная, ориентированная на Запад Германия могла стать жизненно необходимым оплотом союзников в борьбе с крепнувшим советским господством. Однако Черчилль не учел «холостых выстрелов» немецкой администрации, самым вопиющим из которых оказалось выступление фельдмаршала Буша на радио Фленсбурга; он объявил, что Дениц по-прежнему отдает приказы и является самостоятельным правителем. В прессе разразился грандиозный скандал. Дни последнего рейхсканцлера были сочтены.

В то время пока Англия и Америка праздновали победу, в Польше все обстояло отнюдь не так празднично. Действительно, трудно переоценить страдания, перенесенные Польшей во время нацистской оккупации; теперь же она находилась полностью под контролем СССР. В Польше были практически истреблены самые образованные слои общества: профессиональные военные, юристы, учителя, врачи, ученые, духовенство. Честно говоря, в стране попросту не осталось людей, способных осуществлять нормальное руководство или создавать проблемы оккупантам. В период между 1939 и 1946 годами, за 7 лет население Польши сократилось с 35 млн до 24 млн человек, а территория страны — со 150 000 кв миль до 120 000 кв. миль³⁵.

На Востоке тем временем Сталин торжествовал победу в Великой Отечественной войне. Большие празднества проходили в Москве. На Красной площади можно было наблюдать, как ликует толпы москвичей.

Британский дипломат стал свидетелем одной из таких сцен: «В воздухе мелькали розовая лысина с венчиком развевающихся седых волос, черный сюртук и ноги в гетрах. Человечек взвизгивал каждый раз, как его подбрасывали в воздух»³⁶. Этот «человечек» был не кто иной, как декан Кентерберийского собора, доктор Хьюлетт Джонсон, посетивший в те дни советскую столицу. За свои взгляды он был известен под именем «Красный Декан» и находился в трехмесячном турне по СССР по приглашению советской организации ВОКС, ведающей культурными связями между Советским Союзом и другими странами. Джонсон был горячим сторонником налаживания подобных связей, однако ВОКС занимался и более зловещими делами, в частности, создавая по всему миру агентуру Коминтерна, коммунистического органа, занимавшегося распространением революционных идей на Западе и использовавшего для этого все возможные средства, в первую очередь — пропаганду³⁷. Неизвестно, знал ли достопочтенный клирик об этой стороне деятельности ВОКС, во всяком случае, от посещения Красной площади он был в восторге. За несколько дней до этого он побывал в Ленинграде, а затем был приглашен в посольство Великобритании в Москве, чтобы провести торжественный молебен.

Среди других важных персон, посетивших Москву в те дни, можно было назвать Клементину Черчилль, супругу премьера, которая находилась в России с визитом по линии британского Фонда помощи России. Впрочем, она тщатель-

но избегала встреч с советскими руководителями, чтобы избежать неловких ситуаций. Черчилль предупреждал жену, что «дядюшка Джо плохо себя ведет», однако предупредить об этом Кентерберийского декана было некому³⁸.

Несколько месяцев спустя Джонсон имел довольно загадочную встречу со Сталиным и Молотовым — встречу, которая длилась почти час и даже была продлена на некоторое время. Небывалая привилегия для гостя, не входящего в дипломатические круги. По словам Джонсона, эта встреча прошла в атмосфере взаимного восхищения и полного согласия по поводу того, как неверно британская пресса освещает советские военные успехи. Возможно, Сталин полагал, что Джонсон имеет большее влияние на родине, чем это было на самом деле, — как бы там ни было, советский лидер подчеркивал, что «у нас [Советского Союза] нет никакого желания причинять боль Англии». Одновременно в его словах прозвучала и скрытая угроза: «Мирные отношения между нами во многом будут зависеть от ваших политиков. Будет желание у них — будет и у нас»³⁹.

После окончания войны одной из главных забот Черчилля стала массовая демобилизация, несущая риск того, что Запад попадет в зависимость от милости Сталина. Он неоднократно обсуждал с Иденом, что произойдет, когда американские войска уйдут из Европы, а в английской армии начнется демобилизация — это было для него гораздо важнее, чем проблемы формирования Организации Объединенных Наций, которые до сих пор обсуждались в Сан-Франциско.

Иден смог сообщить обнадеживающие новости — американские войска будут выведены из Германии не сразу — но американское правительство по-прежнему с подозрением относилось к мотивам Англии. Американцы понимали оза-

боченность Черчилля, но, казалось, куда больше опасались нового расширения Британской империи, чем коммунистического переворота в Европе. Действительно, эти взгляды были широко распространены среди американских военных и политиков. Молодой ветеран Тихоокеанской войны, Джон Ф. Кеннеди, написал комментарий для «New York Journal», заявив, что «Россия нуждается в мире больше, чем кто-либо». В статье он, казалось, не ставит под сомнение право Советов на суверенитет, заявляя: «Россия не допустит возникновения враждебных государств на своих границах». Будущий президент США еще тогда предупреждал:

«Советы чувствуют, что заслужили свое право на безопасность. И они ее себе обеспечат, во что бы то ни стало»⁴⁰.

Кроме того, США были убеждены, что Сталин будет более надежным союзником в войне с Японией, чем англичане — за несколько недель до первых ядерных испытаний Трумэн явно больше нуждался в Сталине, чем в Черчилле, а в первые недели своего пребывания на президентском посту признавался жене, что находит Черчилля «столь же раздражающим», как и русских⁴¹.

Однако у Трумэна имелись свои фобии, не в последнюю очередь связанные с наследием Рузвельта. Его биографы отмечали:

«Трумэном владело почти навязчивое желание не оставлять нерешенных проблем — еще одна область, в которой он хотел превзойти Рузвельта — и это приводило к тому что на размышления и обсуждения он оставлял себе непропорционально мало времени. Нельзя сказать, что он был плохо или мало информирован. Он внимательно прочитывал все документы и не раз удивлял окружающих тщательностью, с которой относился к фактам. Но он так торопился принять

решение, что всегда оставалась опасность игнорирования возможных вариантов. Иногда он просто не видел, как одно решение может повлиять на другое, или насколько его решения последовательны в русле общей политики государства. Классическим примером такого поспешного решения можно считать его согласие на прекращение поставок по ленд-лизу в Европу в течение всего нескольких дней после окончания войны»⁴².

На фоне недоверия, царящего в отношениях между Англией и Америкой, английский министр иностранных дел Энтони Иден отдал распоряжение представить ему подробный доклад со сравнительным анализом реальных сил Востока и Запада. В представленном докладе перспективы Великобритании выглядели удручающе. Аналитики предупреждали, что Советский Союз, как и любое тоталитарное государство, мог позволить себе проводить последовательную и жесткую внешнюю политику, поскольку не ориентировался на общественное мнение. Тем не менее, говорилось в докладе, у Сталина было гораздо меньше иллюзий, чем у Запада, по поводу того, как быстро сможет возродиться Германия — политически, экономически, а как следствие — и в военном отношении. Именно для того чтобы защитить СССР от возрожденной Германии, Сталин и захватил Восточную Европу. Однако эта оккупация грозит перерасти в постоянную, если Запад не будет действовать быстро и не проявит твердость характера в Польше, Финляндии, Австрии и Югославии⁴³.

Отчаянно ища выход из польского тупика, Черчилль считал, что сопротивление Сталина сможет сломить очередная конференция «Большой тройки». В конце концов, даже Трумэн демонстрировал некоторое колебание по вопросу про-

ведения выборов в Польше, предлагая, чтобы вместо Ялтинских соглашений за основу была взята модель Югославии. Черчилль был потрясен и чувствовал, что единственным выходом из создавшегося тупика могут стать только будущие переговоры⁴⁴. 11 мая в письме Трумэну он так рисует свое видение будущего:

«Я считаю, что выход из польского тупика может быть найден только на совместной конференции трех глав правительств, которую можно собрать в каком-нибудь относительно целом городе Германии, если таковой еще найдется. Конференция должна пройти не позднее начала июля.

В результате активного наступления Россия продвинется примерно на 120 миль вперед вдоль фронта протяженностью 300, а то и 400 миль. Если такое произойдет — это будет самым печальным событием в истории. По завершении наступления Польша окажется полностью окружена и замурована в глубине оккупированных Россией земель... Союзники не должны уходить с нынешних позиций за линии разграничения оккупационных зон, пока мы не найдем удовлетворительное решение по Польше и не удостоверимся во временном характере оккупации Германии русскими, а также в приемлемости условий, созданных в контролируемых ими странах Дунайского бассейна... Эти вопросы могут быть решены только до того, как присутствие армии США в Европе сократится. Если же они решены не будут, а США выведет войска из Европы, и Западный мир остановит свою военную машину — никаких перспектив на мирное и положительное решение проблемы не останется, и мало что сможет предотвратить начало Третьей мировой войны»⁴⁵.

Другой серьезной проблемой Черчилля, тяжким бременем лежавшей на его плечах, было будущее его собствен-

ного правительства, поскольку он прекрасно понимал, что с окончанием войны дни коалиции сочтены. Лейбористская партия приняла решение оказывать поддержку коалиции до октября 1945 года, однако для Черчилля и его Консервативной партии весьма заманчивой перспективой было бы воспользоваться эйфорией послевоенных месяцев, пойти на дебаты в июне и остановить рост поддержки лейбористов в обществе.

Впрочем, международные события могли легко обогнать любые внутривластные процессы; риск конфликта с СССР оставался велик, столкновение могло произойти на Балканах, в Польше, в Вене или Триесте. 12 мая Запад ощутило сдал свои позиции — войска армии США отошли с Эльбы за согласованную линию оккупации в Айзенбахе. Освободившаяся территория, без всякого сомнения, должна была отойти к русским и добавиться к и без того громадным территориям, уже находившимся под их контролем. В телеграмме Трумэну Черчилль делает первое предупреждение о «железном занавесе», который опускают Советы. «Мы не знаем, что происходит за ним». Последствий этого он откровенно опасался. «Путь русским будет открыт. За очень короткое время в результате наступления — если они его предпримут — они получают выход в Северное море и Атлантику»⁴⁶.

Несмотря на прежние заверения в обратном, американские войска готовились уйти из Европы. Начальник штаба армии США, генерал Джордж Маршалл, сообщал лорду Галифаксу в Вашингтоне, что в ближайшее время США начнут выводить из Европы по 50 000 человек ежемесячно, а под давлением общественного мнения в Штатах этот процесс, безусловно, ускорится. Однако проблеск надежды для

Черчилля все же нашелся. 12 мая Трумэн совершил очередной крутой поворот своей позиции и заявил о поддержке позиции Британии в отношении силовой угрозы Советам. Трумэн заявил:

«Мы должны решить прямо сейчас, должны ли мы поддерживать основные принципы территориального урегулирования в обычном порядке»⁴⁷.

Секретарь военного ведомства Генри Стимсон также выступил с предупреждением, что «западные союзники и Советский Союз стоят на пороге лобового столкновения». Он тоже чувствовал, что американцы отдали Советам слишком много территорий:

«Это тот случай, когда мы должны вернуть себе лидерство и, возможно, сделать это самым грубым и реалистичным способом. Они [Советы] зашли слишком далеко, потому что мы слишком много говорили и были излишне щедры на уступки. Я сказал ему [генералу Маршаллу], что теперь все карты у нас на руках. Я назвал эту ситуацию королевским стрит-флешем и сказал, что мы не имеем права проиграть при таком раскладе. Они не могут обойтись без нашей помощи и промышленности, а скоро у нас в руках окажется уникальное оружие. Теперь же самое главное — не увязнуть в бессмысленных и бесконечных перепалках»⁴⁸.

Приходили новости об атомном проекте «Tube Alloys», который поддерживал Стимсон, однако его президента гораздо в большей степени волновали угрозы со стороны Тито на итальянской границе, чем проблемы польской демократии. Телеграфируя Черчиллю, президент высказал убежденность, что Тито не собирается мирно отдать область Венеция-Джулия, и если США и Британия никак на это не прореагируют, будет создан весьма опасный прецедент:

«Мне кажется, Тито готовит аналогичные действия в Южной Австрии, в Каринтии и Штирии, а потом может перенести этот опыт в Венгрию и Грецию — если его деятельность в Венеции-Джулии увенчается успехом... проблема состоит в принятии решения, собираются ли Англия и Америка и дальше позволять нашим восточным союзникам неконтролируемый захват земель — тактику, слишком напоминающую политику Гитлера и Японии»⁴⁹.

Черчилль был в восторге от возросшей активности американского президента, а вот фельдмаршала Брука это встревожило. В своем дневнике он так описывает реакцию Черчилля:

«Уинстон собрал военный кабинет, чтобы обсудить ситуацию в Югославии. Он получил телеграмму от Трумэна, полную воинственных планов и угроз в адрес Тито. Уинстон в полном восторге, и у меня ощущение, что он прямо-таки тоскует по новой войне! Даже если она повлечет за собой столкновение с Россией!»⁵⁰

Настроение Черчилля еще улучшилось на следующий день, и усталый адмирал Каннингем становится свидетелем поведения премьера. В своем дневнике он запишет:

«Мира добиться гораздо труднее, чем войны. Кабинет собрался в 18.00. Премьер-министр разразился обличительной речью в наш адрес и говорил до 19.40. Только после этого вернулись к повестке заседания»⁵¹.

Хотя военачальники уровня Каннингема начали понемногу уставать от предупреждений Черчилля, другие были счастливы подпеть ему, даже если он сам этого не одобрял. Фельдмаршал Александер тормозил общественность Англии и Америки своими публичными высказываниями, в которых сравнивал методы Тито с методами Гитлера и Муссо-

линии⁵². Аналогичным образом вел себя известный американский бунтарь, генерал Джордж Паттон, разглагольствуя в Париже о ситуации с европейской безопасностью. «Это проклятый позор!» — рычал он с трибуны, а когда кто-то попросил его уточнить, что он имеет в виду, добавил:

«Каждый день ко мне обращаются бедняги-чехи, австрийцы, венгры, даже немцы. Это бывшие офицеры, они приходят в мою штаб-квартиру. Я буквально силой удерживаю их от того, чтобы они не вставали передо мной на колени. Со слезами на глазах они говорят мне: «Генерал, во имя Божье, введите войска в нашу страну. Дайте нам шанс создать наше собственное правительство. Дайте нам шанс, пока не стало слишком поздно — прежде чем русские сделают нас рабами навеки»⁵³.

Подогрев интерес к теме, Паттон заявил, что Третья армия союзных войск могла бы в одиночку «сокрушить» Красную Армию. Кроме того, он считал, что лучше не откладывать нападение на Советский Союз — потери в этом случае будут меньше, чем в будущей войне. Некоторые считали, что такое мнение согласовано с Черчиллем, и американские военные на фронте так не считали:

«Я не слышал никаких антироссийский разговоров. Я думаю, мы были в достаточной степени реалистами и понимали, что в противостоянии с русскими проиграем. Тогда мы еще и не слышали об атомной бомбе. Нам пришлось бы столкнуться с огромной армией, а вдобавок к этому — с готовностью русских жертвовать своими жизнями. Мы знали, что наши лидеры будут беречь наши жизни... Во время последней кампании в Баварии мы находились в армии Паттона. Паттон заявил, что мы должны продолжать наступление. Как по мне, так это была немыслимая идея. Русские просто перебили бы нас всех,

они мало ценили даже свою жизнь, не говоря уж о чужой. Я не думаю, что наши военные имели хоть какое-то желание сражаться с русскими. По прессе и кинороликам мы были достаточно хорошо информированы о Сталинграде»⁵⁴.

14 мая фельдмаршал Монтгомери покинул Берлин и вылетел в Лондон, чтобы лично проинформировать Черчилля о стремительно ухудшающейся ситуации в зонах Германии, контролируемых союзниками. Однако он не собирался ограничиваться обсуждением только проблемы огромного числа немецких военнопленных — он надеялся добиться от Черчилля поста военного коменданта английской зоны оккупации. Тут «Монти» ждало разочарование — Черчилля совершенно не интересовала тема должности Монтгомери, он хотел обсудить гораздо более насущную для него проблему. Монти вспоминал:

«Во время нашей встречи на Даунинг-стрит премьер очень беспокоился насчет русских и зон оккупации, установление которых повлечет за собой вывод большого числа наших войск. Он распорядился, чтобы я не уничтожал оружие 2-миллионной группировки немцев, сдавшихся 4 мая в Люнебурге. Все должно быть сохранено, мы должны иметь возможность сражаться с русскими при поддержке Германии. На это надеялся и Гиммлер»⁵⁵.

Как много сказал Черчилль Монтгомери во время той встречи, мы не знаем. Документального подтверждения того, что он запретил уничтожать оружие немцев, не осталось, хотя вполне возможно, что этот документ, как и многие другие секретные бумаги, был уничтожен после прочтения. В любом случае, немецкое оружие сохранили не только в британской зоне. Позднее Черчилль подтвердил, что связывался с военным комендантом американской зоны окку-

пации Эйзенхауэром, желая убедиться, что подобной политики будут придерживаться и Штаты. Черчилль совершенно ясно дал понять, что сохранение немецкого вооружения будет полезно Западу в будущем конфликте, однако на все просьбы уточнить причины такого требования отделался туманным «однажды оно может нам очень понадобиться».

Эйзенхауэр ответил, судя по всему, не ставя под сомнение мотивы Черчилля, что любое разрушение или уничтожение немецкого вооружения, в том числе самолетов, в любом случае являлось бы нарушением условий Акта о капитуляции и потому не планировалось⁵⁶.

Союзные силы на местах получили четкие инструкции о том, что немецкое оружие и военные ресурсы должны быть сохранены любой ценой. Все подлежало учету, любые виды колесного транспорта следовало поддерживать в хорошем состоянии, запасы топлива и машинного масла помещались под охрану. О повышенном интересе, который союзники проявляли к немецкому вооружению, свидетельствуют выписки из приказов по оккупированным территориям, из которых ясно видно, какие именно немецкие активы должны быть сохранены особенно тщательно:

«Зенитные орудия.

Зенитные орудия, легкие и тяжелые, а также находившиеся на вооружении Люфтваффе, временно выводятся из строя путем удаления стрелкового механизма. Оборудование сохраняется нетронутым, все удаленные детали и механизмы должным образом подготавливаются для хранения и инвентаризируются под соответствующим номером.

Прожектора.

Углеродные стержни прожекторов изымаются. Из генераторов удаляются топливные насосы. Удаленные детали

и элементы, а также запчасти сохраняются в соответствующих условиях и подлежат тщательной инвентаризации с целью соблюдения номера соответствия каждой детали.

Легкое вооружение.

Все стрелковое оружие складировается и находится под вооруженной охраной»⁵⁷.

17 мая Черчилль идет еще дальше. Он советует Комитету Обороны, чтобы «любое сокращение бомбардировочной авиации было прекращено. Также должно быть остановлено сокращение сил авиации на территории метрополии, за исключением сил береговой охраны». Вслед за этим следует приказ о приостановке демобилизации английских ВВС в Италии, а также распоряжение о сохранении немецких самолетов, находящихся под британским контролем. Наконец, поступает распоряжение о приостановке демобилизации в общевойсковых соединениях и подразделениях⁵⁸. Приостановка демобилизации имела первостепенное значение, так как любое сокращение численности войск приводило к резкому ослаблению группировки даже в большей степени, чем от боевых потерь. К примеру, демобилизация всего 10 % подразделения (особенно в технических частях или частях с высококвалифицированным личным составом) снижала его боеспособность сразу вдвое, до 50 %⁵⁹.

Однако все попытки Черчилля подстраховаться накануне потенциального конфликта наталкивались на новые неудачи. Перед возвращением Монтгомери в Берлин следовало разобраться с бестолковым немецким правительством Деница.

В Лондоне состоялось срочное заседание с участием Черчилля, Монтгомери и Эйзенхауэра. Одним из пунктов повестки было временное правительство Германии, по-

прежнему исполнявшее свои обязанности, хотя прошло уже больше недели после подписания Акта о капитуляции. Существование такого правительства некоторое время служило союзникам каналом, через который они могли контролировать вермахт, однако в нынешней ситуации Дениц становился помехой. Британская и американская пресса все чувствительнее покусывала политику союзников, в рамках которой они сотрудничали с Деницем, в то время как его бывшие соратники, заметные нацистские деятели были арестованы или покончили жизнь самоубийством. Эйзенхауэр считал Деница серьезным препятствием на пути улучшения отношений с Советами, и потому было решено, что немецкий адмирал должен уйти в отставку. 23 мая войска союзников оцепили штаб-квартиру немецкого правительства во Фленсбурге и арестовали тех, кто еще недавно с ними сотрудничал. В тот же день в тюрьме английского лагеря под Люнебургом покончил с собой арестованный за три дня до этого Гиммлер.

По крайней мере, Черчилль был не одинок в своих опасениях перед советской военной угрозой. Его партнер по коалиции, лидер лейбористов Клемент Эттли жаловался, что Советы «ведут себя самым наглým образом, ни о чем нам не сообщая, но создавая при этом марионеточные правительства по всей Европе и неуклонно продвигаясь на Запад»⁶⁰.

Ужесточая свою риторику, Черчилль заявил советскому послу в Лондоне, Федору Гусеву, что «британцев нельзя просто оттолкнуть в сторону». Он сетовал на крепнущий «железный занавес» и предупредил Гусева, что собирается приостановить всеобщую демобилизацию, чтобы англичане «могли спокойно обсуждать вопросы безопасности в Европе, опираясь на военную силу»⁶¹.

Пока премьер-министр упорно следовал своей нелегкой миссии, США снова пытались уклониться от конфронтации со Сталиным. Трумэн теперь прислушивался к советам Джозефа Дэвиса и своего нового госсекретаря, Джеймса Ф. Бирнса. Оба они предостерегали от сближения с Черчиллем и советовали не портить отношения со Сталиным. Это были официальные лица, чиновники высшего ранга — и они очень сдержанно относились к Великобритании.

Действительно, Дэвис продемонстрировал свои антибританские настроения еще несколько лет назад, когда сказал Сталину, что после войны Англия будет лежать в финансовых руинах. Несмотря на то что Бирнс был назначенным чиновником, его считали потенциальным преемником Трумэна; в целом же его осведомленность в вопросах внешней политики выходила далеко за рамки его полномочий. Влияние, которое он оказывал на президента, было так велико, что почти никого не удивило, когда Трумэн позднее заявлял: «С Черчиллем у меня было не меньше трудностей, чем со Сталиным»⁶².

Как бы сильно ни раздражала жесткая позиция Черчилля американского президента, он планировал последнюю попытку помочь демократии в Польше. Он собирался отправить своего эмиссара Гарри Гопкинса к Сталину для проведения частных переговоров. Гопкинс должен был кратко и дипломатично напомнить Сталину, что США выполняют свои обязательства по Ялтинским соглашениям и хотели бы видеть, что и Сталин выполняет свою часть сделки. Трумэн сказал Гопкинсу на прощание, что тот может — если сочтет, что это необходимо — «использовать даже бейсбольную биту, если сочтет, что такой подход поможет убедить Сталина»⁶³.

Впрочем, такой стиль для Гопкинса был не характерен.

Трумэн доверял ему, хотя и называл его «продвинутым либералом», однако явная симпатия Гопкинса к Сталину вызывала резкое неприятие у части американских политических кругов. Некоторые даже были уверены, что Гопкинс является советским шпионом.

Пока американская дипломатия искала лазейки в Москву, англичане пытались сдвинуть с мертвой точки намертво застрявшую и опасную ситуацию в Венеции-Джулии.

С тех пор как 7 мая представитель Александера, генерал сэр Уильям «Манки» Морган вступил в тяжелейшие переговоры с маршалом Тито, прошло две недели, и к 21 мая наметился некоторый прогресс. Морган предложил вариант временной границы между Югославией и Италией, известной как Линия Моргана. Тито, по крайней мере, не отверг предложение сразу, хотя напряжение в регионе росло, и уже на следующий день британский 13-й корпус выдвинулся к означенной линии⁶⁴. В целом весь регион оставался пороховой бочкой.

Все эти территориальные и дипломатические кризисы будут продолжаться независимо от пребывания Черчилля на посту премьер-министра. Он досконально в них разбирался, попытка разрешить их стала для него почти личным делом — но был ли у него шанс остаться у власти? Руководители Лейбористской партии в коалиционном правительстве, в том числе Эттли, Бевин и Далтон, разумеется, продолжали поддерживать идею сохранения политического альянса до победы над Японией, а возможно, и далее — при условии, что приоритетами внутренней политики такого правительства станут социальная защищенность граждан и меры по обеспечению занятости населения. Однако им требовалась

поддержка всей партии, а это было, скорее всего, невозможно, учитывая настроения рядовых членов, а также сочувствующих им профсоюзов.

По словам лорда Морана, лейбористы, встретившиеся на партийной конференции в Блэкпуле в середине мая, были довольно решительно настроены против сохранения коалиции. Моран записал:

«Они не желают даже рассматривать этот вопрос. Кипят ненавистью. Итак, выборы пройдут в июле»⁶⁵.

Итак, коалиция распалась 23 мая, после чего консерваторы сформировали временное правительство. Всеобщие выборы должны были состояться 5 июля, однако результат мог появиться недели на три позже, когда будут подсчитаны все голоса военнослужащих британской армии на Дальнем Востоке.

В результате парламентского кризиса политический консенсус исчез: лейбористы и консерваторы бросились сочинять собственные манифесты. Даже если Эттли и его ближайшие соратники одобрили бы идею операции «Немыслимое», вряд ли можно было надеяться, что они смогут убедить остальных парламентариев своего блока. Страна переживала послевоенное воодушевление, и сейчас именно Черчилль рисковал остаться за бортом.

Лорд Моран приходил в отчаяние от боевого настроения премьера:

«Никто не согласился с линией, которой придерживается Уинстон. Он насмехается над теми «дураками», что хотят восстановить мир, однако за этой бравадой он, как мне кажется, прячет свою растерянность. У него есть ощущение, что он вернулся в 30-е годы и стоит один против всего мира, и никто не понимает языка, на котором он говорит...

Поэтому он вынужден вновь вернуться к политике борьбы. Он воспитан войной, и это сослужило ему хорошую службу в парламенте, где он успешно противостоял Стоксам и Шинвеллам. Однако теперь он, кажется, пропустил удар. Война закончилась, общество устало от войны, общество войны больше не хочет. Общество желает расставить все по своим местам»⁶⁶.

7. ПЛАН ГОТОВ

На следующий день после того, как коалиция распалась, Объединенный штаб планирования представил начальникам штабов наконец-то составленный план операции «Немыслимое». Папка с маркировкой Министерства обороны была подписана:

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

РОССИЯ — УГРОЗА ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ¹.

Утром 24 мая начальники штабов собрались на очередном заседании, где на этот раз присутствовали и планировщики из Объединенного штаба планирования. На повестке дня было обсуждение операций на Тихоокеанском театре военных действий, однако в самом конце заседания всем раздали копии документов из таинственной папки — для ознакомления. Вечером председатель Комитета начальников штабов, фельдмаршал сэр Алан Брук, читая план и размышляя о его возможных страшных последствиях, комментировал в своем дневнике:

«Этим вечером я внимательно прочел доклад аналитиков о возможности нападения на Россию, если наши с ней противоречия в дальнейшем станут непреодолимыми. Нам предписывалось тщательно изучить этот план. Идея, разу-

меется, совершенно фантастическая, и никаких шансов на успех этой операции нет. Нет и никаких сомнений в том, что в настоящее время могущество и полное доминирование России в Европе неоспоримы»².

Позднее Брук возвращается к этой записи в своем дневнике и развивает свою мысль:

«Уместно вспомнить, что несколько недель назад при рассмотрении вопроса о разделении Германии на зоны после ее окончательного поражения командование объединенными войсками союзников уже рассматривало Россию в качестве потенциального противника. Эти документы вызвали большой резонанс в Министерстве иностранных дел, которое считало большим упущением то, что мы смотрим на нашего нынешнего союзника и видим в нем потенциального врага. Нас даже могли бы настоятельно попросить отозвать этот документ, если бы мы не попросили о консультациях с сэром Энтони Иденом, который поддержал нашу точку зрения. И вот теперь, всего несколько недель спустя [на самом деле — спустя месяц], Уинстон обратился к нам, выражая свою тревогу при виде того, как «русский медведь разлегся по всей Европе». Он распорядился изучить этот план с военной точки зрения, рассмотрев любые возможности загнать медведя обратно в Россию прежде, чем в наших и американских вооруженных силах начнется демобилизация! Я спросил его, берет ли он на себя ответственность за все политические аспекты объявления войны нашим нынешним союзникам! Он ответил, что нас эти аспекты волновать не должны — нам следует сконцентрироваться на военной стороне вопроса. И вот 24 мая, через несколько дней после Дня Победы я сидел и изучал результаты работы аналитиков по этому вопросу. По результатам моего иссле-

дования стало ясно, что лучшее, на что мы могли бы рассчитывать, — это отбросить русских приблизительно на те же рубежи, до которых удалось дойти немцам. Что же потом? Нам придется продлить мобилизацию на неопределенный срок, чтобы удержать их там?»³

На самом деле у Брука было много замечаний относительно идей Черчилля.

Во время войны он часто выступал в качестве примиряющей стороны между такими великими личностями, как Черчилль, Монтгомери, Эйзенхауэр и Маршалл — в противном случае они могли бы серьезно переругаться друг с другом. Он делал это без особого такта, будучи по натуре весьма прямым и откровенным человеком. Его словам и решениям доверяли, потому что знали, что личной выгоды Брук не ищет. По поводу Черчилля и его инициатив Брук испытывал, мягко говоря, смешанные чувства и не раз с горечью говорил о том, что лидер нации без должного уважения относится к роли Комитета начальников штабов в этой войне. Накануне Дня Победы Брук пишет: «Почти никакой благодарности тем, кто помогал ему — лишь крошки с хозяйского стола, которые бросают собаке, чтобы не отходила слишком далеко»⁴.

Иное дело — начальник Генштаба Великобритании, занимавший двойственную позицию по отношению к Черчиллю. Первый лорд Адмиралтейства, Эндрю Каннингем, уважал премьер-министра, но никогда не был искренним поклонником его политики, опасаясь, что многие действия Черчилля были продиктованы желанием получить больший контроль над морским ведомством⁵.

Начальники штабов были уже знакомы с набросками плана прежде — и по понятным причинам были настроены

скептически. Хотя они и изучили теперь готовый план вполне добросовестно, их воображение не в силах было охватить открывавшиеся перспективы «Немыслимого».

25 мая Каннингем записал в своем дневнике:

«Отправился в Бродлендс-Уотер на состязание [по рыбной ловле]. Прекрасный день — но рыбы нет! Начальник Генштаба поймал голавля!!»

Брук на следующий день вообще поехал... наблюдать за птицами — явно не поведение человека, который верит в непосредственную угрозу, исходящую от Сталина⁶.

Брук и Каннингем первыми ознакомились с планом операции «Немыслимое», вскоре к ним присоединился заместитель начальника штаба ВВС сэр Дуглас Эвилл, замещавший главнокомандующего ВВС, маршала авиации сэра Чарльза Портала. Эвилл поддерживал политику Портала, который настаивал не только на точечных бомбардировках объектов в Германии, но и на неизбирательных ковровых бомбардировках крупных городов и населенных пунктов в ночное время. Эвилл даже испытывал гораздо больше оптимизма в отношении таких бомбардировок как средства наведения всеобщего хаоса в Германии.

Добрые лорды, конечно же, сильно затрудняли вермахту перемещение частей и техники во время войны, однако теперь потребовались бы годы, чтобы убрать щебень с разбитых вдребезги улиц европейских городов. Разрушения были такого масштаба, что любое наступление столкнулось бы с серьезными проблемами. Масштаб этих разрушений планировщики оценить точно не смогли, информация из советской зоны оккупации вообще была крайне скудна.

Англичане пока еще не связывались со своими американскими коллегами по поводу «Немыслимого». Американская

сторона вообще с осторожностью относилась к британским намерениям, а вдобавок была воодушевлена результатами поездки Гопкинса к Сталину.

Он вернулся 6 июня и сообщил, что американская сторона сумела уговорить Сталина на некоторые уступки в отношении польского правительства и получила его согласие на то, чтобы четыре «лондонских» поляка, Миколайчик, Грабский, Стенчик и Колодзей, были приглашены в Москву на консультации по этому вопросу. Что касается шестнадцати арестованных деятелей польского подполья, то Сталин уверил Гопкинса, что им «по-видимому, будет вменено в вину только незаконное использование радиопередатчика в военное время»⁷.

Трумэн был в восторге от результатов переговоров. Черчилль, уже слышавший нечто подобное раньше, немедленно напомнил президенту: «Мы не можем прекращать усилия по их освобождению. Все эти предложения не являются шагом вперед по сравнению с Ялтой»⁸.

Однако Чарльз Болен, присутствовавший на переговорах Гопкинса, пришел к выводу, что Сталин и специальный представитель американского президента безусловно сошлись в одном: Британия является главным раздражителем и препятствием на пути заключения сделки по Польше:

«Маршал Сталин отметил, что причиной провала переговоров по Польше стало всего лишь одно обстоятельство: Советский Союз хотел бы видеть своим соседом дружественное государство Польша, а Великобритании требовался очередной санитарный кордон на советских границах. Господин Гопкинс ответил на это, что ни правительство, ни народ Америки такого намерения не имеют. Маршал Сталин подчеркнул, что он говорит исключительно об Ан-

глии. Английские консерваторы, по его словам, не хотят видеть Польшу дружественным государством по отношению к СССР. Господин Гопкинс в ответ на это заверил, что Соединенные Штаты будут всячески стремиться к созданию дружественной СССР Польши и на самом деле желали бы видеть вдоль советских границ исключительно дружественные страны»⁹.

Помимо этого, специальный представитель президента продемонстрировал явно скептическое отношение к Черчиллю и заявил, что для США «жизненно важно не дать Британии втянуть себя в альянс против России, тем самым пойдя на поводу британской политики в Европе»¹⁰.

Трумэн полагал, что он выполнил все свои обязательства, и теперь любой состав нового польского правительства остается «русско-британско-польской проблемой»¹¹.

Пока Гопкинс был в Москве, Трумэн направил в Лондон еще одного своего эмиссара, Джозефа Эдварда Дэвиса, под предлогом того, что некоторые важные вопросы хотел бы обсудить с Черчиллем лично, а не по телеграфу. Вечером 26 мая Дэвис нанес визит Черчиллю в его официальной загородной резиденции в Чекерсе. Встреча не задалась с самого начала. Дэвис вообще был странным выбором для поездки в Великобританию. До войны он служил послом США в Советском Союзе и довольно сильно проникся советскими идеями, превознося их «стремление к миру, справедливости и братству людей». После этого излишне говорить о том, что встреча Дэвиса и Черчилля, длившаяся с 23.00 до 04.00 следующего дня, стала полной катастрофой.

Дэвис начал с предложения сперва провести двустороннюю встречу Сталина и Трумэна, поскольку иначе существу-

ет опасность, что Америку и Англию заподозрят в «смычке против Сталина». Черчилль был потрясен тем, что Англию просто отодвигают в сторону — но худшее было впереди. Дэвис приступил к розыгрышу к старой антиимперской карты:

«Многие считают, что Англия, не найдя в Европе достаточных сил, способных сдержать растущую мощь России, будет пытаться использовать американские силы и средства для поддержки своей обычной политики «лидера» в Европе»¹².

Америка ясно давала понять, что Англии нечего ожидать от нее поддержки в любых авантюрах типа операции «Немыслимое». Хотя Дэвис и не мог говорить от лица всей американской администрации, он представлял весьма влиятельную его часть, просоветскую и антиимперскую группу сотрудников Госдепа (сюда можно было отнести и Стимсона, и Маршалла, и, пусть и в меньшей степени, Лихи). Однако Черчилль ответил, что если потребуется, Англия встанет против советской угрозы один на один. «Она уже делала это раньше!» — предупредил Черчилль недовольного Дэвиса, после чего оставил его беседовать с министром иностранных дел Энтони Иденом.

Однако и эта встреча не увенчалась успехом. Иден был встревожен отношением представителя Трумэна и счел Дэвиса «любителем, но весьма опасным». Они встретились еще раз 29 мая, но, по словам Идена, Дэвис «не настаивал ни на чем другом, как только на сближении с Россией». Кроме того, Иден жаловался, что «Дэвис был прирожденным миротворцем и с удовольствием отдал бы России хоть всю Европу, за исключением, пожалуй, нас — лишь бы Америка не была втянута в конфликт»¹³.

31 мая начальники штабов армии Великобритании встретились, как обычно, в 10.30. Поскольку основным вопросом было заявлено обсуждение плана операции «Немыслимое», на заседании присутствовали также представители Объединенного штаба планирования. Брук пишет в своем дневнике о сделанных выводах:

«Этим утром мы снова обсуждали «Немыслимую войну» против России. Теперь мы еще больше убеждены, что она — немыслима!»¹⁴

В течение следующих нескольких дней они будут размышлять над ответом премьер-министру.

Между тем Черчилль начал понимать, какая угроза исходит от левых не только его внешней, но уже и внутренней политике. 4 июня он выступил по радио с политическим докладом — эта речь впервые была ограничена по времени радиовещательным лимитом. Впрочем, это ограничение никак не повлияло на резкость, с которой Черчилль обрушился на своих политических оппонентов-лейбористов, которые, по его утверждению, могут получить и удержать власть лишь полицейскими методами или «при помощи подобия гестапо»¹⁵. Это была не самая удачная фраза, за которую он подвергся критике. Многим избирателям стало казаться, что он никак не может отделаться от военного мышления, хотя уже наступил мир. По словам Черчилля, Британия и весь свободный мир стоят на пороге столкновения с новым врагом — набирающим силу коммунизмом.

Хотя Трумэн и не разделял озабоченности Черчилля польским вопросом, угроза распространения коммунизма в Италии беспокоила и его. Трумэн был даже готов поддержать английский план применения силы против Тито. Генерал Александер получил оперативный план военных

действий, которые, по словам Черчилля, должны быть «резкими и короткими». План был санкционирован Верховным Главнокомандующим Эйзенхауэром.

Согласно ему, могла потребоваться не только атака непосредственно на позиции армии Тито, но и одновременная атака на стратегический порт Пола.

Черчилль связался с Трумэном 2 июня, чтобы призвать и подготовить его к действиям:

«Я полагаю, что если Тито не даст удовлетворительный ответ на представленный ему нами проект соглашения в течение трех дней, Александеру следует отдать приказ завершить оккупацию области Венеция-Джулия и действовать так, как он сочтет нужным, для защиты своих подразделений и коммуникаций... То, что русские до сих пор никак не отреагировали, имеет важное значение. Если мы допустим, чтобы кто-то счел, будто нас можно отодвинуть за любую линию — у Европы не будет иного будущего, кроме войны, страшнее которой мир еще не видел»¹⁶.

Увидев реальный план боевых действий, Трумэн в очередной раз изменил свою позицию и довольно сдержанно отозвался об идее применения силы. Он сообщил Черчиллю, что не хотел рисковать и начинать войну с Югославией до тех пор, пока Тито не атакует первым, да и в этом случае провести весьма ограниченную операцию возмездия. В первую очередь Трумэна интересовала война с Японией, и он не хотел предпринимать действий, которые могли замедлить наращивание военной силы на Дальнем Востоке. Он предупреждал Черчилля:

«Ничто не должно помешать развертыванию американской армии на Тихоокеанском театре военных действий»¹⁷.

Черчилль опасался, что югославы сочтут воинственную риторику Британии блефом. Чтобы укрепить свои позиции,

он телеграфировал Сталину, напомнив ему о помощи, которую Британия оказывала Тито во время войны. Он жаловался:

«Непонятно, почему нас пытаются потеснить со всех позиций, в особенности те, кому мы оказывали поддержку и помогали еще тогда, когда вы не имели возможностей даже связаться с ними»¹⁸.

Тот факт, что англичане оказывали партизанам Тито поддержку гораздо раньше Советского Союза, явно раздражал Черчилля. Еще больше он разозлился бы, если бы знал, какие зверства творятся на захваченной в конце апреля югославами территории Венеции-Джулии. Количество убитых итальянцев даже трудно было определить, так как множество трупов было сброшено в *foiba*, горные пещеры и расселины, которыми изобилует местность. Точно так же истребляли партизаны словенцев и хорватов. На самом деле, преследованию, пыткам и уничтожению подвергался любой, кто выступал против коммунистов — даже если раньше он сражался против фашистов. Нередки были также случаи сведения счетов с бывшими сторонниками Муссолини, которые в годы войны занимались систематическим истреблением славян в этом регионе. Кем бы ни были убитые, количество трупов, покоящихся в *foiba*, по разным оценкам, колебалось между 1000 и 6000 человек¹⁹.

Хотя в данный момент внимание Черчилля было приковано к Тито, он не мог позволить себе игнорировать события в Польше. Он знал, что если западные союзники назовут необходимым условием для проведения Потсдамской конференции создание нового польского правительства и разрешение вопроса о шестнадцати арестованных представителях польского подполья — то Сталин просто про-

игнорирует переговоры. В переписке с Трумэнном Черчилль в отчаянии пишет об импотенции Запада перед Сталиным:

«Надеяться и не обольщаться — вот все, что мы можем позволить себе на данный момент»²⁰.

Генерал Андерс, помня, что США и Англия в любой момент могут отказаться от поддержки «лондонских» поляков, искал встречи с сэром Аланом Бруком в Лондоне. В разговоре с Бруком он занял жесткую позицию, и сэра Алана этот разговор очень утомил, о чем он и пишет в своем дневнике:

«У меня была трудная встреча с Андерсом в Дорчестере. Он только что отказался от назначения заместителем главнокомандующего польской армии и собирается вернуться в Италию — командовать своим старым корпусом. Как всегда, фанатичен в своих взглядах на Россию и уверен, что может увеличить размер польской армии. Четких планов он не имеет, просто надеется, что ему выпадет шанс сразаться, победить и вернуться в Польшу»²¹.

Нет никаких свидетельств, что Андерс знал о планах Черчилля относительно нападения на Советский Союз. Несмотря на недавнюю ссору с премьер-министром, Андерс понимал, что Черчилль единственный, кто может дать Польше шанс выжить. Этот шанс становился все меньше и вот-вот должен был подвергнуться суровому испытанию — Комитет начальников штабов уже подготовил для Черчилля свое заключение по плану операции «Немыслимое».

8 июня, в тот самый момент, когда Андерс за обедом спорил с Бруком, на стол Черчилля лег отчет военных. Эти сверхсекретные документы сопровождало письмо секретаря Комитета, Гастингса Исмея:

«Премьер-министр!

В прилагаемом докладе об операции «Немыслимое» начальники штабов изложили голые факты, каждый из которых они готовы обсудить с вами, если на то будет ваше желание. Они полагали, что чем меньше рассуждений будет на бумаге, тем лучше.

Г.Л. Исмей».

Далее следовал сам доклад:

«Премьер-министр!

В соответствии с Вашими инструкциями мы рассмотрели наши потенциальные возможности оказания давления на Россию путем угрозы или применения силы. Мы ограничиваемся тем, о чем свидетельствуют конкретные факты и цифры. Мы готовы обсудить их с Вами, если Вы того пожелаете».

Конкретные факты и цифры говорили только об одном — о «сокрушительном превосходстве Советской армии». Начальники штабов внимательно изучили доклады и выводы аналитиков и внесли в них важные изменения. Планировщики считали союзные и советские войска, исходя из наличия их в том или другом районе, причем количество советских подразделений, готовых оказать сопротивление при атаке, рассчитывалось гипотетически.

Начальники штабов пересчитали русские дивизии на их британский эквивалент и по состоянию на 1 июля. В результате силы союзников возросли с 47 до 103 дивизий, а силы Красной Армии — со 170 до 264 дивизий. При этом начальники штабов рассматривали возможность конфликта на всем европейском театре — и оценивали русское превосходство в соотношении более, чем 2 к 1, в то время как планировщики говорили о соотношении 4 к 1 в пользу Советов, если наступление начнется на севере.

Черчиллю не показывали детальных списков подразделений, но начальники штабов сделали это, расписав соотношение союзных сил в Европе. По состоянию на 1 июля США могли выставить 64 дивизии, Британия и доминионы — 35 дивизий, Польша — 4 дивизии²².

Относительно ВВС начальники штабов точно так же провели суммарное сравнение сил:

«Превосходство в численности русской авиации будет в течение определенного времени компенсироваться значительным превосходством союзников в ее управлении и эффективности, особенно стратегической авиации. Однако после определенного периода времени проведения операций наши воздушные силы будут серьезно ослаблены из-за недостатка в восполнении самолетов и экипажей».

Тактическая авиация союзников уступала на 10 %, стратегическая на 10 % превосходила, однако начальники штабов указывали на несомненное превосходство русской истребительной авиации, которое будет первое время компенсироваться превосходством в управлении и эффективностью союзных ВВС, но вскоре сойдет на нет из-за невозможности быстро компенсировать потери в живой силе и технике.

Более или менее стабильной была ситуация с ВМС. Комитет упомянул лишь о том, что «союзники могут добиться доминирования на море»²⁴.

Вывод Комитета начальников штабов был следующим:

«Из соотношения сухопутных сил сторон ясно, что мы не располагаем возможностями наступления с целью достижения быстрого успеха. Учитывая, однако, что русские и союзные сухопутные войска соприкасаются от Балтики до Средиземного моря, мы должны быть готовы к операциям на сухопутном театре. Поддержку нашим сухопутным си-

лам окажет тактическая авиация, превосходящая авиацию противника технически, но уступающая в количественном отношении. Что касается нашей стратегической авиации, то наше превосходство в численности и по техническим параметрам будет до известной степени ослаблено отсутствием стратегических [так в оригинале] целей, по сравнению с тем, что мы наблюдали в Германии, поэтому стратегическая авиация будет использоваться в основном для поддержки тактической авиации и наземных операций.

Поэтому мы считаем, что, если начнется война, достигнуть быстрого ограниченного успеха будет вне наших возможностей и мы окажемся втянутыми в длительную войну против превосходящих сил. Более того, превосходство этих сил может непомерно возрасти, если возрастет усталость и безразличие американцев и их оттянет на свою сторону магнит войны на Тихом океане.

Подписали документ начальник Генерального штаба армии Великобритании фельдмаршал А.Ф. Брук и начальники штабов ВМС и ВВС Эндрю Каннингем и Д.К.С. Эвилл»²⁵.

Черчилль обдумывал решение Комитета о невозможности нападения на Советский Союз. 9 июня он продиктовал генерал-майору Лесли Холлису свой ответ, 10-го его передали Комитету. Ответ Черчилля продемонстрировал его умение гибко мыслить:

«Я прочитал замечания командующих относительно операции «Немыслимое» от 8 июня, которые демонстрируют превосходство русских на суше в соотношении два к одному.

Если американцы отведут войска к их зоне и перебросят основную массу вооруженных сил в Соединенные Штаты и в Тихоокеанский регион, русские будут иметь возможность продвинуться до Северного моря и Атлантики. Не-

обходимо продумать четкий план того, как мы сможем защитить наш Остров, принимая во внимание, что Франция и Нидерланды будут не в состоянии противостоять русскому превосходству на море. В каких военно-морских силах мы нуждаемся и где они должны быть дислоцированы? Армия какой численности нам необходима и как она должна быть рассредоточена? Размещение аэродромов в Дании могло бы дать нам огромное преимущество и позволило бы держать открытым проход к Балтике, где должны быть проведены основные военно-морские операции. Следует также рассмотреть возможность обладания плацдармами в Нидерландах и Франции.

Мы сохраняем кодовое название «Немыслимое», но командование должно понимать, что это всего лишь предварительный набросок того, что, я надеюсь, все еще является чисто гипотетической вероятностью»²⁶.

Теперь Черчилль был более чем когда-либо убежден в реальности советской угрозы, однако прислушался к мнению Комитета начальников штабов о невозможности проведения военной операции. Перспективы создания демократического представительства в Польше стремительно сокращались, и нужны были срочные меры предосторожности, чтобы уже и сама Британия не подпала под советское влияние. Начальники штабов предложили в связи с этим Объединенному штабу планирования начать работу над новым отчетом.

Тем временем, 11 июня Черчилль созвал кабинет министров, чтобы обсудить сложившуюся нелегкую ситуацию. Совершенно измученный фельдмаршал Брук пишет в своем дневнике:

«В 5.30. заседание Кабинета, на котором Уинстон представил длинный и весьма мрачный обзор ситуации в Евро-

пе. Русские продвинулись так далеко, как еще не случалось в истории. Их господство в Европе неоспоримо. В любой момент, как только им взбредет это в голову, они способны захватить оставшуюся часть Европы и просто запереть нас на нашем острове. У них двукратное превосходство над нашими силами, а американцы возвращаются домой. Чем быстрее они вернутся домой, тем быстрее их присутствие здесь понадобится вновь, и т.д., и т.д. Закончил он словами о том, что никогда еще не был до такой степени обеспокоен ситуацией в Европе, как теперь»²⁷.

В конечном итоге жесткая внешняя политика Черчилля приносила некоторые дивиденды. 9 июня он уже вздохнул с облегчением, когда Югославия подписала Белградское соглашение, и Тито отвел свои войска со спорной территории. Венеция-Джулия по-прежнему оставалась беспокойным регионом, но непосредственная угроза войны отступила, и Трумэн смог без помех заниматься военными действиями на Тихом океане. Это было хорошей новостью для многих его старших командиров, в том числе для адмирала Кинга, начальникам штаба ВМФ, который твердо придерживался убеждения, что американская общественность никогда не признает приоритет европейских военных операций над дальневосточными.

Желание Трумэна сосредоточиться на Тихом океане было продиктовано в том числе и беспокойством о масштабе потерь, прогнозируемых во время операции «Downfall» по вторжению в материковую Японию. Думая об этом, он обратился за советом к экс-президенту Герберту Гуверу, и тот посоветовал закончить войну с Японией переговорами, а не вторжением. В конечном итоге потери около миллиона американских военнослужащих не только недопустимы в воен-

ном и социальном смысле, но могут стать своего рода политическим самоубийством.

От этого совета Трумэн решил отказаться, настаивая на полном поражении и безоговорочной капитуляции японцев. План «Downfall» вновь стал актуален; с Химической службой США были проведены консультации по поводу химической атаки на Кюсю еще до вторжения. Япония оставалась кошмаром Америки, и Трумэн чувствовал, что союзники только усугубляют его проблемы:

«Пропаганда, кажется, является злейшим врагом наших внешнеполитических связей. Русские распространяют ложь о нас. Наши газеты лгут и искажают истинные мотивы русских — а британская пресса лжет и распространяет пропаганду и о нас, и о русских»²⁸.

Действительно, после первых, «ястребиных» недель президентства Трумэна советники и комментаторы американской внешней политики вновь заговорили о важности независимости США, об освобождении от прессинга Великобритании, которая постоянно демонизирует образ Советского Союза. Американский издатель-левак, фронтовик Ральф Ингерсол выступал от имени набирающего силу лобби тех, кто «не желал конфронтации с русскими по указке англичан»:

«В настоящее время для англичан решающее значение имеет вопрос, будем ли мы с ними в войне против России, если потребуется. Не существует достаточно выразительных слов, чтобы описать важность этого вопроса. Англичане явно не достаточно сильны, чтобы противостоять России в одиночку, и сейчас нет никого, кроме нас, чтобы выиграть такую войну на стороне англичан. В Европе остались лишь жалкие ошметки побежденных фашистов и нацистов, ссыльные поляки и голодные испанцы — Британии просто

некого мобилизовать для борьбы с Россией. Во время войны англичане пытались манипулировать нашей внешней политикой, чтобы мы воевали так, как хотели они — и это был бы антирусский путь. У них не получилось.

Теперь с не меньшей решимостью они пытаются манипулировать американской внешней политикой, чтобы навечно связать ее с политикой Британии. Если им это удастся и начнется третья мировая война, мы, безусловно, будем сражаться на их стороне — против русских...

Я не думаю, что эта война уничтожит человеческую расу. Я думаю, в ней кто-то выиграет. И тем не менее, это будет война на уничтожение — либо Советского Союза, либо Британской империи и Соединенных Штатов Америки»²⁹.

Президент Трумэн был готов отстаивать независимую политику США, и вывод войск был прекрасным началом подобной кампании. Когда американские войска вошли в Германию в последние недели войны, армия союзников заняла территории за согласованными линиями, и Черчилль по-прежнему хотел сохранить эти территории как предмет дальнейшего торга со Сталиным. Однако Трумэн больше не хотел поддерживать уклончивую тактику Черчилля. 12 июня он телеграфировал премьеру, сообщив, что «не в состоянии больше задерживать вывод американских войск из советской зоны и использовать армию в качестве рычага давления в решении других вопросов».

Английские начальники штабов согласились с американской точкой зрения, а 14 июня и откровенно разочарованный Черчилль признал: «Очевидно, мы должны смириться с вашим решением».

Он даже не настаивал на выполнении условия, по которому вывод армии союзников зависел от решения по окку-

пации Австрии. Вследствие этого английские, американские и французские войска отошли с их нынешних позиций в согласованные ранее зоны³⁰.

К середине июня фельдмаршал Монтгомери, военный комендант британской зоны оккупации, понял, что перегружен проблемами. У него в секторе находились 2,25 млн пленных немцев, которых надо было охранять, и в душе Монти крепло ощущение, что он вполне мог бы обойтись и без дополнительной ответственности за трофейное немецкое оружие, усиленную охрану которого он считал важной мерой предосторожности против возможного немецкого возрождения. Он не мог в полной мере понять смысл собственной деятельности и собственных обязательств и потому послал фельдмаршалу Бруку срочную телеграмму:

«Я чувствую, что мне нужны вполне определенные распоряжения относительно сохранения либо уничтожения трофейного немецкого оружия и оборудования. В настоящее время с хранением полный порядок, все в целости и сохранности. Тяжелые артиллерийские орудия и боеприпасы к ним не представляют срочной и непосредственной проблемы, поскольку с ними мало что можно сделать... Я получаю множество обращений, связанных с требованием предоставления рабочей силы и постоянно пытаюсь сократить количество охраны и сотрудников на объектах, где это не имеет жизненно важного значения. Я настоятельно прошу отдать мне приказ немедленно уничтожить оружие»³¹.

Монтгомери, разумеется, не знал истинной подоплеки приказа Черчилля и потому остался разочарован:

«14 июня я был сыт по горло охраной трофейного оружия... Коалиционное правительство заканчивало свое существование, добиться четких распоряжений было невоз-

можно. На свои запросы я ответа не получал. Я ждал в течение недели. Затем я отдал приказ: все стрелковое оружие и боеприпасы к нему должны быть уничтожены!! Я не сообщал ни премьер-министру, ни в Министерство обороны о том, что я сделал. Я был, разумеется, в очень мощной позиции. Я больше никогда об этом не слышал»³².

На самом деле ему еще предстояло об этом услышать. Черчилль был в ярости из-за того, что Монтгомери «раззвонил» различным газетным изданиям о своих проблемах по содержанию пленных немцев. Военное правительство объявило, что солдаты СС должны содержаться отдельно от представителей других подразделений, и что, скорее всего, они останутся за решеткой «лет на двадцать». Он сделал из этого вывод, что такая же судьба ожидает немецкий Генеральный штаб. Черчилль предупредил, что подобные вопросы будут рассматриваться на уровне правительств, а не на уровне фельдмаршалов³³.

Пока в оккупированной Германии шли споры, «другая война» все еще бушевала на Дальнем Востоке, и ее развитие напрямую зависело от операции «Немыслимое» и участия в ней Японии.

Первые месяцы 1945 года оказались чрезвычайно кровавыми для американской армии, пытающейся отбить оккупированные Японией острова. Филиппино-Лусонская операция в январе 1945-го стоила Америке 8000 жизней и 17 кораблей, потопленных смертниками-камикадзе. В следующем месяце разразилась битва на острове Иводзима, в которой пострадали 29 000 американских солдат, из которых 6000 были убиты. Американские ВВС усилили натиск, и в результате бомбардировки Токио зажигательными бомбами погибло 100 000 японцев. Однако даже эти события

не смогли сломить дух японской армии, и она продолжала воевать. Сражение за остров Окинава продолжалось до июня, и американцы снова несли большие потери — почти 50 000 человек. Было ясно, что так больше продолжаться не может; на этот случай были разработаны планы, которые предлагали либо массированную и долговременную бомбардировку Японии, либо наземное вторжение на Японские острова, либо сочетание двух этих видов атаки на Японию.

18 июня Трумэн подписал окончательный вариант операции «Downfall», который предусматривал поэтапное вторжение в Японию, начиная с захвата острова Кюсю в ноябре 1945 года. За ним должно было последовать вторжение в бухту Токио³⁴.

В течение нескольких недель после окончания войны в Европе США начали колоссальную переброску живой силы и вооружения с европейского на Тихоокеанский театр военных действий в рамках подготовки к операции «Downfall».

Объединенный штаб командования (англичане и американцы) подсчитал, что в течение полугода после Дня Победы из Европы на Дальний Восток отправятся 1 615 200 американских военнослужащих и 396 400 британских солдат (в том числе 42 700 человек из доминионов).

К 1 июля 1945 года практически четверть от этого количества должна быть переправлена надводным и воздушным флотами, если же начнется операция «Немыслимое», все переброски на Дальний Восток будут прекращены³⁵.

Вдобавок ко всем этим переменам началась демобилизация в американской и британской армиях, а также в армиях доминионов, что только способствовало ослаблению группировки союзников в Европе. Неважно, кто сделал первый шаг, Запад или Советы: снижение количества рабочей силы

в США и Великобритании приняло угрожающие размеры и потому вышло на первое место по значимости.

Между тем бесконечные споры вокруг судьбы польского правительства по всем признакам не имели пока шансов на разрешение. Главным ставленником Запада оставался Миколайчик, но его позиция была крайне шаткой. Черчилль общал:

«Миколайчик настроен мрачно, у него серьезные опасения. Он чувствует, что в отсутствие Витоса [бывший член Люблинского комитета, принадлежал к умеренному крылу] он будет полностью изолирован при любых обсуждениях, и все, что скажет он или Стенчик, будет сбрасываться со счетов только на том основании, что они являются людьми, которые ничего не знают о происходящем внутри Польши»³⁶.

Миколайчик не особенно рвался в Москву, так как понимал, что предстоящие выборы будут обманом. Однако Черчилль настаивал, говоря, что отказ ехать Сталин использует в качестве аргумента: мол, западным полякам предложили присоединиться к правительству, но они отказались. Наконец, 16 июня, к большому облегчению Черчилля, Миколайчик и еще пятеро демократических депутатов согласились войти в состав польского временного правительства национального единства. Черчилль убеждал Миколайчика:

«Достигнутые результаты внушают мне большую надежду на возрождение национального правительства Польши. Это может быть достигнуто только через дружеские отношения с Россией. Уверен, Советы по достоинству оценят вашу роль в сближении советского строя и западной демократии. Я думаю, вы прекрасно поработали в этом направлении»³⁷.

Однако уже 18 июня Сталин продемонстрировал, насколько далеко простирается его «дружба» с Польшей. В Мо-

ске, в Колонном зале Дома Союзов начался показательный «процесс шестнадцати». Это мероприятие было довольно цинично приурочено к московской встрече формирующегося польского правительства, в котором Миколайчик и его соратники находились в абсолютном меньшинстве по сравнению с коммунистами³⁸. Это правительство должно было стать образцом для остальных государств Восточной Европы, ориентированных на Советский Союз, — коммунисты занимают все ключевые посты и должности, включая полицию и суды, а демократам вручают наименее значимые портфели.

Уже во время переговоров по поводу польского правительства не было никаких иллюзий насчет исхода судебного процесса над шестнадцатью обвиняемыми поляками. Сфабрикованные обвинения — «планировали вооруженные действия вместе с Германией против СССР» — были оглашены главной советской газетой «Правда». В статьях, посвященных процессу, говорилось: «Польско-фашистские бандиты были виновны в убийстве сотен красноармейцев и мирных жителей».

С такими формулировками исход был вполне ясен. Все подсудимые, за исключением троих человек, получили различные сроки заключения; некоторые из них, в том числе генерал Окулицкий, впоследствии умерли в тюрьме при подозрительных обстоятельствах³⁹.

Это были не единственные жертвы Сталина. Согласно утверждениям Аверелла Гарримана, в марте 1945-го на оккупированных Советским Союзом территориях Польши в заключении находилось около 5000 солдат и офицеров союзных армий. Частично они были освобождены, но несмотря на попытки Запада добиться освобождения осталь-

ных, многие были сосланы вглубь Советского Союза. Для Сталина это стало еще одним рычагом давления на США, чтобы возобновить поставки по ленд-лизу, приостановленные в мае⁴⁰.

Сталин старался успокоить Запад:

«Что касается британских военнопленных, ваши опасения за их жизнь являются безосновательными. Они содержатся в куда лучших условиях, чем советские военнопленные в британских лагерях, где в ряде случаев было зафиксировано жестокое обращение и даже побои. Более того, в наших лагерях их почти не осталось, они уже на пути в Одессу, откуда отправятся на родину»⁴¹.

Англичан освободили, чтобы не портить картину триумфа нового польского правительства. Из двадцати его членов трое, в том числе Миколайчик, прибыли из-за рубежа, еще трое представителей самой Польши не входили ранее в Люблинский комитет. Весьма тонкая демократическая прослойка служила лишь ширмой для коммунистического правительства, однако для Британии и Госдепа США и это было облегчением. Теперь они могли, наконец-то, покончить с надоевшим «польским вопросом» и двигаться дальше. Запад хватался за любую соломинку и трогательно благодарил Сталина за уступки:

«Совершенно очевидно, что Люблинский комитет оказался весьма щедр и объективен в распределении постов, поскольку ключевые посты, имеющие важное значение, отданы демократам — Министерство внутренних дел [Керник], сельского хозяйства [Миколайчик] и социального обеспечения [Стенчик]»⁴².

Конечно, эти назначения были во многом фикцией, но зато у Англии и США появился формальный повод считать,

что Ялтинские соглашения выполнены. Временное правительство, спонсируемое Советским Союзом, было признано. Фельдмаршалу Монтгомери было отправлено срочное и сверхсекретное сообщение Министерства обороны с предписанием не сообщать о случившемся польским военнослужащим, находящимся под его командованием, поскольку признание Западом нового польского правительства автоматически аннулировало лондонское польское правительство в изгнании. Министр обороны (Кукель) и Главнокомандующий (Бур-Коморовский) лишались своих постов, однако по оценке британского Министерства обороны, это могло вызвать раскол в польской армии и поделить ее на сторонников и противников нового режима. Кроме того, было далеко не ясно, допустят ли англичане насильственную репатриацию бывших союзников в Польшу⁴³. По словам фельдмаршала Брука, это была проблема, на которую Министерство иностранных дел старательно закрывало глаза:

«У нас большие трудности, связанные с будущим польской армии! Через несколько дней будет официально признано новое польское правительство в Варшаве — и ликвидировано лондонское правительство в изгнании. Что делать после этого с польскими военнослужащими — загадка, которую наш МИД решать отказывается, хотя неоднократные запросы на сей счет подавались ему неоднократно еще с мая месяца!»⁴⁴

Британское правительство также было выбито из колеи стремительным признанием просоветского режима в Польше. Черчилль выговаривал Трумэну:

«Я был крайне удивлен вашей телеграммой за номером 83, в которой вы всего лишь за несколько часов поставили меня в известность о вашем решении признать новое поль-

ское правительство. Наша позиция отличается от вашей. Прежнее польское правительство сидит здесь, в Лондоне — это официальные лица, это большой штаб, управляющий 170 000 солдат и офицеров — и их мнение должно быть принято во внимание... Мы надеялись дать уведомление лондонскому правительству хотя бы за 24 часа, что казалось нам вполне разумным»⁴⁵.

Администрацию США и, в частности, Госдепартамент не заботила британская чувствительность. Они изображали Великобританию как движущую силу европейского блока, противодействующего Советскому Союзу и его господству в Европе, а также как воинствующую империю, пытающуюся вписаться в новый мировой порядок:

«Совершенно очевидно, что любой будущий мировой конфликт в обозримом будущем разведет Великобританию и Россию по разным лагерям... В этом потенциальном конфликте военные силы, которые нужны для того, чтобы распоряжаться на европейском континенте, настолько несравнимы при нынешних условиях, что вряд ли удастся избежать нашего вмешательства на стороне Великобритании. Учитывая многочисленные факторы, такие, как военные ресурсы, рабочую силу, географию и в особенности наши возможности в переброске сил через океан и развертывании их в Европе, — мы могли бы достаточно успешно защитить Англию, но не победить Россию. Другими словами, мы окажемся втянуты в войну, в которой заведомо не способны победить, хотя нам и не грозит при этом ни полное поражение, ни оккупация наших территорий»⁴⁶.

Это была нерадостная, но трезвая оценка, однако через нескольких недель администрация США могла столкнуться с необходимостью иметь дело с новым английским прави-

тельством, проводящим, соответственно, новую внешнюю политику. 5 июля, после изнурительной избирательной кампании, граждане Англии и военнослужащие за ее пределами проголосовали. Хотя результаты должны были появиться не раньше, чем через три недели, чтобы успеть подсчитать голоса на Дальнем Востоке, лечащий врач Черчилля, лорд Моран, опасался наихудшего исхода для своего пациента.

«Стало ясно, что премьер-министр выбрал неверный курс... впервые я всерьез думаю о том, что он может проиграть выборы»⁴⁷.

Черчилль еще не успел проиграть выборы, но Польшу уже потерял. 6 июля британское правительство признало новое временное польское правительство в Варшаве. Польскому правительству в изгнании следовало действовать очень быстро, чтобы защитить своих членов и свои вооруженные силы. В их распоряжении находилось огромное количество документов Второго отдела разведки, которые могли скомпрометировать противников коммунистов — и «лондонцы» позаботились, чтобы спрятать эти документы вне досягаемости противников. Горели целые костры из бумаг — следственные дела, относящиеся к Советскому Союзу, личные дела поляков и т.п. Остальные бумаги были переданы на хранение британским властям⁴⁸.

Внутри самой Польши сложилась ситуация, когда отделения Второго бюро разведки оказались изолированы от дипломатических миссий и Центра. Здесь тоже жгли бумаги, прятали радиопередатчики, приберегая их для будущих операций против державы-оккупанта. Другие марионеточные государства Восточной Европы стремительно признавали новое правительство Польши, хотя и не все министры этих правительств были счастливы таким обстоятельством⁴⁹.

Между тем официальное британское правительство вело политику медленного удушения польского подполья, постепенно сворачивая радиосвязь между польскими базами в Великобритании и ячейками сопротивления в Польше. Поляки пытались справиться с дефицитом связи при помощи курьеров, однако невозможность наладить радиосвязь была самым серьезным их провалом.

Практическим эффектом признания союзниками просоветского правительства Польши стало и то, что генерал Андерс и его армия в настоящее время действовали в автономном режиме. Поскольку Англия и Америка фактически отrekliсь от польского правительства в изгнании, часть польских командиров справедливо опасались и за свое будущее. В армии мог начаться раскол. Британия все еще финансировала поляков, но с каждой неделей все больше разрушались связи с армией союзников — поляков уже неохотно посвящали в военные планы.

Однако в связи с июльскими событиями именно польские военные были наиболее заинтересованы в конфликте с СССР. Не обращая внимания на усталость Запада от войны, они продолжали верить, что война со Сталиным неизбежна. Еще в августе 1944 года польский Генштаб подготовил развернутый доклад в расчете на то, что Великобритания вступит в войну с СССР в течение ближайшего десятилетия. В связи с этим генерал Андерс продолжал санкционировать набор в польскую армию, даже ускорив этот процесс после Дня Победы. По некоторым оценкам, к концу лета 1945-го численность польской армии могла достигнуть 250 000 человек⁵⁰.

Польские войска продолжали свое наращивание, но каково же было состояние британской армии и была ли она

по-прежнему способна бросить вызов Красной Армии летом 1945-го?

Бюрократия или сознательные действия были тому причиной — но темпы демобилизации снизились до минимума. За первые два мирных месяца было демобилизовано всего 200 000 мужчин и женщин — одна двадцатая часть военнослужащих.

Нарастали протесты и требования ускорить демобилизацию, особенно старалась пресса — и это нетерпение общества грозило вырасти после победы над Японией.

Однако нет никаких сомнений, что главную роль в торможении мирного процесса играли вопросы общей безопасности, находившиеся в ведении лидеров мировых держав, хотя и не существует никаких доказательств связи этих решений с операцией «Немыслимое». Черчилль, по крайней мере, в настоящее время стремился как раз к демобилизации. Он заявил своему кабинету:

«Они, конечно, не взбунтуются и не станут устраивать беспорядки, но чем быстрее они вернутся к себе домой — тем лучше»⁵¹.

Некоторая надежда на предотвращение будущего конфликта сохранялась — ее связывали с личной встречей лидеров «Большой тройки». После недолгих споров о месте и дате проведения подобной конференции был выбран Потсдам, город в окрестностях Берлина. Черчилль, Трумэн и Сталин отправились на встречу в сопровождении больших делегаций. 8 июля Трумэн отплыл к берегам Европы на корабле ВМФ США «Аугуста». Поначалу он пребывал в прекрасном настроении, развлекаясь просмотром кинокартин с Бобом Хоупом и стрельбами из 8-дюймовых орудий «Аугусты». Вспоминая свой опыт артиллериста Первой мировой войны, он сетовал:

«Я все еще лучше командую огнем батареи, чем управляю страной!»

Об этих артиллерийских развлечениях вспоминает и советник президента, помощник госсекретаря Чарльз Болен. Он наблюдал сцену, показавшуюся ему печально символичной для нынешнего положения Британии в «Большой тройке»:

«Трумэн и госсекретарь Бирнс стояли возле строенной турели во время залпа. Два снаряда ушли к «цели», как положено. Третий ствол дал своего рода осечку, и снаряд шлепнулся в море всего в сотне ярдов от корабля...»⁵²

Вообще Трумэн с неохотой согласился на встречу в Потсдаме — и только при условии, что сможет предложить собственную программу этой встречи. В своем дневнике он писал:

«Как я ненавижу эту поездку! Не хочу ехать, но должен: победить, проиграть или свести вничью — но Америка должна выиграть! Я не работаю ни на какие другие интересы, кроме интересов Соединенных Штатов Америки».

В связи с этим он отклонил приглашение посетить Великобританию до начала конференции, чтобы не провоцировать возможные обвинения Сталина в сговоре Англии и Америки против него. Каждый из членов «Большой тройки» отныне шел своим путем...⁵³

8. КРЕПОСТЬ «ВЕЛИКОБРИТАНИЯ»

Пока корабль президента США плыл в направлении Северной Европы, измученный Черчилль воспользовался возможностью отдохнуть несколько дней после выборов и хотя бы немного привести себя в форму перед Потсдамом. Они с супругой Клементиной отправились в Шато-

де-Бордаберри с видом на Бискайский залив на юго-западе Франции, чтобы порисовать и поплавать. Личный секретарь премьер-министра Джок Колвилл писал в своем дневнике:

«Премьер-министр, похожий на доброжелательного бегемота, плавает в кругу французских полицейских в купальных костюмах»¹.

В свободное от купания время Черчилль с увлечением рисовал, запечатлевая Сен-Жан-де-Люз и Эндье во всем великолепии красок Адриатического побережья².

Между тем, пока премьер пользовался краткой передышкой во Франции, в Лондоне начальники штабов получили первый набросок второго отчета по операции «Немыслимое». Команде Грантема, Томпсона и Доусона потребовалось около месяца, чтобы написать доклад «О необходимых мерах для обеспечения безопасности на Британских островах в случае войны с Россией в ближайшее время». Тема была настолько щекотливая даже по меркам национальной безопасности, что консультации с министерствами не проводились. Предпосылка была вполне ясна: амбиции Сталина распространялись на всю Германию, и потому Красная Армия могла и не остановиться на Рейне³.

Аналитики исходили из предпосылки, что Красная Армия уже захватила Западную Европу и готовится атаковать Великобританию — однако в докладе никак не освещались сроки и методы захвата русскими Европы.

Предполагалось, что о советском вторжении будут свидетельствовать некоторые признаки, в том числе донесения разведки, однако сбор разведданных о Красной Армии никогда не был легким делом. Попытки же раздобыть информацию о Советах у немецких разведчиков натолкнулись на явное неприятие со стороны старших офицеров развед-

службы. Один из них, Дик Уайт, высказался сдержанно, но вполне определенно:

«Я бы возражал против использования нацистов в качестве агентов. Впрочем, таких перспектив перед нами и не ставили».

Американцы в этом смысле были не столь щепетильны и использовали не только офицеров абвера, но и британских агентов, «пощипывая» их довольно чувствительно. Британская разведка понемногу уступала мировое лидерство американцам — повторяя то, что происходило в целом между двумя этими державами⁴.

Посольство Великобритании в Москве стало основным каналом, по которому шли сведения и предположения о намерениях Советского Союза. Сотрудники посольства проводили бесконечные часы и дни, детально изучая советскую прессу — «Правду», «Известия» или англоязычные «Московские новости», а также большое количество технических и научно-популярных журналов, в которых можно было найти информацию о советском вооружении. Случались и дипломатические поездки в Ленинград и Киев — по крайней мере, в апреле и мае 1945 года, когда НКВД еще не страдал приступами клаустрофобии и относился к таким поездкам достаточно лояльно. Во время этих поездок у дипломатов и разведчиков появлялась возможность пообщаться с населением и узнавать настроения простых людей.

Даже если бы Запад получил некое предупреждение о советском нападении, Красная Армия вышла бы на границу с Францией в течение нескольких недель. А какие ограничения могли бы сдерживать самих русских?

Одной из основных проблем Красной Армии станет протяженность коммуникаций. Как только они двинут вперед

У. Черчилль

Ф.-Д. Рузвельт

И.В. Сталин

А. Брук

Д. Эйзенхауэр

С. Миколайчик

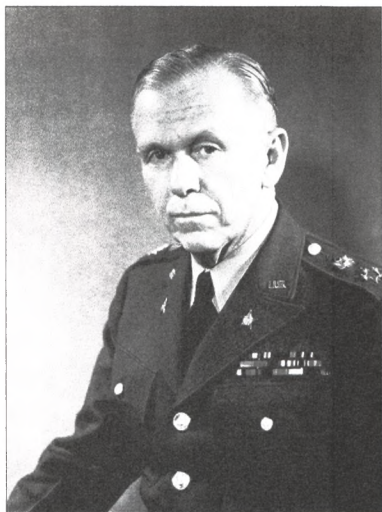
В. Андерс

*Советские, американские и британские дипломаты
во время Ялтинской конференции*

*И.В. Сталин, У. Черчилль и Ф. Рузвельт на банкете
во время Ялтинской конференции*

Дж. Маршалл

Г. Исмей

Э. Каннингем

Ч. Портал

Г. Трумэн

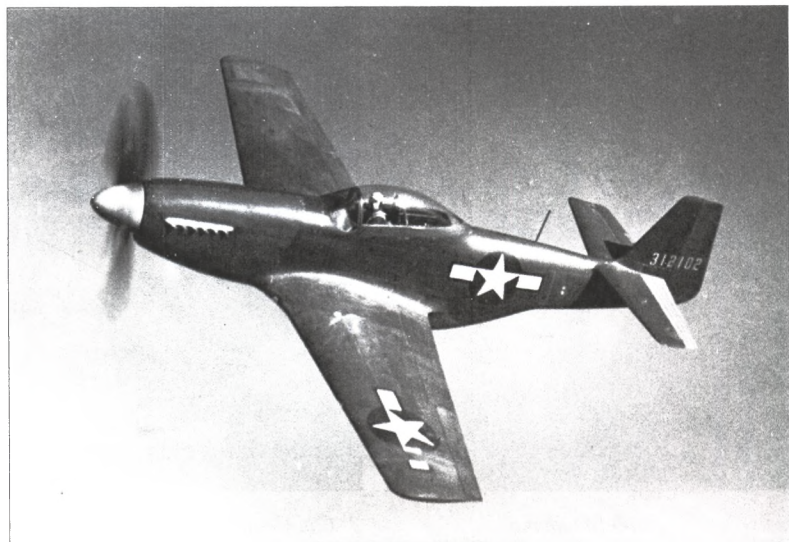
Э. Иден

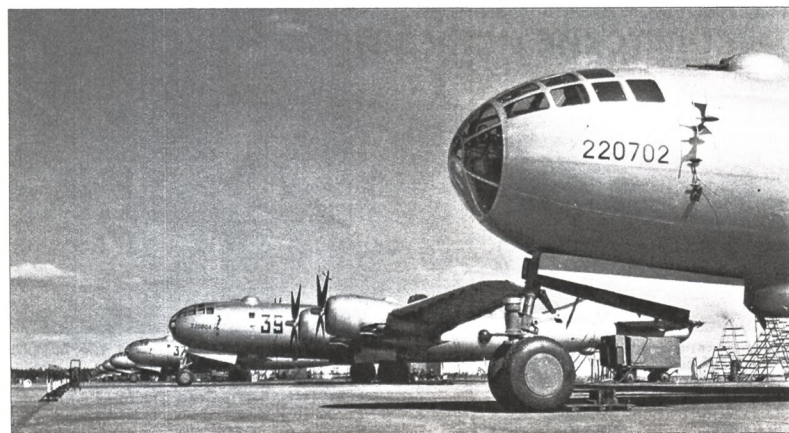
Танки ИС-3 на Красной площади

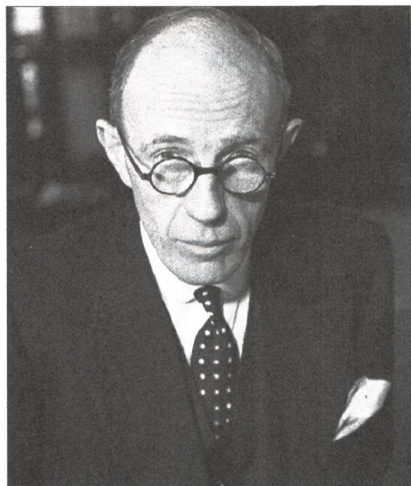
Танк М-26 «Першинг»

P-51 «Мустанг»

Ту-4

Лорд Галифакс

*Сэр Стаффорд Криппс, посол
Великобритании в СССР,
и посланник США Гарри Хопкинс*

Дж. Кёртин и Д. Макартур

И. Броз Тито

*Британские фельдмаршалы Г. Александер (слева) и Г. Уилсон (справа)
на прогулке с военным министром Великобритании Г. Симпсоном
(в центре) во время Потсдамской конференции*

Л. Окулицкий

Дж. Паттон

Бойцы Армии Людовой

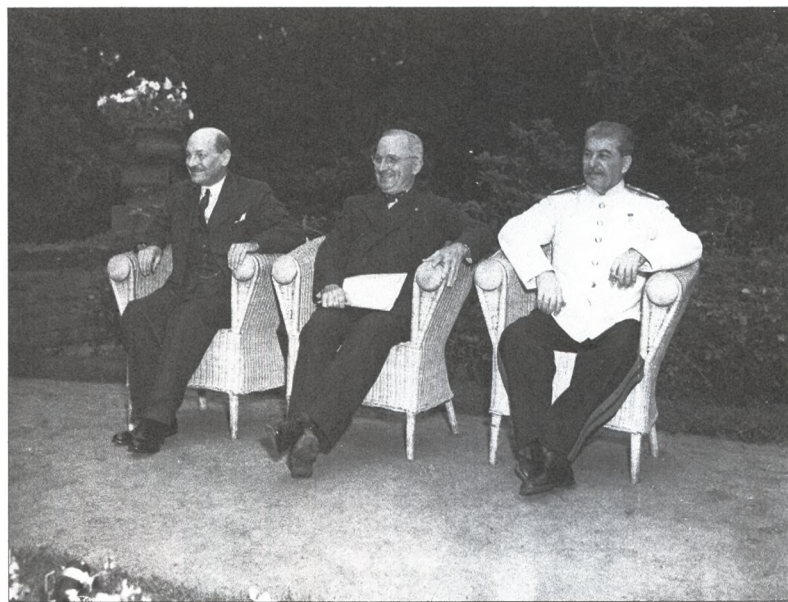
Встреча генерала Дугласа Макартура и императора Японии Хирохито

К. Дёниц

И.В. Сталин, Г. Трумэн и У. Черчилль в Потсдаме

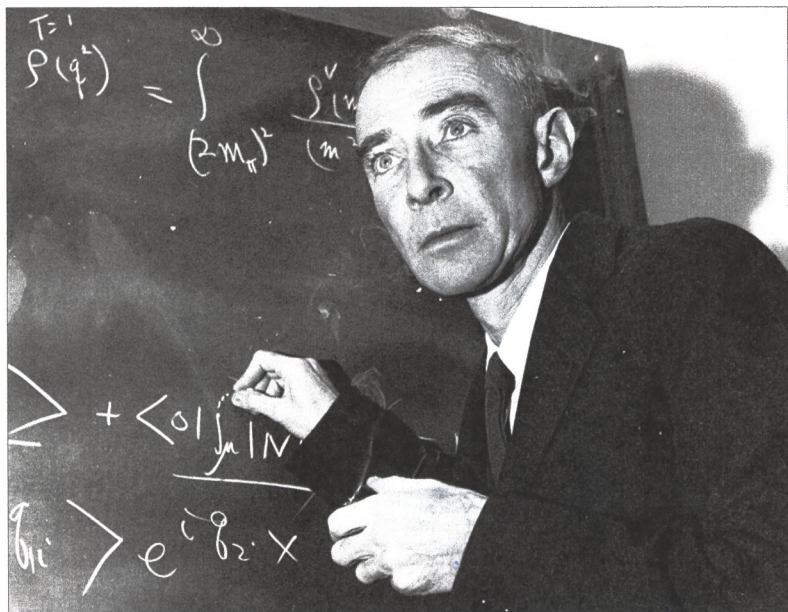
К. Эттли, Г. Трумэн и И.В. Сталин на Потсдамской конференции

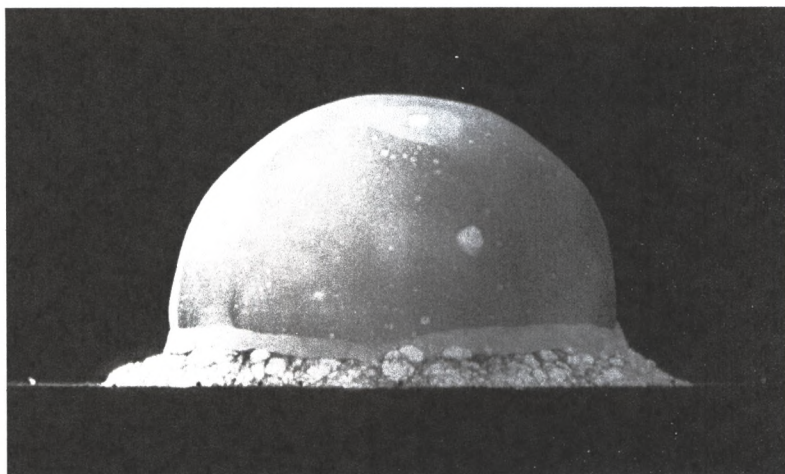
*Маршал Жуков вручает
генералу Эйзенхауэру орден «Победа»*

*Г. Жуков и Б. Монтгомери во время церемонии награждения
орденами «Победа» у Бранденбургских ворот*

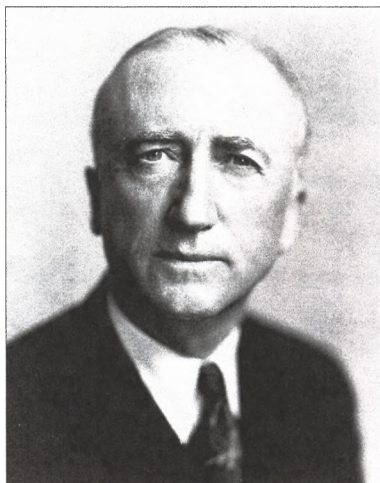
Р. Оппенгеймер

*Поднимающийся двухсотметровый плазменный шар.
Испытания по проекту «Тринити»*

Дж. Кеннан

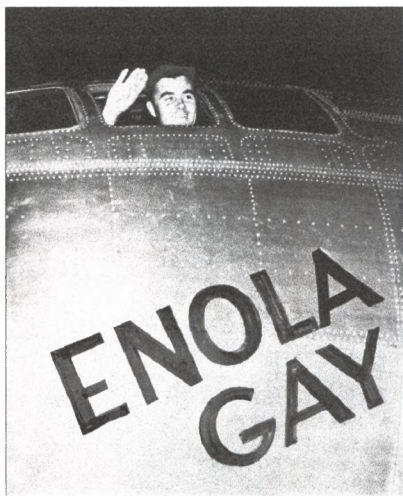
Дж. Бирнс

Г. Уилсон

Э. Спирс

В-29 «Суперфортресс» «Энола Гэй»

К. Фукс

У. Черчилль произносит свою знаменитую речь в Фултоне

крупные соединения из Восточной Европы, контролируемая ими территория останется «без присмотра» — это касается Польши, Западной Украины и Восточной Германии. Сопротивление в этих странах может активизироваться и стать источником серьезных проблем в тылу Красной Армии⁵.

Несмотря на это, доклад планировщиков открывался самым примитивным сценарием:

«Ниже приведены основные способы, которыми русские могут попытаться напасть на Британские острова после того, как выйдут к Северному морю:

- перерезать наши морские коммуникации
- вторжение
- воздушная атака
- ракетные атаки или использование иных, новых видов

вооружения...»

Считается, что Советы не способны организовать нападение на морской флот союзников силами своего подводного или воздушного флотов, по крайней мере, за годы войны подобной угрозы для германского флота не возникало. Обнадеживает то, что Советам понадобится несколько лет на то, чтобы догнать Запад по технологиям, особенно в отношении подводного флота. Но если русские не могли эффективно перерезать английские морские коммуникации — как можно говорить об успешном вторжении? Вряд ли можно рассчитывать только на парашютные десанты, а если речь идет о десантных катерах, то их должно быть очень много, чтобы одновременно создать достаточно обширный плацдарм. Кроме того, у Советов нет большого опыта проведения подобных операций, а гражданский флот либо слишком мал, либо его нет вообще, так что армия останется без материальной поддержки и обеспечения. К тому времени

торговый флот союзников будет выведен в другие порты Атлантического побережья или будет затоплен накануне предполагаемого вторжения; угроза советского вторжения морем, таким образом, рассматривается в качестве проблемы реальной, но не неизбежной»⁶.

Другой вероятностью считалась массированная воздушная атака советской авиации.

Хотя аналитики не имели всеобъемлющей информации по стратегическим бомбардировщикам противника, малое расстояние от авиабаз во Франции или Нидерландах до Великобритании позволяло русским наносить удар по целям и переносить тактические грузы. Хотя основной целью тактических бомбардировщиков была поддержка наземных операций, они могли легко и быстро адаптироваться к новым условиям ведения войны — и в этом случае представлять серьезную угрозу. В свою очередь, Королевские воздушные силы могли нанести русским серьезный урон, но полная победа была отнюдь не очевидна. И все же наибольшую озабоченность аналитиков вызывала возможная ракетная атака или использование беспилотных самолетов.

«Скорее всего, Советский Союз начнет крупномасштабное производство подобных видов вооружения в самое ближайшее время. Мы должны ожидать гораздо более массированную атаку, чем в свое время демонстрировали немцы, и в настоящее время у нас нет возможности эффективно противостоять такой атаке. Это было бы главной угрозой в течение достаточно долгого периода, после которого русские будут готовы к полномасштабному вторжению»⁷.

Аналитики были совершенно правы, заостряя внимание на этой угрозе, поскольку русские стремительно разрабатывали аналоги немецкой «Фау-2», а также «беспилотные

летательные аппараты». К счастью для союзников, они пока были в нескольких шагах от создания ракет средней дальности, способных пересечь Пролив.

Русские получили подробные планы, схемы и оперативные разработки производства «Фау-2», когда советские войска захватили полигон Близна на юго-востоке Польши в августе 1944 года⁸. Кроме того, они должны были получить от союзников завод по производству «Фау-2» в Нордхаузене, захваченный американцами — по иронии судьбы передача должна была состояться 1 июля 1945 года, в день предполагаемого начала операции «Немыслимое». Однако Советы все еще были не готовы начать полноценное производство этих ракет и не располагали достаточным штатом немецких ученых. На русских работали всего несколько человек, и они не были даже сочувствующими коммунизму. Хельмут Гроттруп, бывший помощник заведующего лабораторией наведения, контроля и телеметрии в Пенемюнде, руководствовался совсем иными мотивами, о чем позднее рассказала его жена:

«Они [американцы] захватили Вернера фон Брауна, Хутера, Шиллинга, Штайнхоффа, Гроттрупа и других ведущих специалистов по ракетам. Все мы были размещены в Витценхаузене и допрошены. По прошествии недели Хельмуту предложили договор, по которому он должен был переехать в США, без семьи; расторгнуть договор могла только одна сторона, армия США. Поскольку мы хотели остаться в Германии, то вернулись в советскую зону ответственности»⁹.

Должно было пройти не меньше года, чтобы ученые, даже такие, как Гроттруп, могли бы обеспечить Советам производство ракет «Фау-2» в количестве достаточном, чтобы угрожать Западу¹⁰.

Планировщики не уточняли тип ракет, которые представляли угрозу Великобритании, однако совершенно ясно было, что они ничем не будут походить на реактивные снаряды «катюш». В конце концов наименьшее расстояние между Францией и Англией составляло 26 миль, а самая мощная из существующих ракет, М-13DD, покрывала только 7 миль. Однако если бы материализовались гипотетические пока угрозы, оборона Великобритании зависела бы от зенитных батарей, а не от ВВС — по крайней мере, так считал Черчилль. Он уже неоднократно атаковал сэра Арчибалда Синклера, который утверждал, что именно авиация устранила угрозу применения «оружия возмездия»:

«У вас нет оснований утверждать, будто королевские ВВС сорвали атаку «Фау-2». ВВС сыграли свою роль, но, на мой взгляд, их заслуги значительно скромнее, нежели заслуги зенитной артиллерии и чем заслуги армии в целом по поддержанию безопасности Па-де-Кале. Что же касается «Фау-2», то авиация против них бессильна»¹¹.

Чтобы ослабить угрозу ракетной атаки, рассматривалась возможность сохранения плацдармов на континенте. Удержание под контролем прибрежных районов лишило бы Красную Армию потенциальных стартовых площадок. Если бы они пытались обстреливать ракетами Лондон с более глубоких эшелонов, английскую столицу не могли достать даже ракеты типа «Фау-2». Однако нечего было и думать, что армия союзников сможет сдержать и не допустит на побережья столь массивные вражеские силы. Кроме того, следовало обратить внимание на полуостров Шербур и на Бретань, где, как и в Дании или Западной Голландии, были сконцентрированы крупные соединения армии союзников, которые могли стать легкой мишенью для ракетной атаки.

В конце концов планировщики высказались против создания и удержания плацдармов на побережье по следующим причинам:

«Радиус действия современной ракеты потребует непрерывного сохранения и удержания фронтов во Франции и Нидерландах, чтобы избежать серьезного ущерба от ракетной атаки.

Если мы вернем войска на континент, то сами исключим фактор внезапности и позволим противнику спокойно наращивать свои силы.

За исключением Дании, использование территории которой ограничено, поскольку на северном и западном побережьях отсутствуют порты и гавани, количество ВВС Великобритании, которые мы сможем разместить на прибрежных плацдармах, по численному составу будет лишь немного больше тех частей ВВС, которые используются для поддержки наземных войск»¹².

Ракеты явно казались аналитикам неразрешимой проблемой; куда лучше они ориентировались в обычной войне, рассматривая потенциальные возможности Красной Армии, закрепившейся на французском берегу Пролива. Как должно было развернуть силы обороны британское командование в этом случае? Риск советского воздушного или морского вторжения диктовал необходимость создания мобильных подразделений по борьбе с этими угрозами — гарнизоны должны были защищать, города, промышленные центры и порты. Что касается остальной территории Британии, ее должны были защитить без малого 20 британских и американских дивизий — пехотных и бронетанковых — развернутых к югу от линии Северн — Уош, с наибольшей концентрацией на юго-востоке страны.

Основная часть этих сил уже находилась в Англии, усилить группировку должны были части, выведенные из Европы перед лицом советской угрозы. Большая скорость отступления на европейском плацдарме означала бы, что большую часть тяжелого вооружения придется бросить. Для того чтобы восполнить подобные потери, потребуются напряженнейшая работа английской промышленности и интенсивное повышение промышленного потенциала страны¹³.

В докладе ни слова не было сказано о действиях в случае успеха русских и частичной или полной оккупации Англии; не рассматривались варианты создания британского правительства в изгнании, где-нибудь на территории Канады, Ньюфаундленда или Южной Африки¹⁴. Аналитики гарантировали создание кордона безопасности вокруг страны при помощи ВМФ и ВВС, причем военный флот должен был охранять южные и восточные подходы к Острову, а местные суда — защищать северные воды. В зависимости от того, как интенсивно будет реализована советская военная угроза, вопрос об эскортировании морских конвоев должен был обсуждаться позднее...¹⁵

Аналитики демонстрировали почти безграничную веру в возможности английского флота и еще больше уверенности в силах английской авиации, однако успешные действия в воздухе могли иметь место только при условии, что эскадрильи английских и американских ВВС будут отозваны из Европы и направлены на защиту Великобритании. Кроме того, английским ВВС придется воздержаться от переброски и развертывания на Дальнем Востоке, хотя неизвестно (не просчитано), какой эффект это окажет на военные действия против Японии. И даже если все эти условия могут

быть соблюдены — Англии потребуется собрать 230 эскадрилий истребителей, 100 — тактических бомбардировщиков и 200 эскадрилий тяжелых бомбардировщиков¹⁶.

Аналитики делали вывод:

«На первоначальном этапе конфликта русские могут создать реальную угрозу Великобритании только за счет использования ракет и иных новых видов вооружения. Полноценное вторжение или результативное нападение на наши морские коммуникации может быть осуществлено лишь после достаточно продолжительного периода подготовки, который займет несколько лет»¹⁷.

Пока начальники штабов знакомились с первыми выводами аналитиков, Черчилль продолжал свой отпуск во Франции в ожидании Потсдамской конференции. Своему врачу он сообщил:

«Я собираюсь полностью расслабиться. Не желаю читать никакие бумаги»¹⁸.

Было понятно, что он не собирается изучать правительственные документы, а значит — и материалы по операции «Немыслимое». Военным оставалось ждать. 15 июля, не возвращаясь в Лондон, Черчилль полетел из Бордо в Берлин, чтобы оттуда отправиться в Потсдам.

Он пригласил Эттли присоединиться к нему в Потсдаме и вместе дождаться результатов подсчета голосов. Эттли вылетел на конференцию 15 июля, вызвав удивление советской делегации, которая никак не могла понять, почему в английскую делегацию включили лидера оппозиционной партии. Тем временем союзные войска были выведены за согласованные линии, а министр иностранных дел Иден готовился «связать концы с концами» в польской эпопее. Хотя Черчилль был огорчен и подавлен тем, что так и не

достиг своей цели с Польшей, в конференц-зал Потсдама он вошел, зная, что у союзников на руках все еще есть сильный козырь, который может изменить весь стратегический баланс.

Еще до первых атомных испытаний в июле 1945 года англичане дали свое принципиальное согласие на использование атомной бомбы против японцев. Черчилль подтвердил это:

«Историческим фактом, судить о котором будут потомки, остается то, что принятие решения использовать или не использовать атомную бомбу против Японии никогда не было для нас проблемой. Это было единодушное, автоматическое, необсуждаемое соглашение, принятое за нашим столом»¹⁹.

Когда Трумэн вошел в зал Цецилиенгоф-Палас в Потсдаме, он был уже полностью проинформирован о предстоящих испытаниях атомной бомбы в рамках проекта «Тринити»²⁰. Конференция в Потсдаме должна была начаться 16 июля, но Сталин перенес легкий сердечный приступ, и открытие перенесли на следующий день. Неудивительно, что генерал-майор Лесли Холлис отметил:

«За 18 месяцев, прошедших с того момента, как я впервые увидел Сталина в Тегеране, волосы у него стали белыми, как его китель»²¹.

У Черчилля появился свободный день, чтобы посетить Берлин — и руины рейхсканцелярии. Сопровождавший премьер-министра лорд Моран отметил, что Черчилль выглядел странно равнодушным, безучастным к происходящему. Его нисколько не тронула перспектива увидеть вход в бункер Гитлера, где проходили последние дни грязной жизни его заклятого врага. Он сделал всего несколько

шагов к входу — и тут же вернулся обратно, в разоренный и сожженный сад. «Гитлер выходил сюда подышать свежим воздухом, — тихо произнес премьер-министр — и каждый раз слышал, что пушки грохочут все ближе и ближе»²².

Из бункера торопливо принесли уцелевшее кресло, и Черчилль покорно сел в него, чтобы сфотографироваться. На следующий день все заголовки газет кричали: «Черчилль примеряет на себя кресло Гитлера!» — однако в поведении премьера не было ни капли триумфа. Все его мысли, без сомнения, были заняты предстоящими встречами и первым разговором с Трумэном. Мимолетно он уже встречался с американским президентом, говорил с ним по телефону, переписывался — однако впервые они встречались как два мировых лидера. Черчилль был впечатлен этой встречей, однако Трумэн взаимных чувств не испытывал. В своем дневнике он высказывался довольно осторожно, записав:

«Я уверен, мы сможем поладить, если он не станет подъезжать ко мне слишком настойчиво»²³.

После встречи со Сталиным на следующий день таких оборотов Трумэн уже не употреблял:

«Со Сталиным я могу иметь дело. Он честен и чертовски умен»²⁴.

Некоторые из высказываний Сталина не могли не найти отклик у Трумэна — особенно когда он упомянул, что хотел бы разделить некоторые прежние колонии и мандаты.

Дело пошло быстро, несмотря на постоянные перерывы, вызванные тем, что делегаты то и дело выходили из зала: из-за загрязнения местного водопровода разразилась настоящая эпидемия диареи. Тем временем основным предметом озабоченности трех британских начальников штабов стали... комары, расплодившиеся вокруг их резиденции на

берегу озера. Брук, Портал и Каннингем и здесь выкроили время для любимого хобби — однако их ждало сильное разочарование: озеро Грибницзее было сильно загрязнено разлагающимися останками, а всю рыбу давно поглушили гранатами. Тем не менее по утрам на рассвете можно было увидеть — в лодке, с удочками в руках — начальника Генштаба и начальника штаба ВВС²⁵.

Пока делегаты готовились к конференции, за 6000 миль от Потсдама, на небольшом секретном объекте Хорнада де Муэрто на юге Нью-Мексико американские ученые и военные готовились провести эксперимент с оружием, которому суждено было изменить мир. На рассвете 16 июля к военной базе подъехал грузовик, в кузове которого лежал безобидный на вид металлический шар. Очень простой, гладкий, 4 фута 6 дюймов в диаметре и 4 тонны весом, он напоминал морскую мину. Его осторожно сняли с грузовика и опустили на землю. Затем над шаром установили навес, и десяток техников занялись отладкой устройства. После этого шар поместили на конструкцию высотой около 100 футов. Ровно в 05.29. был произведен подрыв «Толстяка».

Плутониевый заряд просто испарил конструкцию, на которой лежал, и все живое вокруг в радиусе полумили. Взрыв был равен эквиваленту 20 килотонн тротила, жар от него ощущался на расстоянии 10 миль, яркость вспышки вызвала временную слепоту у всех, кто находился в этом радиусе²⁶.

Дж. Роберт Оппенгеймер, руководитель Манхэттенского проекта по разработке и производству атомной бомбы, так писал о тестовом подрыве в рамках проекта «Тринити»:

«Мы знали, что мир больше не будет прежним. Некоторые засмеялись. Кто-то заплакал. Я вспомнил строки из ин-

дийского эпоса: «Теперь я есть Смерть и Разрушитель Миров». Полагаю, мы все, в той или иной степени, думали об одном и том же»²⁷.

18 июля Трумэн доложил Черчиллю о результатах атомных испытаний. Еще перед отъездом в Потсдам Черчилль просил Трумэна телеграфировать ему, как только станет известно, «Взрыв это, или срыв». Телеграмма Трумэна была краткой: «Это взрыв. Трумэн»²⁸. Также по просьбе Черчилля Трумэн не сообщал о произошедшем Сталину до 24 июля, но и узнав обо всем, Сталин не выглядел особо удивленным или впечатленным новостью. Нет никаких сомнений, что он был хорошо осведомлен о ходе Манхэттенского проекта США, получая сведения от шпионов, таких, как Клаус Фукс. Эта информация имела огромное значение для Советов и впоследствии была расшифрована в ходе американского контрразведывательного проекта «Венона»²⁹.

Кроме того, Сталин был в достаточной мере осведомлен о предыдущей, англо-американской программе «Tube Alloys» — также от советских агентов внутри Уайтхолла в Лондоне. Тем не менее он, возможно, не до конца понимал все последствия этих испытаний — до тех пор, пока, несколько недель спустя, атомная бомба не была сброшена на Хиросиму. Только после этого Сталин и Берия начали всерьез подстегивать советскую ядерную программу.

Взрыв атомной бомбы стал также еще одним серьезным ударом по отношениям Сталина с Западом. Почти совпав со смертью Рузвельта в апреле 1945 года, он произвел поистине сейсмические изменения в международной обстановке, пробудив «старых демонов недоверия» в Сталине. Теперь он оказывался лицом к лицу с явным сдвигом баланса военной силы в пользу Запада, а кроме этого его ожидали скорые

изменения и в составе его ближайших политических партнеров смена состава британского правительства. Такое же недоверие и неуверенность испытывали и его ближайшие соратники в советском правительстве. Юлий Харитон, один из разработчиков и создателей советской атомной бомбы, делал мрачный выбор: «Советское правительство интерпретировало Хиросиму в качестве атомного шантажа СССР, в качестве прямой угрозы развязывания новой, еще более страшной и разрушительной войны».

Теперь Советы знали, что ВВС США способны доставить атомные бомбы со своих баз в Европе и на Дальнем Востоке в самое сердце сталинской империи. Кроме того, в случае быстрой капитуляции Японии Сталин мог быстро растерять свои шансы использовать результаты Ялтинских соглашений и утратить возможность захватить стратегические позиции в Маньчжурии и на границах с Японией, тем самым упрочив свою безопасность на Востоке³⁰.

Означали ли новости 16 июля, что американцам больше не было нужды беспокоиться о вступлении СССР в войну против Японии? Могли ли они теперь справиться с Японией самостоятельно?

На этом этапе американские военные не предполагали, что атомные заряды смогут обеспечить им победу — атомные бомбардировки рассматривались в качестве усиления общих бомбардировок, предваряющих наземное вторжение осенью 1945 года. Гораздо более простая и компактная урановая бомба, «Малыш», была почти готова, и полевые испытания ей не требовались. Тогда было еще слишком мало известно о влиянии радиации, и военачальники всерьез обсуждали планы использования атомных зарядов для подавления средств береговой охраны Японии.

Успешное завершение испытаний «Тринити» хотя бы теоретически — но освобождало Запад от необходимости заискивать перед Сталиным. Союзники могли, наконец-то, жестко выступить против политики Советов в отношении Польши и других стран Восточной Европы.

По словам фельдмаршала сэра Алана Брука, Черчилль торжествовал, узнав о новой бомбе:

«Он закрыл глаза на все мелкие преувеличения с американской стороны и был в полном восторге. Больше не было необходимости выпрашивать помощь русских в войне с Японией, новой бомбы было достаточно, чтобы урегулировать эту проблему!.. Кроме того, теперь у нас в руках был козырь, с помощью которого можно было достичь равновесия в отношениях с русскими»³¹.

На Потсдамской конференции был вынесен окончательный ультиматум Японии, однако японский премьер-министр его отверг, заявив, что его страна будет сражаться до конца. Он пытался заключить тайное мирное соглашение с китайцами, что позволило бы высвободить большое количество японских войск для защиты островов. Японские военные были буквально одержимы идеей продолжения войны, однако разведка США расшифровала диппочту Японии и выяснила, что японские политики активно ищут посредников для проведения мирных переговоров. Правда, они были в явном меньшинстве, и потому массированные бомбардировки силами ВВС США продолжились. На бомбардировку Токио, Нагои, Йокогамы, Осаки и Кобе, нефтеперерабатывающих заводов и портов Японии было брошено до 500 единиц «Суперфортресс» и около 1000 авианосцев.

Несмотря на овладевшую им эйфорию, Черчилль был истощен морально и физически. Здоровье премьера стреми-

тельно ухудшалось, и Иден взял на себя обязанности главы британской делегации в Потсдаме. Лорд Моран пишет:

«Премьер не работает над своими выступлениями, он слишком устал, чтобы готовить хоть какие-то документы».

Тем не менее Черчилль был по-настоящему воодушевлен тем военно-политическим преимуществом, которое Западу обеспечила новая бомба. Фельдмаршал Брук отмечал:

«Он совершенно увлечен и радуется тому, что бомба позволила нам говорить со Сталиным на равных».

Сам Черчилль пишет об этом так:

«Если вы будете настаивать на этом или том — мы можем просто стереть с лица земли Москву, затем Сталинград, Куйбышев, Харьков, Севастополь [так в оригинале]. И где теперь те русские?!»³²

Позже Брук признавал правоту Черчилля — атомная бомба и в самом деле сдвинула баланс военной силы:

«Оценка Уинстоном значимости этой бомбы для будущего международного соотношения сил была, разумеется, гораздо точнее, чем моя. Однако меня беспокоило то, что Уинстон, с его вечным энтузиазмом, позволил увлечь себя самыми первыми — и довольно скудными сообщениями о первом атомном взрыве. В мыслях он уже видел себя способным уничтожить все русские центры промышленности и половину населения, совершенно не принимая во внимание сопутствующие проблемы: доставка бомбы, производство бомбы, возможность, что Россия вскоре также сможет заполучить такую бомбу, и т.д. Он же сразу представил себе прекрасную и безоблачную картину того, что является единственным обладателем супероружия и может сбрасывать атомные бомбы, где только пожелает, приобретя тем самым безграничную власть и возможность диктовать Сталину...»³³

Атомная бомба возродила надежды Черчилля на успех «Немыслимого», хотя, как справедливо замечал Брук, вообще-то хозяевами нового оружия были США, а не Великобритания³⁴. Кроме того, несмотря на все успешные испытания, даже у американцев существовали серьезные проблемы с логистикой. Одно дело — когда бомбардировщик В-29 прорывается сквозь слабое сопротивление истощенной японской ПВО, и совсем другое — прорваться сквозь мощную и разветвленную систему советской ПВО. Самолету, несущему атомную бомбу, придется лететь ночью, преодолеть массированный зенитный обстрел и атаки истребителей-перехватчиков, а затем — если все сложится удачно — сбрасывать бомбу с большой высоты, ориентируясь на показания радара, который тоже еще нужно должным образом настроить. Исходя из всего этого, политика США по-прежнему была ориентирована на взаимодействие со Сталиным, и вероятность успешного «первого удара» была ничтожно мала. Столь же ничтожно мал был и запас атомных бомб; требовалось наладить ракетное производство, иначе слишком велик был риск, что самолет, несущий бомбу, будет уничтожен.

Хотя Черчилль и наметил несколько целей в советских городах, точных данных по расположению этих целей было немного, хотя подробные карты местности, особенно к востоку от Москвы, в распоряжении у него были. Сложность состояла в том, что все стратегические объекты — заводы по производству самолетов, боеприпасов и т.п. — были очень хорошо защищены. Самолет доставки В-29 имел радиус дальности полета около 2000 миль; так как он работал с авиабаз США, поражению могло подвергнуться лишь очень незначительное количество подобных объектов. Аль-

тернативой могло бы стать использование авиабаз на территории Европы — скажем, в Восточной Англии или в Фоджа, в Италии, но ни одна из этих баз не имела условий для хранения и погрузки атомных бомб³⁵.

На данном этапе никто не знал, какой эффект производит атомный взрыв в городе. Большинство японских населенных пунктов были застроены деревянными домами, так что предполагалось, что опустошение будет полным. Советские города с их основательными постройками могли избежать сильных разрушений.

Пока Япония и не догадывалась о своей судьбе, а вот Черчилль о своей был осведомлен достаточно хорошо. Он уже успел обсудить со Сталиным перспективы результата английских выборов, и насколько советский лидер мог судить, Черчилль и его партия должны были остаться на своем месте с перевесом примерно в 80 мест. Сталин не сомневался, что армия всегда проголосует за сильного премьера³⁶. 25 июля конференция была приостановлена. Черчилль, Иден и Эттли вылетели в Лондон, чтобы ознакомиться с результатами выборов. В Потсдам они должны были вернуться через пару дней, однако произошло непредвиденное.

Вспомнив довоенные недостатки Консервативной партии — а вовсе не достижения ее лидера во время войны — Англия обеспечила убедительную победу партии лейбористов.

Черчилль продемонстрировал колоссальную выдержку и силу воли, получив этот удар. Все его окружение было ошеломлено, хотя семья, и в особенности дочь Мэри, оказывала ему огромную поддержку. Мэри вспоминала последние выходные в резиденции премьер-министра в Чекерсе, когда семья в последний раз расписывалась в «книге для

посетителей»: «Этот увесистый том был полон имен людей, диктовавших судьбу войны, но теперь премьер-министр написал в нем всего одно слово: *Finis*»³⁷.

В Потсдаме потрясенный Сталин искренне не понимал, как это Черчилль не смог «исправить» положение. Результат выборов вызывал у Сталина искреннее беспокойство: теперь он потерял обоих своих партнеров. В апреле умер Рузвельт, сегодня со сцены сошел Черчилль. Эта потеря означала распад знаменитого триумвирата, и Сталин становился все более подозрительным, почти до одержимости, поскольку ему предстояло иметь дело с совершенно неизвестными, не прошедшими проверку временем лидерами³⁸.

В тот же день, пока английская делегация отсутствовала, на повестке дня возник вопрос о Польше. Для Трумэна дело казалось решенным:

«Россия одарила себя кусочком Польши, но дала взамен неплохой кусок Германии, одновременно урвав для себя и неплохой кусок Восточной Пруссии. Границы Польши на западе передвинулись до Одера и Нейсе, при этом включение в польскую территорию Штеттина и Силезии стало свершившимся фактом».

Просоветское временное правительство Польши поторопилось принять эти изменения и начало активно выгонять с захваченных территорий этнических немцев, однако ни Рузвельт, ни Черчилль на признание новых границ не соглашались³⁹.

В Потсдаме появились два новых официальных лица: Клемент Эттли, премьер-министр Великобритании от партии лейбористов, и его министр иностранных дел Эрнест Бевин. Это вызвало у Советов некоторое временное оцепенение. Молотов с подозрением отнесся к новым британским

лидерам и неоднократно интересовался у Эттли, почему он не знал о результате выборов заранее⁴⁰. Стиль новых лидеров разительно отличался от стиля Черчилля и Идена. Эттли не обладал столь яркой харизмой, однако блестяще готовил свои доклады. Бевин же вообще был полной противоположностью своего учтивого патриархального предшественника — и был только рад продемонстрировать это при любом удобном случае. Когда он вернулся из своей первой поездки в Америку, его осадили репортеры, жаждавшие узнать о первых впечатлениях от страны. «Каковы были ваши первые впечатления от Штатов?» — выкрикивали они наперебой. Бевин не замедлил с ответом ни на секунду: «Газеты слишком большие. А пипифакс — слишком маленький»⁴¹.

Однако если Бевину и не хватало утонченности Идена, во внешней политике он во многом продолжил его курс — в частности, продолжал сближение с США.

Он был ярким антикоммунистом и большую часть своей политической жизни сражался с коммунистическим влиянием в профсоюзном движении. Разумеется, Бевин прибыл в Потсдам полностью осведомленным о напряженности в отношениях между союзниками, и куда более проницательно оценивая амбиции Советов, нежели американцы⁴². Однако, несмотря на все несомненные таланты Бевина, он был не в ладах со многими товарищами по партии, желавшими видеть в Европе наличие «третьей силы» — социалистов, равноудаленных и от США, и от СССР. По сути своей Бевин был империалистом и считал, что лучшим способом защитить Империю станет военное, в том числе и атомное превосходство, в то время как Эттли связывал надежды на безопасность с усилением роли Организации Объединенных Наций. Следовательно, если бы Бевин и его советники

согласились с положениями плана операции «Немыслимое», им пришлось бы вступить в трудную борьбу с Эттли и подавляющим большинством лейбористов⁴³.

6 августа 1945 года специально оборудованный Боинг В-29 «Суперфортресс» с нежным именем «Энола Гэй» отправился в Хиросиму, чтобы доставить и сбросить на город «маленького уранового Малыша»⁴⁴. Целью бомбардировки стали порт, промышленный центр и крупный военный склад. Бомба падала 43 секунды, взрыв произошел на высоте 2000 футов, было разрушено 70 % зданий. По некоторым оценкам, погибло от 70 000 до 90 000 человек. Это было ужасно — но Трумэн не испытывал никакого раскаяния по поводу использования атомной бомбы и довольно резко отзывался о тех, кто такое раскаяние испытывал. Дж. Роберт Оппенгеймер, бывший ключевой фигурой в Манхэттенском проекте, выразил всего лишь сомнение по поводу этического аспекта применения атомного оружия — и был тут же уволен Трумэном за «нытье»⁴⁵.

После бомбардировки Хиросимы Япония попыталась склонить СССР к подписанию мирного договора, однако в ответ Сталин объявил Японии войну, и Красная Армия немедленно вторглась в Маньчжурию. На самом деле подобные действия вполне подпадали под решения Ялтинской конференции, но их стремительность стала прекрасным примером таланта Сталина к оппортунизму.

9 августа США сбросили вторую, более мощную, плутониевую бомбу на промышленный порт Нагасаки, убив свыше 50 000 мирных жителей. Тем не менее японские военные отказались сдаться, и понадобилось вмешательство — единственное за всю войну — императора Хирохито, чтобы японская армия капитулировала. Сдаться по приказу импе-

ратора не было бесчестьем и не означало «потерю лица». Он объявил, что война окончена, но ни разу не упомянул слова «поражение»; официально Япония капитулировала 2 сентября. Неудивительно, что это вызвало огромное облегчение у американских военных — сброшенная атомная бомба была пока единственной, еще несколько единиц должны были выпустить только через месяц. Таким образом, идею Черчилля о возможности угрожать Советскому Союзу уничтожением в 1945 году следовало считать очень большим допущением.

От войны с Японией Сталин получил несколько важных стратегических выгод, но и уступать свои территориальные проекты на Западе без боя не собирался. Всего через неделю после капитуляции Японии министр иностранных дел СССР Вячеслав Молотов вступил в жесткую полемику со своими западными коллегами по поводу признания советских правительств в странах Европы. Вероятно, именно в этот период обострения конфронтации с Западом Сталин получил особенно тревожные разведданные о намерениях Великобритании. Олег Царев, бывший журналист из КГБ, утверждает, что в сентябре 1945 года Сталин получил от своих очень высокопоставленных разведчиков первые сведения об английском послевоенном стратегическом плане. «Безопасность Британской Империи» — меморандум, подготовленный в послевоенное время Штабом планирования и датированный 29 июня 1945 года, лег на стол Сталину⁴⁶.

Это был не столь подробный план, как «Немыслимое»; кроме того, он не включал упоминаний о США — и все же это был в высшей степени секретный документ, раскрывающий стратегические планы Великобритании. В руки Сталина попало много подобных документов, поскольку к концу

войны в самом сердце Уайтхолла работали советские агенты высочайшего уровня, в том числе — знаменитый Ким Филби. Он возглавлял IX отдел SIS, занимавшийся советской и коммунистической деятельностью в Великобритании, и имел возможность передавать НКВД важнейшие документы. Один из его коллег позже признавался, что Филби «обеспечил такую ситуацию, когда все послевоенные попытки противостоять коммунистическому шпионажу становились известны в Кремле. История разведки знает очень немного — если вообще знает — сопоставимых по мастерству разведопераций»⁴⁷.

Кроме Филби в Англии работали и другие высокопоставленные агенты, передававшие сведения Сталину. Джон Кернкросс, ранее работавший в радиоразведке на Блетчли-Парк, — еще один офицер SIS, ставший предателем. В мае 1945 года он работал в Первом отделе, занимавшемся политической разведкой.

Энтони Блант, сотрудник MI-5 во время войны, также оказал советской разведке неоценимую помощь и, по словам советского начальника Отдела внешней разведки, «осуществил для нас огромную, титаническую работу»⁴⁸.

Он также успешно подготовил субагента, Лео Лонга, служившего в военной разведке во время войны, а затем оставшегося в качестве «крота» в британской Контрольной комиссии в Германии, а затем дослужившегося до должности заместителя директора разведки.

У НКВД были «кроты» и в Министерстве иностранных дел Великобритании:

«Дональд Маклин был первым секретарем британского посольства в Вашингтоне — традиционный пост для разведчиков, нуждающихся в дипломатическом прикрытии. Дру-

гим агентом был Гай Берджесс, уволившийся из корпорации ВВС в июне 1944 года, чтобы занять пост в отделе печати МИД. По свидетельству бывшего агента КГБ Василия Митрохина, в период с января по июнь 1945 года Берджесс передал русским копии 389 документов МИД с грифом «Совершенно секретно». Он регулярно выносил из своего кабинета портфель с документами и передавал их советскому куратору в парке. Однажды он и его куратор были даже задержаны полицейскими, которые решили, что в пухлом портфеле хранятся краденые вещи, — однако Берджесс быстро сумел убедить их, что при нем нет никаких орудий для взлома. Полицейские извинились перед ним и его молчаливым другом...⁴⁹

В июле 1945 года, после избрания на пост премьера Эттли, Берджесс получил даже больший доступ к секретным документам, поскольку был назначен помощником Гектора Макнейла, парламентского представителя министра иностранных дел.

Неизвестно, получал ли Сталин когда-либо сведения о деталях строго засекреченного плана операции «Немыслимое», но подробную информацию о послевоенных разработках британских аналитиков он, безусловно, имел. Эту информацию передал русским Дональд Маклин, проходивший в советской разработке под кодовым именем «Гомер». Он же регулярно предоставлял Советам полные копии телеграмм, которыми обменивались Черчилль и Трумэн — в них часто содержались тактические сведения и подробное изложение аргументов по составу польского правительства. Вследствие этого Сталин был прекрасно осведомлен о разногласиях между США и Великобританией по поводу Польши, а также об их тревожных предположениях о судьбе шестнадцати лидеров польского подполья⁵⁰.

9. АМЕРИКАНСКИЕ ЯСТРЕБЫ

Осенью 1945 года настала очередь американцев играть роль «ястребов» в противостоянии со Сталиным. США наконец-то занялись разработкой своей послевоенной стратегии, поскольку до этого не было отмашки от президента — в отличие от того, как Черчилль инициировал разработку операции «Немыслимое».

Американский Генштаб взял инициативу разработки таких планов на себя. На первом этапе планы не содержали подробной разработки конкретных операций — в них проводилась общая оценка военных возможностей США, а также требования к оснащению и расположению военных баз и объему запасов вооружения. Активно обсуждалась тема «Новые виды вооружения и контрмеры против возможной агрессии» — в ней особое внимание уделялось потенциалу атомных бомб и управляемых ракет¹.

Эксперты пришли к выводу, что пока применение новых видов вооружений имеет слишком серьезные ограничения, чтобы существенно влиять на общую стратегию и военную доктрину США, поскольку к тому времени радиус действия ракет типа «Фау-2» не превышал 1000 миль, а доступные для производства атомные бомбы были не настолько компактны, чтобы вмещаться в артиллерийский снаряд или морскую торпеду.

Таким образом, по мнению экспертов, эти виды вооружения могут всего лишь дополнять обычное оснащение армии, и идея применения атомных в качестве сдерживающего фактора пока не актуальна. Тем не менее даже полный паралич промышленного потенциала страны никак не повлияет на исход атомной войны, так как эта война закончит-

ся стремительно, до того, как остановятся промышленные предприятия.

К концу 1945 года стратегический план, изящно замаскированный разговорами о «сохранении мира во всем мире», был представлен сначала Объединенному комитету начальников штабов США, а затем и на одобрение президенту².

Разработка более детальных оперативных планов на случай крупного конфликта с СССР должна была занять не менее нескольких месяцев. Американцы не консультировались со своими британскими коллегами; как отмечал Гарри Гопкинс, «если бы вы слышали, как некоторые отзываются об англичанах — вы бы решили, что речь идет о нашем потенциальном противнике»³.

Впрочем, для некоторых американцев именно так дело и обстояло. Генерал-майор Фрэнсис Дэвидсон из британского Генштаба осенью 1945 года посетил США — и был буквально атакован журналистами, желавшими узнать об «империалистических планах Британии в отношении Индонезии». Подобная агрессивная риторика могла бы исходить скорее от Кремля. Впрочем, отношения между американскими и английскими военными оставались на более сердечном и доверительном уровне. Осенью и зимой 1945 года сотрудничество между двумя армиями усилилось, был налажен обмен разведданными, касающимися размещения советских войск. Постепенно, в результате постоянных проверок секретных досье и по мере получения подтверждений от агентов, разведка США начала реально оценивать масштаб советской угрозы⁴.

В октябре и ноябре 1945 года Объединенный комитет начальников штабов США сообщил, что текущий советский военный потенциал составляет более 60 наступательных

пехотных дивизий, 25 000 танков и 60 000 единиц крупнокалиберной артиллерии. Был сделан вывод, что Советский Союз может с легкостью захватить Западную Европу и Ближний Восток в период примерно до 1948 года; этот тревожный вывод заставил Объединенный разведывательный комитет просчитать эффект блокирования подобной угрозы путем активизации производства и развертывания ядерного оружия.

Согласно первоначальному плану упреждающего удара по Советскому Союзу были выбраны 20 советских городов, которые должны были стать мишенями атомных бомбардировок, — эксперты не имели доступа к большей части американских атомных секретов, и потому не располагали сведениями о точном количестве атомных бомб, имевшихся в наличии⁵.

В ноябре 1945 года Госдеп был крайне встревожен известиями о том, что советские военнослужащие, переодетые в гражданское, способствовали перевороту в иранском Азербайджане с целью дальнейшей аннексии этой смежной с СССР области⁶. Комитету начальников штабов было дано распоряжение в кратчайшие сроки произвести переоценку американского военного потенциала, учитывая «Советскую агрессивную политику» — это свидетельствовало о том, что теперь уже США спешно готовились к войне с Советским Союзом⁷.

2 марта 1946 года Объединенный комитет военного планирования США разработал проект операции «Пинчер» — практически это был аналог британской операции «Немыслимое». Правда, Польша больше не была *casus belli*. Теперь следовало учитывать, что за прошедший период СССР создал кольцо государств-сателлитов вдоль своих границ,

и предполагаемый конфликт станет следствием попытки Советского Союза включить в это кольцо еще больше стран. В частности, «Пинчер» рассматривал возможность обострения ситуации на Ближнем Востоке, в результате которого пострадают американские или британские интересы. Возможны были также инциденты в Турции или Иране, которые могли вынудить западных союзников нанести ответный удар и таким образом развязать Третью мировую войну.

Первоначально план предусматривал столкновение где-то между 1946 и 1949 гг., но в 1946 году напряженность настолько возросла, что этот промежуток резко сократился. Американский план стал выглядеть так, словно его составители глядят в бездну, стоя на ее краю. Разумеется, они понятия не имели об утечке информации через Дональда Маклина и о том, что на самом деле было известно Советам о планах США по «удару возмездия» в случае враждебных шагов против Турции. Вполне возможно, что именно эти сведения заставили Сталина отказаться от вторжения в Турцию в 1946 году, что, собственно, и способствовало постепенному ослаблению кризиса⁸.

С большим опозданием президент Трумэн заговорил о советской политике в отношении Польши как о «возмутительной». Эта жесткость высказываний, скорее всего, была следствием наращивания Америкой «атомных мышц» — в любом случае, внешняя политика США стала намного жестче буквально в течение месяца⁹.

В феврале 1946 года Джордж Кеннан послал свою знаменитую «Длинную Телеграмму» из американского посольства в Москве — в Вашингтон. Это можно считать конструктивным моментом, поскольку, по признанию самого Кеннана, «это были годы колоссального напряжения, по-

скольку я постоянно наблюдал, как наше правительство делает Советам уступку за уступкой». Казалось, и правительству США, и американскому обществу требовалось дозреть до осознания советской военной угрозы¹⁰.

Это была уже не та администрация, что постоянно меняла свою политику в угоду Сталину. Опасения Черчилля в отношении советского господства весной 1945 года безнадежно устарели к началу 1946 года, если говорить о настроениях в МИДе Великобритании. Средиземноморье, Турция и Иран были все еще уязвимы, территории Северной Италии оставались спорными. Точно так же оставались опасения, что во Франции придет к власти просоветская Французская коммунистическая партия. Если бы разразился конфликт с Западом, Сталин ни на секунду не задумался бы, чтобы поддержать коммунистическое восстание во Франции; за ним почти наверняка последовали бы аналогичные перевороты в Бельгии и в Испании¹¹.

Самым же большим страхом Британии оставался триумфально шествующий по Европе коммунизм, «подпитываемый немецкой экономической мощью» — что подтверждали и эксперты.

Россия, вне всякого сомнения, учитывала усталость Штатов и Великобритании от войны, как и то, что они столкнулись с серьезными внутренними проблемами и были вынуждены провести ускоренную демобилизацию. Для сравнения, в самой России все производство и экономика по-прежнему ориентировались на военное положение. Никакой демобилизации не проводилось, Россия по-прежнему была в состоянии мгновенно выставить боеспособные дивизии и в срочном порядке оснастить их современным оружием¹².

Черчилль, которого теперь не сковывали рамки официальной должности премьера, по-прежнему оставался государственным деятелем мирового уровня. Он не мог не чувствовать, как на Западе нарастают реалистичные и прагматичные настроения. 5 марта 1946 года, отдавая дань этим настроениям, он произнес свою знаменитую речь в Фултоне, штат Миссури — во время турне по США. В этой речи он снова предупреждал об опасности амбиций Советского Союза и упомянул «железный занавес», который опускается над Европой. Он напоминал американскому народу, что Запад не может позволить себе недооценивать Советский Союз, поскольку такая политика может стать катастрофой в грядущей войне, а в сегодняшних, послевоенных реалиях будет расценена Сталиным как слабость¹³.

Если не считать несколько преувеличенного пафоса этой речи, британская пресса и публика отнеслись к словам экс-премьера вполне благосклонно. Это было довольно удивительно — ведь в Англии люди повсеместно испытывали чувство глубокой благодарности к русским и от души сочувствовали колоссальным жертвам, которые СССР понес в этой войне. Разумеется, подобные настроения отчасти подпитывались пропагандой со стороны английского правительства, еще с военных времен оставшейся довольно-таки просоветской. Было почти нереально предположить, что уже меньше года спустя, общественное мнение будет считать вполне «справедливым» нападение на СССР.

Невзирая на любые протесты со стороны Запада, влияние Сталина на Восточную Европу продолжало стремительно расти. В марте 1946 года советское Министерство внутренних дел отчиталось о ликвидации 8360 бандитов на территории Украины. В это же время с территорий но-

вых Прибалтийских советских республик — Латвии, Литвы и Эстонии — было депортировано около 100 000 человек¹⁴.

Пока бандитов и врагов советской власти уничтожали и грузили в вагоны для отправки на восток, Сталин ответил на речь Черчилля в Миссури, назвав бывшего премьера «поджигателем войны». Однако для США взгляды Черчилля уже не выглядели столь уж радикальными и не рассматривались в качестве препятствия для улучшения отношений со Сталиным. Всего за несколько дней до Фултонской речи эксперты в США завершили работу над планом операции «Пинчер». Политика США в отношении СССР повернулась на 180 градусов:

«Целесообразно подчеркнуть важность военной подготовки страны и демонстрации такой твердости и решимости, чтобы Советский Союз, поняв их степень, не стал бы подталкивать мир к тому, что в конечном итоге приведет к войне»¹⁵.

Американский аналог плана операции «Немыслимое» включал следующие подсчеты: весной 1946 года в распоряжении Советов находились: 51 дивизия в Германии и Австрии, 50 дивизий на границах с Ближним Востоком и 20 дивизий в Венгрии и Югославии. Эти силы (121 дивизия) поддерживались резервом из 152 дивизий, расквартированных на территории СССР и 87 дивизий на территории государств-сателлитов на территории Восточной Европы. В случае советской атаки, скорее всего, менее, чем за месяц, будет захвачена вся Западная Европа, в том числе порты и каналы в Нидерландах. Одновременно будет произведена атака в Италии и на Ближнем Востоке. В разгар наступления явно превосходящих сил противника (по подсчетам экспертов — соотношение 3 к 1 в пользу Советов) амери-

канским войскам рекомендовано отступление в Испанию и Италию, чтобы избежать полного разгрома на территории Европы. Возможно, Красная Армия предпримет вторжение и в Испанию, в попытке блокировать Западное Средиземноморье — в этом случае американские силы должны быть срочно свернуты и переброшены в Великобританию.

Поскольку Великобритания считалась наиболее ценной базой, Германия, Австрия, Франция и страны Бенилюкса буду принесены в жертву ради сохранения основных сил. На Ближнем Востоке отступление будет происходить вдоль жизненно важной оси обеспечения обороноспособности сил союзников — Суэцкого канала

Таким образом, совершенно неудивительно, что американские военные эксперты считали главной целью политики сталинского режима «доминирование над миром»¹⁶.

Разумеется, сопротивление предполагалось — но не раньше, чем Красная Армия успеет захватить Западную Европу, Балканы, Турцию и Иран, а на Дальнем Востоке падут Южная Корея и Маньчжурия.

Хотя «Пинчер» не особенно вдавался в подробности, в нем было указано, что США и их союзники предпримут массированные воздушные атаки с оставшихся баз в Великобритании, Египте и Индии, а также продолжат спешно наращивать запас атомных бомб, хотя использование этого оружия по-прежнему не рассматривалось в качестве «оружия победы».

Между тем ВМС США будут стремиться к блокаде СССР и уничтожению его флотов, поскольку это могло бы позволить восстановить частичный контроль над Западной Европой путем использования морских путей через Средиземноморье¹⁷.

Одной из незаживающих ран Европы, которая, вероятно, могла бы ускорить начало операции «Пинчер», оставалась нерешенная проблема области Венеция-Джулия — спор за нее между Тито и Западом так и не был разрешен. Совокупность этих откровенно пугающих фактов вынудила американских и английских военных впервые собраться на совместное обсуждение перспектив Третьей мировой войны. План операции «Немыслимое», предполагавший атаку на Советский Союз уже 1 июля 1945 года, так и не вышел за рамки узкого круга посвященных, куда входили премьер-министр Черчилль и члены Объединенного комитета начальников штабов, а также Объединенного штаба планирования. Аналогичным образом план операции «Пинчер» изначально был известен только Объединенному комитету начальников штабов, экспертам и главнокомандующему. Однако 30 августа 1946 года фельдмаршал Генри «Джамбо» Мейтленд Уилсон, представлявший британскую сторону, присутствовал на обеде, данном его американскими коллегами. Отчитываясь затем своему Комитету, Уилсон смог убедить начальников штабов, что и англичане, и американцы должны быть в равной степени готовы к риску вооруженного конфликта в области Венеция-Джулия, который неминуемо столкнет два противоборствующих блока, независимо от их желания.

Военные пришли к выводу, что в случае конфликта в регионе Венеция-Джулия совершенно бессмысленно иметь развернутый план по отправке в регион крупных соединений, поскольку такое столкновение неминуемо распространилось бы по всей Европе. Польша к концу 1946 года вообще больше не рассматривалась в качестве военного союзника, хотя и должна была находиться в самом центре военной активности¹⁸.

По иронии судьбы руководители США сейчас обсуждали то, что Черчилль предсказывал полтора года назад, когда отдавал распоряжение о планировании операции «Немыслимое». Президент Трумэн даже назначил специального советника, Кларка Клиффорда, которому было поручено официально заявить о растущей советской угрозе, на том основании, что Сталин якобы считал невозможным «долгое перемирие» между марксизмом и капитализмом, так что единственным исходом этого противостояния становилась война¹⁹.

Во время англо-американских переговоров на высшем уровне даже новый начальник Генштаба США, Эйзенхауэр, говорил о создании плацдарма союзников в Европе — о том же говорилось и в плане операции «Немыслимое». В случае предполагаемого советского нападения он настаивал на выводе войск на плацдармы в Нидерландах. Как и говорил Черчилль, этот маневр лишил бы противника возможности проведения ракетных атак на Великобританию, а также обеспечил бы союзникам надежную поддержку и связь с тылом все в той же Англии.

Великобритания будет иметь огромное стратегическое значение для ВВС союзников, хотя американцы и уточняли, что на британских базах придется удлинить взлетно-посадочные полосы, чтобы иметь возможность разместить эскадрильи В-29. Представители ВМС выступали за повторную оккупацию Исландии, чтобы расширить регион охвата морскими силами союзников.

Итак, когда консенсус был достигнут, встреча завершилась — однако прежде было принято единогласное решение о высочайшем уровне секретности и беспрецедентном ограничении допуска ко всем принятым документам. Аме-

риканцы были готовы идти еще дальше и создать объединенное командование англо-американских сил, поскольку уже считали советскую агрессию «неминуемой»²⁰. Однако вскоре после этих переговоров в детали плана были посвящены другие высокопоставленные английские военачальники. 16 сентября маршал Монтгомери, якобы прибывший в США с частным визитом, встретился с Эйзенхауэром и Трумэнном, чтобы обсудить военные планы Запада.

Телеграфируя отчет о переговорах премьер-министру Эттли, Монтгомери подчеркивал важность плана и то, что он «предназначен исключительно для глаз премьер-министра».

«Насколько мне известно, здесь никто, никто не знает о предмете обсуждения!» Монтгомери снова и снова подчеркивал: «Все согласны, что высшая степень секретности является в данном случае жизненно необходимой».

Чтобы как-то оправдать свои таинственные поездки и скрыть факт встречи с американскими планировщиками, англичане использовали в качестве предлога «работу над отчетом об уроках недавней войны». Волновались даже о том, что массивная фигура «Джамбо» Уилсона будет сразу заметна на борту яхты, где происходила встреча с американскими военными. Более того, совершенно серьезно принимающей стороне задавался вопрос: должны ли английские военные прибыть в своей форме, или в штатском. К счастью, отказались от идеи устраивать в качестве прикрытия «коктейльные вечеринки»²¹.

И все же казалось, что к вопросам безопасности США отнеслись легкомысленно. Англичане были в ужасе, узнав, что секретари военных ведомств Госдепа и Департамента ВМС также в курсе обсуждаемых проблем, благодаря чему

осведомленность других сотрудников Госдепа о деталях плана становилась лишь вопросом времени. Вполне возможно, что британская служба безопасности уже знала или подозревала об утечках информации из Госдепа и боялась худшего. Эттли — точно боялся. Обращаясь к фельдмаршалу Уилсону, он говорил: «Вопросы, поднимаемые в настоящее время, имеют первостепенное значение и огромную ценность, так что любая утечка будет иметь самые серьезные последствия»²².

В октябре 1946 года к разработке планов подключились канадцы, их представитель встречался с английскими и американскими планировщиками в Лондоне. Обсуждались плацдармы и состав военно-морских сил, которые должны были эвакуировать войска США и Великобритании из континентальной Европы в случае продвижения Красной Армии на запад. Еще одной актуальной проблемой оставался вопрос о Греции и Турции, а также вопрос о «стандартизации оружия и оборудования для США, Великобритании и Канады»²³.

План операции «Пинчер» претерпевал серьезные изменения в течение лета 1946 года, и хотя американцы заверяли, что основная часть остается актуальной, все конкретные ссылки на использование атомных бомб при посредстве стратегических бомбардировщиков были по-прежнему из плана исключены. Как и в случае с «Немыслимым», при рассмотрении начальных стадий предполагаемого конфликта существовало слишком много переменных. Одним из постоянных вопросов, требующих решения, оставался вопрос о демобилизации, поскольку вместе с миром в обществе окрепли настроения типа «пусть наши мальчики вернутся домой как можно скорее». Кроме того, содержание боль-

шой армии требовало и больших, вернее, огромных затрат. В связи с этим к июню 1946 года численность вооруженных сил США, к концу войны насчитывавших более 12 млн человек, сократилась до менее, чем 3 млн человек²⁴.

Госсекретарь Джеймс Бирнс был крайне обеспокоен этим обстоятельством и жаловался:

«Люди, которые громче всех требовали от меня занять твердую позицию в отношении России, принялись еще громче голосить о необходимости скорейшей демобилизации армии».

Мощь советской брони и пехоты была настолько велика, что, пока шло сокращение американской армии, планировщики констатировали: союзные сухопутные войска не будут иметь достаточно сил для противодействия Советам в течение по крайней мере ближайших трех лет. Единственную надежду на превосходство над русскими давали ВВС — если предположить, что они смогут наносить массированные бомбовые удары по «индустриальному сердцу России»²⁵.

Было бы нереалистично полагать, что о Советском Союзе можно было бы забыть уже к 1946 году. Даже осенью этого года в распоряжении США было всего 9 атомных бомб: два «Толстяка» — Марс-III — были предназначены для проведения испытаний вне территории США, остальные семь хранились на секретных военных базах в Штатах. До территории Советского Союза их мог доставить только В-29 «Сильвер Плейт», должным образом модифицированный под атомные бомбы, — однако для него еще не были обучены и подготовлены экипажи и служба для самих бомб. Кроме того, к мирной жизни вернулись и ученые, в связи с чем производство урана и плутония резко

сократилось. Впрочем, так же резко оно и возросло — в течение нескольких следующих лет, так что к моменту первых советских ядерных испытаний у США был накоплен запас около 400 атомных бомб.

Несмотря на абсолютное и вполне комфортное атомное превосходство, высшее командование на Западе не испытывало никаких иллюзий насчет последствий новой мировой войны. Сэр Артур «Бомбер» Харрис писал:

«Мое участие в третьей мировой сведется к тому, что я буду уничтожен»²⁶.

Пока Британия и США готовились к противостоянию с Советским Союзом, Польша как-то выскользнула из поля всеобщего внимания — и списка приоритетных обсуждений. В сочельник 1946 года «шестнадцать поляков», с которыми были связаны последние надежды на будущее демократии в Польше, томились в разных советских тюрьмах. Один из самых одиозных лидеров прошлого, генерал Окулицкий, доживал свои последние часы в Бутырской тюрьме в Москве.

Его исчезновение вместе с другими членами польского подполья в апреле 1945 года очень много сделало для нагнетания атмосферы страха в Польше. Вероятнее всего, он был убит НКВД или умер в результате голодовки от сердечного приступа и паралича (успев, правда, послать Сталину письмо с предложением политического сотрудничества. Сталин на письмо не ответил, Окулицкий начал голодовку. — *Примеч. перев.*); по некоторым подсчетам, в период между 1944 и 1947 годами в советские лагеря ГУЛАГ было депортировано до 50 000 поляков, в том числе — бывших военнослужащих Армии Крайовой²⁷.

Весной 1946 года Объединенный комитет начальников штабов констатировал, что Советский Союз отдает наивыс-

ший приоритет «наращиванию военного потенциала, своего и государств-союзников, с тем чтобы иметь возможность нанести поражение западным демократиям». Для борьбы с предполагаемыми советскими планами мирового господства Запад должен был, в числе прочих задач, обеспечить военную и экономическую помощь государствам, находящимся на линии разграничения — Греции, Турции и Ирану²⁸.

Итак, противостояние послевоенного Запада и Советского Союза продолжалось, и эта затяжная ситуация стала известна как «холодная война». Выборы 1947 года в Польше были должным образом подкорректированы, и к власти окончательно пришло коммунистическое правительство. Однако польское правительство в изгнании продолжало свое существование в Лондоне, даже несмотря на то, что коммунистическая Польша была признана во всем мире. На самом деле, оно просуществовало вплоть до 1991 года, когда в Польше окончательно утвердилось первое посткоммунистическое правительство.

До конца 40-х годов «холодная война» то тлела, то разгоралась отдельными локальными конфликтами, такими, как блокада Берлина советскими войсками с целью отрезать Западу доступ в немецкую столицу. Запад в ответ организовал поставки в осажденный Берлин, и в 1949 году Советы были вынуждены отступить. Впрочем, этот год следовало считать знаменательным по совсем иным причинам: Советский Союз разработал и испытал собственную атомную бомбу. Баланс сил снова сместился.

Операция «Немыслимое» могла бы остаться незаметной сноской в истории «холодной войны», если бы не странный инцидент, произошедший в 1954 году между Черчиллем и Монтомгомери и угрожавший разглашению скандального плана.

Во время довольно сдержанной речи в округе Вудфорд Черчилль неожиданно заявил, что в 1945 году маршал Монтгомери получил от него приказ сохранить немецкое оружие и быть готовым передать его в руки «тех немецких солдат, с которыми нам предстояло бы сотрудничать, если бы русские продолжили наступление».

Заинтригованная пресса осадила Монтгомери, требуя комментариев, в результате чего завязалась довольно жаркая дискуссия, отдавал ли Черчилль такой приказ на самом деле. Советская пресса немедленно ухватилась за комментарии фельдмаршала и начала «крестовый поход против Черчилля», после чего критические статьи появились и в британской, и в американской прессе²⁹.

Chicago Tribune атаковало Черчилля и его политику военных лет броскими заголовками передовиц: «Глупость олимпийского масштаба!» Собственно, весь эпизод получился как бы из ничего — но более рациональные наблюдатели начали задаваться вопросом — почему это в разгар «холодной войны» премьер-министр якобы случайно проговаривается насчет такого неоднозначного плана, как план нападения на Советский Союз? Генерал-майор сэра Эдвард Спирс выступил в защиту Черчилля:

«Это полный абсурд! *The Times* ведет себя так, словно сэра Уинстон обращался за помощью к Гитлеру, чтобы воевать с Россией. Но Гитлер не имел к этому отношения!»³⁰

Впрочем, премьер-министр довольно быстро утихомирил эту бурю, признав, что не может найти соответствующую телеграмму и, скорее всего, давал Монтгомери устное распоряжение. Позднее, в частных беседах он признавался: «В Вудфорде я сваял дурака...»³¹

ЭПИЛОГ

Возможно, операция «Немыслимое», предложенная Черчиллем весной 1945 года, и стала полной неожиданностью для английских военных, посвященных в эту тайну, — но для Польши это была последняя надежда на освобождение. В военном же отношении «Немыслимое» означало лишь бесконечную и глобальную катастрофу.

Тем не менее уже через год все военные планы вернулись на столы разработчиков, Англия и Америка всерьез задумались о советской военной угрозе.

Что касается коммунистического господства и порабощения Восточной Европы, то именно некоторые западные лидеры позволили Сталину считать, что это «дело решенное». «Неудобный документ» Уинстона Черчилля, в котором черным по белому расписывались в процентах сферы влияния великих держав в послевоенной Европе, безусловно, способствовал укреплению уверенности Сталина в своей безнаказанности. Госсекретарь США Бирнс никогда не спорил со своим советским коллегой Молотовым, а вся внешняя политика США того времени была скорее политикой компромисса, а не вызова. Послевоенная политика Штатов была больше направлена на недопущение возрождения империй, а не на сопротивление диктаторам.

Между тем для Черчилля «Немыслимая война» против Советского Союза была чем-то вроде попытки оправдаться

перед Польшей, а также результатом разочарования в Сталине, то и дело обманывавшем ожидания своих бывших союзников. Даже уже распознав угрозу, исходящую от Сталина, Черчилль потратил еще целый год, чтобы убедить в этом американцев. Видя, что Америка придает куда большее значение Тихоокеанскому театру военных действий, нежели Европейскому, Черчилль совершенно справедливо опасался, что Англия в 1945—1946 гг. окажется в изоляции. Более того, Штаты продолжали игнорировать угрозы до тех пор, пока Сталин не начал делать агрессивные жесты в сторону Турции и Ирана. Казалось, что он хочет сохранить контроль над ними, сделав их буфером между СССР и Западом на Ближнем Востоке, наподобие того, как он использовал государства Восточной Европы.

Сталину, вероятно, казалось, что Западную Европу не так уж трудно контролировать. В конце концов, ее экономика находилась в плачевном состоянии, правительства были слабыми, почти во всех странах сохранялась большая вероятность коммунистических переворотов. Тем не менее Западу очень не хотелось исправлять все эти недостатки военными методами.

Аналитики и планировщики не могли предвидеть масштаб проблем, с которыми армии союзников столкнулись в 1945 году в Европе — не в последнюю очередь к таким проблемам относились бесчисленные толпы беженцев, идущих на Запад, или голод, разразившийся по всей Восточной Европе. По большей части такое неведение объяснялось бессилием западной разведки перед советскими спецслужбами¹.

За последующие годы стало понятно, что Советский Союз тоже готовился к предполагаемому вторжению со сто-

роны Запада — доказательством этого стало создание блока стран Варшавского Договора. Самый ранний из известных советских военных планов датируется 1951 годом и демонстрирует, как отреагирует на подобное вторжение чехословацкая армия. Также в нем подробно изложено, как чехи могут осуществлять наступательные действия в Западной Германии — однако только под советским командованием.

В этих ранних советских планах не упоминается «атомный фактор», однако совершенно ясно, что Красная Армия и ее союзники могли с легкостью перейти в наступление по всей Европе, не имеющей собственного атомного оружия².

Возможность быстрой и победоносной войны против Советского Союза разработчиками «Немыслимого» была в конечном счете исключена. Однако что, если у них не оставалось иного выхода, кроме как атаковать? Если бы один из локальных конфликтов вспыхнул в Польше, Австрии, Венеции-Джулии, а затем перекинулся бы на территории, контролируемые союзниками, — смогли бы они выстоять? Следовало им оставаться на своих позициях — или контратаковать и тем самым вызвать на себя советские войска из Восточной Германии?

Теперь уже неважно, кто бы начал эту войну. Современный читатель может сам оценить в ретроспективе очевидное безумие плана, по которому один из недавних союзников, едва закончив одну мировую войну, почти немедленно начинал другую. Впрочем, через год после окончания Второй мировой войны и американцы взялись за подготовку аналогичного плана, пребывая в состоянии повышенной боеготовности на протяжении всей «холодной войны». К тому времени в планах уже было учтено ядерное оружие, хотя в то время оно рассматривалось лишь в качестве дополне-

ния к обычному вооружению, а не главного оружия войны нового типа.

Сколько потребовалось бы атомных бомб, чтобы сломить волю Сталина, никто никогда так и не узнал. Успех американских ядерных испытаний в июле 1945 года на короткое время вселил в Черчилля уверенность, что Советский Союз можно победить силой. Однако его отставка всего несколькими неделями позже поставила крест на возможности реализации операции «Немыслимое».

Эту эстафету подхватили американцы — и несут ее до сих пор, хотя в наши дни в вопросе, откуда исходит угроза западному миру, уже нет той ясности, какая была в 1945 году.

ГЛОССАРИЙ

АК — *Armia Krajowa*, Армия Крайова, польская националистическая армия. Финансировалась из Лондона.

DSZ — *Delegatura Sił Zbrojnych*, наследница «Неподлеглости». Образована в мае 1945 года, распущена в августе того же года. Цель — собрать воедино все подпольные бандформирования, противостоящие Красной Армии на территории Польши.

LWP — *Ludowe Wojsko Polskie*, или Гвардия Людова, Народная армия Польши.

Nie — *Niepodleglo* ('Нет!'). Образована весной 1944-го, распущена в мае 1945-го.

НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности СССР.

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР.

Narodowe Sily Zbrojne (Национальные вооруженные силы). Националистическое движение, созданное в сентябре 1942 года. Частично объединилось с АК в 1944 году, пережило войну, было разгромлено в начале 1950-х годов.

Polski Komitet Wyzwolenia Narodowego (Польский комитет Национального освобождения). Он же Люблинский Комитет. Впоследствии составил костяк Временного правительства Польши.

Polska Partia Robotnicza, PPR (Польская партия трудящихся). Впоследствии — Коммунистическая партия Польши.

СМЕРШ — «смерть шпионам», ряд независимых друг от друга советских контрразведывательных организаций, действовавших в годы Великой Отечественной войны.

СССР — Союз Советских Социалистических Республик.

Wolno's'c i Niezawislo's'c, WiN (Freedom and Independence). Наследница «Неподлежности». Летом 1945 года стала крупнейшей антисоветской подпольной организацией в Польше. Ликвидирована силами национальной госбезопасности в конце 1947 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Winston S. Churchill, *The Second World War. Volume VI. Triumph and Tragedy* (Cassell, London 1954).

2. По иронии судьбы, Черчилль предвидел конфликт между Востоком и Западом еще в 1889 году, учась в Харроу. Там он написал эссе, сопроводив его начерченными от руки картами, о воображаемой войне между Великобританией и Россией, которая должна разразиться 7 июля 1914 года. Во времена, когда писалось это эссе, Россия считалась главным соперником Англии. См. Harrow School records, Cabinet War Rooms, London.

3. James Leasor, *War at the Top. Based on the Experiences of General Sir Leslie Hollis* (Michael Joseph, London 1959), стр. 284. Также James Schnabel, *The History of the Joint Chiefs of Staff. The Joint Chiefs of Staff and National Policy, Volume I, 1945—1947* (Michael Glazier, Wilmington 1979), p. 21.

4. Mark Harrison, *Accounting for War. Soviet Production, Employment and the Defence Burden 1940—1945* (Cambridge University Press, Cambridge 1996), p. 15. По официальным оценкам, количество погибших колебалось в зависимости от того, кто был у власти. При Сталине — 7 млн человек, при Хрущеве и Брежневе — 20 млн человек. По мнению

профессора Ричарда Овери, вероятная цифра потерь — свыше 25 миллионов человек. См. Richard Overy, *Russia's War* (Penguin, London 1999), p. 287—289.

5. О советской угрозе Западу см. R.H. Bruce Lockheart, 11 April 1945, Char 23/14, Churchill Archive Centre, Churchill College, Cambridge (hereafter CAC); также Vladislav Zubok and Constantine Pleshakov, *Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev* (Harvard University Press, Cambridge MA 1996), p. 39.

6. Winston S. Churchill (здесь и далее WSC) to President Truman, 12 May 1945, PREM 3/473. См. также Char 20/218, CAC.

7. Lord Moran diary, 6 September 1945, в книге *Winston Churchill. The Struggle for Survival 1940—1956* (Constable, London 1966), p. 299.

8. Martin H. Folly, *Churchill, Whitehall and the Soviet Union 1940—45* (Macmillan, London 2000), p. 138.

1. СТРАХ, О КОТОРОМ МОЛЧАТ

1. Правительство США недавно открыло доступ к документам национальных архивов US National Archives and Records Administration (здесь и далее NARA), из которых ясно, что разведка США знала и о преступлении, и об исполнителях. Два американских военнопленных стали свидетелями того, как немцы вскрыли могилы. Отчет был послан в США, но Рузвельт не дал ему ход из боязни рассердить Сталина. Позднее немцы говорили о 4421 поляке, расстрелянном в Катыни. Якобы одновременно проходили массовые расстрелы поляков в Харькове (3820 чел.), Осташкове (6311 чел.) и «различных лагерях военнопленных», сведений о которых не приводится, зато точная цифра (7305 чел.)

почему-то известна автору. См. Jonathan Walker, *Poland Alone. Britain, SOE and the Collapse of the Polish Resistance 1944* (The History Press, Stroud 2008), p. 47.

2. Польская администрация в изгнании состояла не только из представителей Армии Крайовой, но и из представителей прессы, культуры, образования, а также большого штата чиновников. См. Jonathan Walker, *Poland Alone. Britain, SOE and the Collapse of the Polish Resistance 1944* (The History Press, Stroud 2008).

3. FM Lord Alanbrooke diary, 27 July 1944, Alanbrooke Papers, ref. 5/1/9, Liddell Hart Centre for Military Archives, King's College, London (здесь и далее LHCMA).

4. 'Effect of Russian Policy on British Interests', 17 February 1944, FO 371/43384, National Archives, Kew, London (hereafter NA).

5. Alanbrooke diary, 2 October 1944, Alanbrooke Papers, ref. 5/1/9, LHCMA; см. также 'Effect of Russian Policy on British Interests'.

6. См. Cavendish Bentinck notes on JIC report, 18 December 1944, FO 371/47860, NA. Также Victor Rothwell, *Britain and the Cold War 1941—1947* (Jonathan Cape, London 1982), p. 122—123.

7. Northern Dept., Foreign Office memorandum, 4 October 1944, FO 371/39414, NA. Также Clark Kerr to Foreign Office, 16 October 1944, FO 371/39414, NA.

8. For the 'Uncle Joe' factor see Martin H. Folly, *Churchill, Whitehall and the Soviet Union 1940—45* (Macmillan, London 2000), p. 77—80.

9. James Leasor, *Op. cit.*, p. 280—281.

10. Richard Holmes, *The World at War. The Landmark Oral History* (Ebury Press, London 2007), p. 536.

2. ЯЛТА

1. Elliott Roosevelt, *As He Saw It* (Duell, Sloan & Pearce, New York 1946), p. 240.

2. Roosevelt, *As He Saw It*, p. 121. Об антиимперской позиции США см. Chester Wilmot, *The Struggle for Europe* (Collins, London 1952), p. 632—636.

3. John Lukacs, *1945. Year Zero* (Doubleday, Garden City NY 1978), p. 71.

4. Идея о советском господстве в Восточной Европе была не нова: «Большая тройка» в ноябре 1943 года уже согласилась на уступки Сталину во время Тегеранской конференции — тогда за СССР признали право на восточные территории.

5. Проценты см. PREM 3 66/7, NA; также David Reynolds, *In Command of History. Churchill Fighting and Writing the Second World War* (Penguin, London 2005), p. 458—460. О «сделке» см. Fraser Harbutt, *Yalta 1945. Europe and America at the Crossroads* (Cambridge University Press, New York 2010), p. 43—44.

6. Elizabeth Nel, *Mr Churchill's Secretary* (Hodder & Stoughton, London 1958), p. 167—168.

7. О конференции в Ялте см. James Leasor, *War at the Top*, p. 280—282.

8. Валентин Бережков и Серго Берия присутствовали при расшифровке и записи бесед; см. Gary Kern, 'How Uncle Joe Bugged FDR', в cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence.html. Также S.M. Plokhyy, *Yalta. The Price of Peace* (Penguin, London 2011), p. 78—79, 234—235.

9. Интервью с профессором Кеннаном в серии 1, 'Comrades', документального сериала *Cold War*, National

Security Archive, George Washington University, www.nsarchive.org.

10. Кеннан в 'Comrades'.

11. Winston S. Churchill, *The Second World War. Volume VI*, p. 308.

12. 'Interview with Viscount Portal', Alanbrooke Papers, LHCMA.

13. Frank Roberts, *Dealing with Dictators. The Destruction and Revival of Europe 1930—70* (Weidenfeld & Nicolson, London 1991), p. 75.

14. Frank Roberts, *Dealing with Dictators*, p. 76.

15. В конце войны возникло некоторое замешательство в связи с переходом Штеттина под польскую юрисдикцию. Хотя Сталин и указал, что Штеттин должен отойти Польше в качестве компенсации за порт в Кенигсберге, власти Восточной Германии также претендовали на эту территорию. Заминка продолжалась недолго: 17 июля 1945 года Сталин официально объявил, что Штеттин — Щецин — это польская территория. См. R.C. Raack, *Stalin's Drive to the West 1938—1945. The Origins of the Cold War* (Stanford University Press, Stanford 1995), p. 100.

16. Zygmunt Szkpjak (Ed.), 'Section VI Poland. Report of the Crimea Conference, Yalta, 11 February 1945', в книге *The Yalta Agreements. Documents Prior to, During and After the Crimea Conference 1945* (Polish Government-in-Exile, London 1986).

17. William Leahy, *I Was There. The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman Based on his Notes and Diaries at the Time* (Gollancz, London 1950), p. 33.

18. 'Speeches at Dinner at Vorontsov Villa', 10 February 1945, Char 23/14, CAC.

19. Amy Knight, *Beria. Stalin's First Lieutenant* (Princeton University Press, Princeton 1993), p. 131—135.

20. Norman Davies, *God's Playground. A History of Poland, Volume II. 1795 to the Present* (Oxford University Press, Oxford 1981), p. 489. Для более подробного изучения см. 'The Modern Polish Frontiers', p. 492—535.

21. Это было важно, так как открывало Сталину доступ в порты Маньчжурии Дайрен и Порт-Артур, а также открывало возможность для аннексии стратегических территорий Курил на севере Японии.

22. Richard Holmes, *The World at War. The Landmark Oral History* (Ebury Press, London 2007), p. 542. Советские условия включали Сахалин и прилегающие острова, Порт-Артур в качестве военно-морской базы, часть акватории порта Дайрен, Курильские острова, совместный с Китаем контроль над КВЖД и Южно-Маньчжурской железной дорогой. См. James Schnabel, *The History of the Joint Chiefs of Staff*, p. 26.

23. Victor Rothwell, *Britain and the Cold War 1941—1947* (Jonathan Cape, London 1982), p. 17—18.

24. Сталин также получал доступ к этим районам вместе с китайцами. См. WSC to Dominion Prime Ministers, 5 July 1945, Char 20/222, CAC.

25. Цитата из Jon Meacham, *Franklin and Winston. A Portrait of a Friendship* (Granta Books, London 2003), p. 317.

26. Портал считал, что и адмирал Кинг настаивал на том, что Америка не должна делиться с Англией лаврами победительницы Японии. См. 'Interview with MC Long', Alanbrooke Papers, LHСМА; также Wilmot, *Struggle for Europe*, p. 640—643.

27. John R. Deane, *The Strange Alliance. The Story of Our Efforts at Wartime Co-operation with Russia* (John Murray, London 1947), p. 84—85.

28. Roosevelt, *As He Saw It*, p. 241.

29. Schnabel, *History of Joint Chiefs*, p. 28.

30. Цитата из Dmitri Volkogonov (Trans. Harold Shukman), *The Rise and Fall of the Soviet Empire. Political Leaders from Lenin to Gorbachev* (HarperCollins, London 1998), p. 128.

31. Jan Ciechanowski, цитата из Szkopiak, *Yalta Agreements*, p. 129.

32. Nigel Nicolson (Ed.), *Harold Nicolson Diaries 1907—1964* (Phoenix, London 2005), 27 February 1945, p. 344. О Рыз-вельте см. Laurence Rees, *World War Two: Behind Closed Doors. Stalin, the Nazis and the West* (BBC Books, London 2008), p. 337.

33. Lord Alanbrooke diary, 22 February 1945, Alanbrooke Papers, LHCMA.

34. Lieutenant-General W. Anders, *An Army in Exile. The Story of the Second Polish Corps* (The Battery Press, Nashville 1981), p. 256.

35. Проф. Анита Празмовска — автору, 17 January 2013.

36. Андерс первое время не понимал, насколько далеко простирается область компромисса, на который Америка и Англия готовы в отношениях со Сталиным, — вплоть до Тегеранской конференции в 1943 году. См. Joanna Pylat, Jan Ciechanowski and Andrzej Suchitz (Eds.), *General Władysław Anders. Soldier and Leader of the Free Poles in Exile* (Polish University Abroad, London 2007), p. 44—45, 164—167.

37. Anthony Eden to WSC, 3 April 1945, FO 954/20 #521—6, NA.

38. Проф. Анита Празмовска — автору, 17 January 2013.

39. WSC to Roosevelt, 8 March 1945, FO 954/20 #433, NA. По данным опроса Гэллага в марте 1945 года только 15 % британцев не одобряли новые польские границы. Население было настолько измотано войной и ее ужасами, что довольно равнодушно относилось к судьбе Польши. См. СТР.М.Н. Bell, *John Bull & the Bear. British Public Opinion, Foreign Policy and the Soviet Union 1941—1945* (Edward Arnold, London 1990), p. 182.

40. John Colville, *The Fringes of Power. Downing Street Diaries 1939—1955* (Hodder & Stoughton, London 1985), 23 February 1945, p. 563.

41. Lord Alanbrooke, послевоенные записи, Cf. 26 March 1945, Alanbrooke Papers, LHСМА.

42. О конфликте Эйзенхауэра и Черчилля по этому вопросу см. Lukacs, 1945, p. 60—62. Несмотря на такое спокойное отношение к советской военной угрозе весной 1945-го, Эйзенхауэр стал ярким антисоветчиком в 1950-е гг.

43. Colville, *Fringes of Power*, 7 March 1945, p. 570.

44. WSC to Roosevelt, 8 March 1945, FO 954/20 #432, NA.

45. Eden to WSC, 3 April 1945, FO 954/20, NA.

46. Цитата из Harbutt, *Yalta 1945*, p. 350.

47. WSC to Roosevelt, 11 March 1945, FO 954/20 #442, NA.

48. Henry Stimson diary, 2 April 1945, Stimson Papers, Library of Congress, Washington DC (здесь и далее LoC).

49. Там же, 23 April 1945.

50. Roosevelt to WSC, 12 March 1945, FO 954/20 #450 & 453, NA.

51. WSC to Roosevelt, 16 March 1945, FO 954/20 #465, NA.

52. WSC to Roosevelt, 26 March 1945, FO 954/20 #478, NA.

53. Английское посольство (Москва) — в МИД, 3 April 1945, FO 954/20, #520, NA.

54. Memorandum, 6 May 1945, FO 954/20 #726, NA. Также Stefan Korbo'nski, *Fighting Warsaw. The Story of the Polish Underground State 1939—1945* (Hippocrene Books, New York 2004), p. 426—433.

55. WSC to General Ismay, 3 April 1945, JPS memorandum, CAB 84/71, NA.

56. Harbutt, *Yalta 1945*, p. 282, 353.

57. Dominions Office to Anthony Eden, 9 April 1945, FO 954/20 #550, NA. Также Harbutt, *Yalta 1945*, p. 36—37.

58. Stalin to WSC, 11 April 1945, FO 954/20 #561, NA.

59. Minutes of British War Cabinet, 13 April 1945, CAB 65/52, NA.

60. WSC to Stalin, 22 April 1945, FO 954/20 #623, NA.

3. ТРИ РЫБАКА

1. Позднее Черчилль сожалел, что не был на похоронах Рузвельта. Мотивы его отсутствия до сих пор толком не ясны, возможно, он слишком переживал и хотел склонить баланс сил в пользу Британии, так как позднее он признавался королю, что надеялся на то, что Трумэн посетит его в Лондоне, а не наоборот.

2. Harry S. Truman diary, 12 April 1945, Harry S. Truman Library, www.trumanlibrary.org

3. *New York Times*, 24 June 1941. О Трумэне и его советниках см. John Lukacs, *1945. Year Zero* (Doubleday, Garden City NY 1978), p. 133—169.

4. Peter Hennessy, *The Secret State. Whitehall and the Cold War* (Allen Lane, London 2002), p. 20.

5. JPS report, 19 April 1945, JPS Memoranda File, CAB 84/71, NA.

6. О систематических атаках на Польшу см. Bartholomew Goldyn, 'Disenchanted Voices. Public Opinion in Cracow 1945—46' in *East European Quarterly*, June 1998, Volume 32, #2. Также, Geoffrey Roberts, *Stalin's General. The Life of Georgy Zhukov* (Icon Books, London 2012), p. 241.

7. William Bader, *Austria Between East and West 1945—1955* (Stanford University Press, Stanford 1966) p. 13—16.

8. WSC to President Truman, 12 May 1945, Char 20/218, CAC. Также James Schnabel, *The History of the Joint Chiefs of Staff*, p. 38.

9. FM Wilson to chiefs of staff, 21 April 1945, CAB 120/683, NA.

10. Пытаясь прийти к власти демократическим путем, австрийские коммунисты проиграли выборы в ноябре 1945-го и были вынуждены согласиться на внешнее управление и деление страны на четыре зоны оккупации. Последующий коммунистический путч 1949 года провалился, после чего страна десятилетиями соблюдала нейтралитет.

11. С декабря 1946 года Комитет начальников штабов перешел в ведение Министерства обороны.

12. Брук был назначен в 1941 году. Когда адмирал сэра Дадли Паунд ушел в отставку, его должен был сменить Портал, но по настоянию Черчилля назначили Брука. О Комитете начальников штабов см. 'Interview with General Lord Ismay', Alanbrooke Papers, LHCMA.

13. General Hollis memoir, p. 40, Hollis Papers, 86/47/1, Imperial War Museum, London (hereafter IWM). Исмей совмещал должности в Комитете и в военном кабинете министров (в качестве военного помощника министра).

14. CCS был создан в 1942 году.

15. 'Interview with General Lord Ismay', Alanbrooke Papers, LHCMA.

16. См. 'Sir James Grigg Interview', Alanbrooke Papers, LHCMA.

17. Foreign Office memorandum, 11 April 1945, HS4/145, NA.

18. Оригинальная записка премьер-министра, адресованная начальникам штабов в ответ на их меморандум memorandum to WSC, 8 June 1945, CAB 120/691.

19. 'Timing for Plans', File p. 3 G 4/3, Major-General F.H.N. Davidson Papers, LHCMA.

20. Memorandum, M.F. Berry, 6 April 1945, JPS Reports, CAB 84/71, NA. См. также 'Planning Date for the End of War with Germany', 12 April 1945, and 'Employment of Turkish Forces', 9 April 1945, JPS Reports, CAB 84/71, NA.

21. Когда документы «Операция "Немыслимое": Россия — угроза западной цивилизации» стали открыты для доступа в Национальном архиве, карт в них не было. Карт было четыре единицы: 'Russian Strengths and Dispositions', 'Allied Strengths and Dispositions', 'Campaign in North East Europe', 'Vulnerable Points on Russian L of C'. Их исчезновение из общего файла не столь важно, поскольку Объединенный комитет планирования имел привычку уничтожать или изымать несущественные документы и карты. См. CAB 120/691, p. 6.

22. Об истории создания Комитета см. Clement Attlee, 'Central Organisation for Defence', 11 September 1946, CAB 129/12, NA.

23. Sir Ian Jacob in Sir John Wheeler-Bennett (Ed.), *Action This Day. Working with Churchill* (Macmillan, London 1968), p. 195—196.

24. В течение 1944—1945 гг. туда входили капитан С. Аллен, бригадир Ф. Кертис и коммодор авиации П. Варбер-

тон. Комитет пришел на смену подкомитету послевоенного планирования в мае 1944-го. О других группах аналитиков и планировщиков см. Julian Lewis, *Changing Direction. British Military Planning for Postwar Strategic Defence, 1942—1947* (Routledge, London 2003), p. xxvi—xxvii.

25. Anthony Gorst, 'British Military Planning for Postwar Defence 1943—45' in Anne Deighton (Ed.), *Britain and the First Cold War* (Macmillan, London 1990). Также Martin H. Folly, *Churchill, Whitehall and the Soviet Union, 1940—1945* (Macmillan, London 2000), p. 102—105, 129. В октябре 1944 РНПС вышел из-под контроля МИДа, превратившись в чисто военный подкомитет. Последний документ — 'The Security of the British Empire' (Безопасность Великобритании) — был разработан в начале лета 1945 года, после чего подкомитет завершил свою работу в рамках Объединенного штаба планирования.

4. ПЛАН «БЫСТРЫЙ УСПЕХ»

1. 'Operation Unthinkable', CAB 120/691, NA. Первый параграф не пронумерован, второй обозначен цифрой «2». Общий объем документа 17 страниц плюс незаконченное Приложение. Карты, приложенные к тексту, пропали, поэтому трудно сказать, где они располагались изначально, хотя «номер 15» упоминается в копиях. Нужно отметить, что копий документа было сделано крайне мало — лишь необходимый минимум. Также включает переписку начальников штабов и американских планировщиков в период между 1945 и 1947 гг.

2. 'Operation Unthinkable', CAB 120/691 109040, p. 3.

3. В Объединенный штаб планирования входили Г. Грантем, Д.С. Томпсон и У.Л. Доусон, см. 'Report on War End',

12 April 1945, JPS Reports, CAB 84/71, NA. Когда война закончилась 8 мая 1945 года, Штабу пришлось многое в плане пересмотреть, поскольку назначенная дата операции — 1 июля — требовала уточнений и дополнений.

4. Позднее — генерал-лейтенант сэр Джеффри Стюарт Томпсон, начальник Управления наземными и воздушными силами и начальник отдела НАТО по стандартизации вооружений в 1952 году. Умер в 1983-м.

5. Стратегическая важность линии Одер — Нейсе подробно рассмотрена в Debra Allen, *The Oder-Neisse Line: The United States, Poland and Germany in the Cold War* (Praeger, Westport 2003).

6. Victor Rothwell, *Britain and the Cold War 1941—1947* (Jonathan Cape, London 1982), p. 374; Также 'Operation Unthinkable', p. 12.

7. 'Operation Unthinkable', p. 6.

8. Max Hastings, *Armageddon. The Battle for Germany 1944—45* (Macmillan London 2004), p. 527—528; Также Norman Davies, *Rising '44. The Battle for Warsaw* (Macmillan, London 2004), p. 479—480.

9. Позднее — адмирал сэр Гай Грантем. Главнокомандующий ВМС в Портсмуте, ВМС союзников в Проливе и в водах Северного моря в 1957 году. Умер в 1992-м. Об итоговом докладе Каннингема от 5 июня 1945 года см. AIR 8/798, NA.

10. Проф. Анита Празмовска — автору, 17 January 1945.

11. Доктор Jacek Sawicki — автору, 31 October 2012; Также 'Operation Unthinkable', p. 10—11.

12. Hugh Faringdon, *Confrontation. The Strategic Geography of NATO and the Warsaw Pact* (Routledge & Kegan Paul, London 1986), p. 237.

13. 'Operation Unthinkable', p. 14.

14. Позднее — маршал авиации сэр Уолтер Ллойд Доусон. Генерал-инспектор Воздушного флота Ее величества в 1956 году. Умер в 1994-м. См. COS (45) 321, AIR 8/798, NA.

15. 'Operation Unthinkable', p. 7.

16. Там же, p. 7.

17. Там же, p. 5.

18. В докладе отмечалось, что должны быть задействованы 4 польских эскадрона, находящихся на северо-западе Европы.

19. BBC США продолжали испытывать проблемы с Lockheed P-80, который должен был быть заменен во время Второй мировой войны.

20. 'Operation Unthinkable', p. 10. По состоянию на 1 мая 1945 года британские BBC располагали 3182 бомбардировщиками и 3337 истребителями — ничтожно мало по сравнению с общим количеством американских самолетов — 22 000 единицы. Впрочем, такое количество американских самолетов оправдывалось тем, что им предстояло не только обеспечивать защиту страны, но и воевать на Тихом океане

21. Об авиации Великобритании в 1945-м см. Hilary St George Saunders, *Royal Air Force 1939—1945, Volume III. The Fight is Won* (HMSO, London 1954), Appendix VIII. В начале лета 1945 года все В-29 были переброшены на Дальний Восток, в Европе их не осталось. Если бы они внезапно появились снова (в рамках подготовки к операции «Немыслимое»), это заставило бы Советский Союз насторожиться.

22. JPS memorandum, 25 April 1945, JPS Reports, CAB 84/71, NA.

23. Самолет Mosquito, при условии задействования авиабаз на западе Германии, мог проникать глубоко на территорию, контролируемую СССР. При максимальной дальности

сти полета до 2000 миль он становился важнейшей ударной единицей сил союзников. Впрочем, поскольку он был по большей части деревянным, нежели из алюминия, то и сбить или повредить его было гораздо проще, что привело бы к большим потерям.

24. Согласно D.B. Tubbs in, *Lancaster Bomber* (Macmillan, London 1972), соотношение дальности полета и бомбозагрузки «Ланкастера» составляло 2530 миль и 7,000lbs, 1730 миль и 12,000lbs, 1555 миль и 22,000lbs (Grand Slam). Автор благодарит Саймона Тидсвелла за предоставленную статистику.

25. Во время Берлинской операции 1943 года «Ланкастеры» буквально завалили немецкие города бомбами. Всего потери составили 1047 самолетов, 1682 были повреждены, т.е. 5,1 % летного парка. Сравнить: потери Mosquito составили 0,5 % летного парка. См. Tubbs, *Lancaster Bomber*.

26. 'Operation Unthinkable', p. 12, 17.

27. Английская радарная система GL Mk II поставлялась в СССР по ленд-лизу. С началом боевых действий поставки систем, оборудования и запчастей прекратились бы, и русским пришлось бы обходиться отечественными аналогами типа систем Son-2a.

28. Alexander Boyd, *The Soviet Air Force Since 1918* (Macdonald and Jane's, London 1977), p. 205; Также 'Unthinkable', p. 15, 17.

29. 'Soviet Capabilities to Launch Air Attacks Against the Soviet Union', JIC, 29 November 1946, 0000 Reel II, Records of Joint Chiefs of Staff Part II 1946—1953, GB 0099 KCLMA MF 1—70, LHCMA. Также Boyd, *Soviet Air Force*, p. 206.

30. Vasilij Reshetnikov, *Bomber Pilot on the Eastern Front* (Pen & Sword, Barnsley 2008), p. 169—170.

31. Boyd, *Soviet Air Force*, p. 215. Реплики В-29 выпускались под названием Ту-4.

32. Reshetnikov, «Что было, то было», p. 63.

33. Там же, p. 171—172.

34. 'Operation Unthinkable', p. 13.

35. 'Operation Unthinkable', p. 9—10. Ко Дню Победы силы союзников насчитывали около 4,5 млн человек.

36. Keith Sword, Norman Davies and Jan Ciechanowski, *The Formation of the Polish Community in Great Britain 1939—50* (School of Slavonic and East European Studies, London 1989) p. 62—63, 446. Иоанна Пылат и другие оценивают общую численность польских войск к маю 1945-го в 201 160 чел.; см. Joanna Pylat, Jan Ciechanowski and Andrzej Suchitz (Eds.), *General Władysław Anders. Soldier and Leader of the Free Poles in Exile* (Polish University Abroad, London 2007), p. 174.

37. О демобилизации в США и советской угрозе см. James Schnabel, *The History of the Joint Chiefs of Staff*, p. 212—226.

38. 'Operation Unthinkable', p. 5, 11. Советские дивизии численно были меньше западных. Разведка докладывала о том, что силы Красной Армии в Европе к концу войны составляли 169 ударных дивизий, 347 пехотных дивизий, 112 ударных танковых бригад и 141 танковая бригада общего назначения. Только часть этих соединений должна была встретить наступление союзников

39. Когда был произведен эквивалентный пересчет сил противника, выяснилось, что советская ударная дивизия составляет лишь две трети аналогичного союзного подразделения, пехотная дивизия — одну треть, танковая бригада общего назначения (50 танков, 1000 солдат) — около трети аналогичного союзного подразделения. Впрочем, это не ме-

шало русским иметь подавляющее преимущество. См. об этом David Glanz et al, *Slaughterhouse. The Handbook of the Eastern Front* (Aberjona Press, Bedford PA 2005), p. 299—390.

40. 'Operation Unthinkable', p. 16.

41. Цитата из Robert Meiklejohn diary, 17 March 1945, in Frank Costigliola, 'After Roosevelt's Death: Dangerous Emotions, Divisive Discourses, and the Abandoned Alliance' in *Diplomatic History*, Volume 34, January 2010.

42. Помимо этого Красная Армия имела преимущество за счет большого количества захваченного трофейного вооружения и снаряжения, а также за счет противотанковых видов оружия.

43. Dr Heinrich Haape, *Moscow Tram Stop. A Doctor's Experiences with the German Spearhead in Russia* (Collins, London 1957), p. 332.

44. Faringdon, *Confrontation*, p. 39. Большая часть Советского Союза покрыта снегом более трети года. См. также 'The Influence of Climate' in James Lucas, *War on the Eastern Front* (Greenhill Books, London 1991), p. 78—90.

45. 'Operation Unthinkable', p. 16.

46. О моральном настрое Красной Армии см. Catherine Merridale, *Ivan's War. The Red Army 1939—45* (Faber & Faber, London 2006), p. 228—32.

47. 9 Мая в послевоенной России стало всенародным праздником, имеющим колоссальное значение и объединяющим различные слои общества.

48. 'Operation Unthinkable', p. 11.

49. R.M. Ogorkiewicz, 'Soviet Armoured Formations' in *The Army Quarterly*, Volume LXXI, #1, October 1955.

50. «Шерман» использовался еще долгое время, включая войну в Корее.

51. Эту броню могли пробить только крупнокалиберные, не менее 75-мм орудия, взятые на вооружение позднее.

52. Су-100 была, по сути, безбашенным танком, облегченным в ходу, но зато с усиленной бронезащитой. Хотя она могла стрелять только по фронтальным целям, защиты от ее снарядов практически не было.

53. Albert Seaton and Jean Seaton, *The Soviet Army. 1918 to the Present* (The Bodley Head, London 1986), p. 156—159.

54. О мародерстве в советской зоне оккупации см. Anne Applebaum, *Iron Curtain. The Crushing of Eastern Europe 1944—56* (Allen Lane, London 2012), p. 36—37.

55. Рабочие документы службы безопасности в Польше # V., HS4/145, NA.

56. 'Operation Unthinkable', p. 8—9.

57. В Силезию переселялись не всегда с благими намерениями, и именно отсюда впоследствии на Запад перебраслось множество криминальных элементов. Проф. Anita Prazmowska — автору, 17 January 1945.

58. Dr Jacek Sawicki — автору, 31 October 2012; Также S.M. Plokhly, *Yalta*, p. 203.

59. Keith Lowe, *Savage Continent. Europe in the Aftermath of World War II* (Viking, London 2012), p. 233. Также Rafael A. Zagovec, 'Dances of Death: The Endkampfe and the German Experience of Defeat' in *Everyone's War*, No. 11, Spring 2005. Количество голодающих и бездомных достигало 11 млн человек.

60. 'Notes by Field Marshal Montgomery on the General Intelligence Picture', ref. 12, Alanbrooke Papers, LHСМА.

61. Граф Галифакс — в МИД Великобритании, 14 May 1945, PREM 3/473, NA.

62. Robert Lewis Koehl, *The Black Corps. The Structure and Power Struggles of the Nazi SS* (University of Wisconsin Press, Wisconsin 1983), p. 221—222.

63. О британской реакции на доклады о концентрационных лагерях см. Jonathan Walker, *Poland Alone. Britain, SOE and the Collapse of the Polish Resistance 1944* (The History Press, Stroud 2010), p. 128—139.

64. Генерал лорд Исмей, *The Memoirs of General Lord Ismay* (Heinemann, London 1960), p. 392.

65. 'Operation Unthinkable', p. 3.

66. Krzysztof Persak and Łukasz Kamiński (Eds.), *A Handbook of the Communist Security Apparatus in East Central Europe 1944—1989* (Institute of National Remembrance, Warsaw 2005), p. 202—205. По зловещей иронии Советы устроили часть лагерей для интернированных нацистских преступников на территории бывших нацистских лагерей, как, например, в Бухенвальде.

67. John Koehler, *Stasi. The Untold Story of the East German Secret Police* (Westview Press, Oxford 1999), p. 50—51.

68. Christopher Andrew and Oleg Gordievsky, *KGB. The Inside Story of its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev* (Sceptre, London 1991), p. 360.

69. В мае 1945 года полковник Зыгмунт Берлинг был смещен и бежал в Москву. Он был исключен из РКWN, объявившей его «врагом польской демократии».

70. Армия Берлинга, по разным оценкам, насчитывала от 172 000 до 280 000 чел. См. Antony Polonsky and Bolesław Drukier (Eds.), *The Beginnings of Communist Rule in Poland* (Routledge & Kegan Paul, London 1980), p. 63.

71. Anita Prazmowska, *Civil War in Poland 1942—1948* (Palgrave Macmillan, London 2004), p. 124—125; Так-

же Steven Zaloga, *The Polish Army 1939—45* (Osprey, Oxford 2005), p. 26—27.

72. См. Foreign Office memorandum 'Conditions in Poland', FO 371/476648, NA. В деревнях продолжали поддерживать Армию Крайову, и даже несмотря на земельную реформу, проведенную коммунистами, крестьяне не торопились признавать советскую власть. См. Prazmowska, *Civil War in Poland*, p. 125—127; Также W. Jurgielewicz, *Ludowe Wojsko Polskie 1943—1973* (MON, Warsaw 1974).

73. Dr Tomasz Łabuszewski — автору, 31 October 2012.

74. Цитата из James Leasor, *War at the Top*, p. 174.

75. Anne Chisholm & Michael Davie, *Beaverbrook: A Life* (Hutchinson, London 1992), p. 434.

76. Ismay, *Memoirs*, p. 392.

77. Folly, *Churchill, Whitehall and the Soviet Union*, p. 28—31.

78. Frank Roberts, *Dealing with Dictators. The Destruction and Revival of Europe 1930—70* (Weidenfeld & Nicolson, London 1991), p. 90—91.

79. Nelson MacPherson, *American Intelligence in War-Time London. The Story of OSS* (Frank Cass, London 2003), p. 235; Также JIC 250/1, 'USSR Postwar Capabilities and Policies', 31 January 1945, and 250/2, 2 February 1945, both reel 14, 95, RG 226, NARA.

80. 25 июня Хартия Объединенных Наций была наконец подписана, хотя не все страны прислали своих представителей, не получив пока одобрение своих правительств или парламентов.

81. MacPherson, *American Intelligence in War-Time London*, p. 236; Также Joint Intelligence Staff (JIS), 161, 'British Capabilities and Intentions', 10 May 1945, reel 1, entry 190, RG 226, NARA.

82. После смерти в ноябре 1944 года фельдмаршала сэра Джона Дилла контакты между военачальниками союзников заметно сократились и больше уже никогда не возвращались к прежнему уровню. Сотрудничество, разумеется, продолжалось, происходил обмен разведданными, проводились совместные совещания, но уже гораздо сдержаннее. См. Richard J. Aldrich (Ed.), *British Intelligence, Strategy and the Cold War 1945—51* (Routledge, London 1992), p. 221.

5. ПЛАН «ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА»

1. Major S.J. Watson, 'A Comparison of the Russian, American and British Field Armies', *The Army Quarterly & Defence Journal*, April 1950.

2. 'Operation Unthinkable', CAB 120/691, NA, p. 2. Также James Lucas, *War on the Eastern Front* (Greenhill Books, London 1991), p. 106—107.

3. Dmitri Volkogonov (Trans. Harold Shukman), *The Rise and Fall of the Soviet Empire. Political Leaders from Lenin to Gorbachev* (HarperCollins, London 1998), p. 114—115. У Сталина по-прежнему были проблемы с Западной Украиной, где бесчинствовали украинские националисты.

4. Проводились проверки лиц мужского пола в возрасте от 16 до 50 лет, при малейшем подозрении на сотрудничество с АК или пособничество бандитам следовал арест. Подробнее см. Antony Polonsky and Bolesław Drukier (Eds.), *The Beginnings of Communist Rule in Poland* (Routledge & Kegan Paul, London 1980), p. 65. Также Anita Prazmowska, *Civil War in Poland 1942—1948* (Palgrave Macmillan, London 2004), p. 124—126. Также Dr Tomasz Łabuszewski — авторы, 31 October 2012.

5. По плану «Буря» Армия Крайова должна была призывать население по всей стране к восстанию против немцев.

Если бы восстание увенчалось успехом, польское подполье встретило бы Красную Армию «на равных». Восстание, однако, не вышло за границы Варшавы. Даже после войны, во время восстановительных работ находили тайники с оружием, завернутым в промасленную ткань. Piotr 'Sliwowski — автору, 31 October 2012.

6. Dr Tomasz Łabuszewski and Dr Jacek Sawicki — автору, 31 October 2012. Также см. R.M. Hankey memorandum, 26 March 1945, FO 371/47709, NA.

7. WiN в качестве оппозиционной силы медленно утасла в течение 1945 года. НКВД расправлялся с инакомыслящими безжалостно. Подробнее см. Marek Jan Chodakiewicz, 'The Dialectics of Pain: The Interrogation Methods of the Communist Secret Police in Poland, 1944—1955', статья представлена на 61-й ежегодной встрече в Polish Institute of Arts and Sciences of America, McGill University, Montreal, Canada, 6—7 June 2003. Также Piotr 'Sliwowski — автору, 31 October 2012.

8. Mark Harrison, *Accounting for War. Soviet Production, Employment, and the Defence Burden 1940—1945* (Cambridge University Press, Cambridge 1996), p. 11.

9. Roy Douglas, *From War to Cold War, 1942—48* (Macmillan, London 1981), p. 122—3. Сопротивление и разгром нацистов на территории СССР в 1941—1942 годах финансировались собственной экономикой Советов, в то время как наступление по территории Германии, преследование и разгром сил вермахта шли уже за счет западных ресурсов. См. Harrison, *Accounting for War*, p. 130.

10. Примером его тактической слабости может служить атака на хорошо укрепленные Зееловские высоты вокруг столицы Германии. Он позволил немцам организовать «гибкую оборону», отступить, перегруппироваться и перейти

в довольно успешную контратаку. Неудачное использование полевых прожекторов не ослепило противника, но зато превратило его собственных солдат в легкие мишени.

11. Dr Sergei Kudryashov, 'D-Day and Russia' in *Everyone's War*, No. 11, Spring 2005.

12. Lieutenant-Colonel David Summerfield RM — автору, 16 February 2013.

13. Служба спецопераций перешла в ведение SIS только в августе 1945-го, однако разведуправление всегда проявляло повышенный интерес к спецоперациям и исполнителям, учитывая их прекрасные диверсионные навыки. Формально отдел спецопераций просуществовал до 31 декабря 1945 года, хотя ведущие исследователи, M.R.D. Foot и David Stafford, никак не могли прийти к согласию, считать ли дату расформирования одновременно и датой перехода в ведение SIS. См. William Mackenzie, *The Secret History of SOE. Special Operations Executive 1940—1945* (St. Ermin's Press, London 2000), p. 715; также M.R.D. Foot, *SOE. The Special Operations Executive 1940—1946* (Pimlico, London 1999), p. 356.

14. SOE memorandum, 22 November 1945, COS (45) 671, CAB 80/98, NA.

15. David Stafford, *Britain and European Resistance 1940—1945. A Survey of the Special Operations Executive with Documents* (Macmillan, London 1980), p. 203.

16. Mackenzie, *The Secret History of SOE*, p. 675—676. О Турции см. James Schnabel, *The History of the Joint Chiefs of Staff*, p. 57. Требования также включали возвращение турецких провинций Карс и Ардаган на востоке Турции.

17. Подробнее о советских ресурсах на Востоке см. 'Possible Russian Participation in the War against Japan', 10 July

1945, CAB 84/72, NA. Также 'Operation Unthinkable', p. 4. Кроме того, существовала небольшая вероятность того, что США смогут атаковать Советский Союз через территорию Китая, используя поддержку китайских националистов.

18. 'Operation Unthinkable', p. 3.

19. Dr Jacek Sawacki and Piotr 'Sliwowski — автору, 31 October 2012. Например, в Силезии единственная сколько-нибудь заметная подпольная группировка «Варта Великопольска» насчитывала всего 100 человек.

20. Piotr 'Sliwowski — автору, 31 October 2012. Отмечалось, что во время Варшавского восстания поддержку восставшим оказали всего 25 % местного населения. 5 % были против восстания, а 70 % просто хотели остаться в живых.

21. Dr Tomasz Łabuszewski and Dr Jacek Sawicki — автору, 31 October 2012. Также Prazmowska, *Civil War in Poland*, p. 121—122, 156. Также Krzysztof Persak and Łukasz Kamiński (Eds.), *A Handbook of the Communist Security Apparatus in East Central Europe 1944—1989* (Institute of National Remembrance, Warsaw 2005), p. 222—223.

22. Lucas, *War on the Eastern Front*, p. 74—75.

23. Dr Heinrich Haape, *Moscow Tram Stop*, p. 182.

24. Подробнее о подготовке и проведении операции «Барбаросса» см. Richard Overy, *Russia's War* (Penguin, London 1999).

25. Haape, *Moscow Tram Stop*, p. 181. Хотя суровая зима уже погубила немцев во время Второй мировой войны, союзники еще надеялись на финнов и норвежцев, которые могли бы им помочь во время зимней кампании.

26. Harrison, *Accounting for War*, Table 1.1, p. 10.

27. 26 декабря 1941 года *Melbourne Herald* опубликовала крайне противоречивую статью Кертина, в которой австра-

лийский премьер отдавал явное предпочтение США и высказывал неодобрение политике Англии; одновременно статья демонстрировала уязвимость Австралии перед Японией. Автор весьма признателен доктору Россу Бастиану, посвятившему его в некоторые подробности политической и военной ситуации в Австралии 1945 года.

28. Джон Кертин умер 5 июля 1945 года. Он мог бы застать начало операции «Немыслимое», находясь в должности премьера. На посту его сменил Бен Чифли, еще один лейборист, чей внешнеполитический курс во многом походил на курс Кертина.

29. Всего через год после окончания войны Ассамблея премьер-министров стран-доминионов отказалась одобрить положения о создании единой системы безопасности стран-доминионов. См. Julian Lewis, *Changing Direction. British Military Planning for Post-war Strategic Defence, 1942—1947* (Routledge, London 2003), p. 267—271. О Смутце см. Roy Jenkins, *Churchill* (Pan Macmillan, London 2002), p. 789.

30. Shelford Bidwell, 'The Use of Small Nuclear Weapons in War on Land', *The Army Quarterly & Defence Journal*, April 1971.

6. ТУЧИ СГУЩАЮТСЯ

1. Изменения в отношениях США и СССР в первые месяцы президентства Трумэна подробно изучены Frank Costigliola in 'After Roosevelt's Death: Dangerous Emotions, Divisive Discourses and the Abandoned Alliance' in *Diplomatic History*, January 2010, Volume 34, #1. Также James Schnabel *The History of the Joint Chiefs of Staff*, p. 32.

2. Lord Halifax to WSC, 23 April 1945, FO 954/20 #635, NA. Также см. Wilson Miscamble, 'Anthony Eden and the

Truman-Molotov Conversations, April 1945' in *Diplomatic History*, Volume 2, #2, April 1978.

3. Судя по всему, Сталин и Молотов расходились во мнениях по поводу «Немыслимой войны». Молотов спорил и с Хрущевым, вернее, с его концепцией «мирного сосуществования». См. Albert Resis (Ed.), *Molotov Remembers. Inside Kremlin Politics* (Ivan Dee, Chicago 1993), p. 7.

4. Martin H. Folly, *Churchill, Whitehall and the Soviet Union, 1940—1945* (Macmillan, London 2000), p. 80—81.

5. Основные принципы ООН были согласованы и приняты на конференции в Дамбартон-Оукс, Вашингтон, в период между 21 августа и 7 октября 1944 года. Основными подразделениями становились Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея. О карьере Стеттиниуса см. Thomas Campbell and George Herring (Eds.), *The Diaries of Edward R Stettinius Jr., 1943—1946* (New Viewpoints, New York 1975), Introduction.

6. Venona Transcript no. 1822, 30 March 1945. Ранее засекреченные документы, ставшие доступными в 1995 году, подтверждают вину Хисса. Сам Хисс появился на телеэкранах в начале 70-х, в одном из эпизодов сериала компании ITV *The World at War*. Он одобрительно отзывался о тактике Сталина во время Ялтинской конференции

7. Christopher Andrew and Oleg Gordievsky, *KGB. The Inside Story of its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev* (Sceptre, London 1991), p. 344—345. О причастности Уайта см. the Venona Transcripts, www.nsa.gov/publicinfo/files/venona/1945.

8. WSC to Stalin, 28 April 1945, telegram No. 450, Char 20/216, CAC.

9. Там же.

10. В число «Шестнадцати поляков» входили Леопольд Окулицкий, Ян Станислав Янковский, Адам Бень, Станислав Ясюкович, Антоний Пайдак, Казимеж Багиньский, Юзеф Хациньский, Евгений Чарновский, Казимеж Кобылянский, Юзеф Стемплер-Домбский, Станислав Михаловский, Феликс Урбанский, Збигнев Стыпульский, Станислав Мерзва, Александр Звежинский, Казимеж Пужак. О телеграмме Черчилля Сталину см. WSC to Stalin, 28 April 1945, no. 450, Char 20/216, CAC. Также Jozef Garliński, *Poland, SOE and the Allies* (George Allen and Unwin, London 1969), p. 223—233.

11. Цитата из Donald Thomas, *Freedom's Frontier. Censorship in Modern Britain* (John Murray, London 2007), p. 173.

12. WSC to Truman, 30 April 1945, PREM 3/473, NA.

13. Allied Force HQ to War Department, 15 March 1945, CAB 88/56, NA.

14. Название «Венеция» отсылало к венецианской культурной традиции, распространенной в регионе. Более общепринятым считалось название «Джулиана Марш» — поскольку область соседствовала с Альпами и была пограничной (Джулианские Альпы+ «марш» старое обозначение границы).

15. Minutes of British Cabinet Meeting, 13 May 1945, CAB 65/52, NA. О более поздних высказываниях Черчилля в отношении кризиса см. Winston S. Churchill, *The Second World War. Volume VI*, p. 480—489; Также Peter Clarke, *The Last Thousand Days of the British Empire* (Allen Lane, London 2007), p. 320—321, and Schnabel, *History of Joint Chiefs*, p. 41—46.

16. FM Alexander to WSC, 1 May 1945, Char 20/217, CAC. Также см. WSC to Stalin, 15 May 1945, Char 20/225, CAC.

17. WSC to FM Alexander, 6 May 1945, Char 20/218, CAC.

18. FM Alexander to WSC, 17 June 1945, Char 20/224, CAC. 10-я индийская дивизия, южноафриканская бронетанковая и новозеландская дивизии должны были покинуть Италию и вернуться на родину в течение нескольких недель уже к концу войны. Одновременно семь американских дивизий должны были также отправиться на родину для демобилизации.

19. WSC to FM Alexander, 18 June 1945, Char 20/224, CAC. Также FM Alexander to WSC, 19 June 1945, Char 20/224, CAC. Цитаты Трумэна см. Schnabel, *History of Joint Chiefs*, p. 48.

20. John Colville, *The Fringes of Power. Downing Street Diaries 1939—1955* (Hodder & Stoughton, London 1985), 1 May 1945, p. 595.

21. Цитата из Anthony Montague Browne, *Long Sunset. Memoirs of Winston Churchill's Last Private Secretary* (Cassell, London 1995), p. 116.

22. Lord Alanbrooke diary, 2 May 1945, Alanbrooke Papers, LHCMA.

23. WSC to Anthony Eden, 4 May 1945, FO 954/20 #710, NA.

24. Charles E. Bohlen, *Witness to History 1929—1969* (WW Norton, New York 1973), p. 214—215.

25. Stalin to WSC, Telegram no. 456, 4 May 1945, FO 954/20, NA.

26. Stalin to WSC, 5 May 1945, FO 954/20 #714; and British Embassy to Foreign Office, #724, both NA. В своих отзывах насчет нелегального размещения радиопередатчиков агенты SOE не слишком лестно отзываются о поляках. См. MPP to A/DH, 10 May 1945, HS4/145, NA.

27. Об Окулицком см. Marek Ney-Krwawicz, *The Polish Resistance Home Army 1939—1945* (PUMST, London 2001), p. 128—33.

28. *Daily Telegraph*, 8 May 1945.

29. Полковник Дэвид Смайли — автору, 16 сентября 2003. Советы уничтожили оппозицию еще и благодаря двум фальшивым амнистиям, позволившим выявить наиболее одиозных деятелей подполья. Хотя к моменту предполагаемого начала операции «Немыслимое» WiN находилась в зачаточном состоянии, в течение 1945 года оно стало довольно развитой структурой, тесно связанной с британскими спецслужбами. Уничтожено было несколько лет спустя, благодаря работе органов госбезопасности Польши.

30. Jonathan Walker, *Poland Alone. Britain, SOE and the Collapse of the Polish Resistance 1944* (The History Press, Stroud 2010), p. 217, 238, 262—263. Сержанту Уолорду оказывали помощь члены Сопротивления Владек и София Микловские, снабжавшие его инструкциями и оборудованием. Об операции «Фрестон» см. Jonathan Walker, *Poland Alone*, p. 272—278; Также Dr Jacek Sawicki — автору, 31 October 2012.

31. Top secret memorandum, 'Postwar Rehabilitation of SOE Agents', undated but probably April 1945, HS4/291, NA. Также см. Christopher Warner to Henry Sporgborg, 12 March 1945 and 'Foreign Office Polish Mission Report', 21 April 1945, both HS4/262, NA. Военная миссия в Польшу в январе 1945 года провалилась (операция «Фрестон»). Также см. cipher, 10 March 1945, report on 'SOE — NKVD Cooperation', undated, and 'Notes on First Meeting with Colonel Graur', 6 June 1945, all in HS4/335, NA. Позднее разведка Британии работала уже под прикрытием Британского посольства

в Варшаве, размещавшегося в отеле «Полония». Разведчики в своей работе довольно активно пользовались старыми «польскими руками».

32. Prime minister's memorandum, 30 April 1945, CAB 120/690, NA.

33. WSC to FM Montgomery, 6 May 1945, Char 20/225, CAC; Churchill, *Triumph and Tragedy*, p. 469. Также Admiral Cunningham diary 1945, MS 52578, Cunningham Papers, British Library (hereafter BL). Черчилль с облегчением воспринял сообщение, что самолеты союзников вылетели в Копенгаген, после чего оказалось, что «советский парашютный десант» состоял всего из двух человек.

34. Адмирал Каннингем считал, что, если бы Дениц сразу после смерти Гитлера призвал войска Германии к капитуляции, он мог бы стать «величайшим деятелем Германии». См. Cunningham diary, 2 May 1945, BL.

35. Anna Piekarska (Ed.), *PRL-Tak daleko, tak blisko* (Institute of National Remembrance, Warsaw 2007), p. 10. Также Dr Tomasz Łabuszewski — автору, 31 October 2012.

36. Hugh Lunghi, цитата из Martin Gilbert, *The Day the War Ended. VE Day 1945 in Europe and Around the World* (Harper Collins, London 1995), p. 325.

37. John Butler, *The Red Dean of Canterbury. The Public and Private Faces of Hewlett Johnson* (Scala, London 2011), p. 76—79.

38. Frank Roberts, *Dealing with Dictators*, p. 85.

39. Hewlett Johnson, *Soviet Success* (Hutchinson, London 1947), p. 17.

40. Цитата из Gilbert, *The Day the War Ended*, p. 303.

41. Harry S. Truman to Eleanor Roosevelt, 10 May 1945, Box 13, #394, Truman Library, www.trumanlibrary.org

42. Roy Jenkins, *Truman* (Papermac, London 1995), p. 68.
43. Orme Sergeant, 'Stocktaking after VE Day', 11 July 1945, Char 23/14, CAC.
44. WSC to Truman, 6 May 1945, Char 20/225, CAC.
45. WSC to Truman, 11 May 1945, PREM 3/473, NA. Черчилль послал такую же телеграмму о перспективах Третьей мировой войны Энтони Идену, находившемуся на конференции в Сан-Франциско. См. WSC to Eden 11 May 1945, Churchill, *Triumph and Tragedy*, p. 500.
46. WSC to Truman, 12 May 1945, PREM 3/473, NA.
47. Minutes of British War Cabinet, 13 May 1945, CAB 65/52, NA.
48. Henry Stimson diary, 14 May 1945, LoC.
49. Truman to WSC, 12 May 1945, PREM 3/473, NA.
50. Alanbrooke diary, 13 May 1945, LHCMA. Admiral Cunningham. Также запись «Премьер-министр потрясен поддержкой Трумэна». См. Cunningham diary, 13 May 1945, BL.
51. Там же., 14 May 1945.
52. Colville, *The Fringes of Power*, 14 May 1945, p. 599. Также Cunningham diary, 21 May 1945, BL.
53. Цитата из Charles Whiting, *Finale at Flensburg. The Story of Field Marshal Montgomery's Battle for the Baltic* (Leo Cooper, London 1973), p. 158.
54. Robert Rasnus, in Studs Terkel, *'The Good War'. An Oral History of World War Two* (Ballantine Press, New York 1985).
55. FM Montgomery, 'The Truth about the Telegram', in microfiche 'The Woodford Speech of Nov 1954 and the famous telegram! ' BLM 162 reel 15, Montgomery Papers, IWM. Люнебург-Хит возле Гамбурга был тем самым местом, где произошла окончательная капитуляция северной немецкой группировки войск Германии, Голландии и Дании.

56. Churchill, *Triumph and Tragedy*, p. 499—500. Также see *The Times*, 25 November 1954.

57. 'Secret Memorandum', Appendix C, CPS 158/2, CAB 88/56, NA.

58. WSC to General Ismay (COS Committee), 17 May 1945, Churchill, *Triumph and Tragedy*, p. 500.

59. См. также Admiral Sir R. CTP. Ernle-Erle-Drax, 'Some Problems of the Next War', in *The Army Quarterly*, January 1947, Volume LIII, #2. О демобилизации см. Schnabel, *History of Joint Chiefs*, p. 212—226.

60. Цитата из Roy Douglas, *From War to Cold War 1942—48* (Macmillan, London 1981), p. 88.

61. PREM 3 396/12, NA. О «железном занавесе» в речи Черчилля см. David Reynolds, *From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s* (Oxford University Press, New York 2006), p. 248—249.

62. Reynolds, *From World War*, стр. 478, and Также Laurence Rees, *World War Two: Behind Closed Doors. Stalin, the Nazis and the West* (BBC Books, London 2008), p. 369. For Byrnes and Truman see Jenkins, *Truman*, p. 70—71.

63. Truman appointment sheet, 19 May 1945. Quoted in Robert H. Ferrell (Ed.), *Off the Record. The Private Papers of Harry S Truman* (Harper & Row, New York 1980), p. 31.

64. Линия Моргана поделила регион на западную «зону А» под управлением администрации союзников и восточную «зону В» под контролем Югославской народной армии. Это было всего лишь временной мерой в ожидании подтверждения границ на предстоящей мирной конференции. Важно отметить, что Триест и Гориция оставались в зоне контроля союзников. Вероятно, Кремль оказал некоторое давление на Тито, поскольку он подписал соглашение о де-

маркации 10 июня — это был шаг, который, несомненно, разрядил напряженную обстановку в регионе. Линия Моргана стала законной границей в сентябре 1947 года, согласно положениям, принятым на Парижской конференции; границы слегка сдвинулись — на несколько миль к западу. Сегодня линия Моргана проходит по территории Словении.

65. Lord Moran diary, 20 May 1945, p. 251.

66. Там же, 4 June 1945.

7. ПЛАН ГОТОВ

1. Доклад датирован 22 мая 1945 года, однако начальники штабов получили его только 24 мая.

2. Lord Alanbrooke diary, 24 May 1945, Alanbrooke Papers, LHCMA.

3. Lord Alanbrooke, 'Notes on my Life', Volume 15, ref. 5/2/27 (1955—1956), 4 Feb—3 July 1945, Alanbrooke Papers, LHCMA. Брук часто допускает временные неточности. 24 мая 1945 года он пишет о встрече «несколькими неделями раньше», хотя на самом деле встреча состоялась аж 2 октября 1944 года. Точно так же он называет дату 24 мая 1945 года — «через несколько дней после Дня Победы», хотя прошло более двух недель.

4. Alanbrooke diary, 7 May 1945, LHCMA.

5. Cunningham diary, 26 May 1945, MS 52578, Cunningham Papers, BL.

6. See Cunningham diary, 25 May 1945. Также Alanbrooke diary, 26 May 1945.

7. Truman to WSC, 2 June 1945, FO 954/20 #780, NA.

8. WSC to Truman, FO 954/20 # 786, NA.

9. Memorandum #24 by Charles E. Bohlen, '1st Conversation at the Kremlin, 8pm, 26 May 1945', Ref 740.00119 (Potsdam)

6—645, Potsdam Briefing Book, US Department of State, US National Archives.

10. Christopher Thorne, *Allies of a Kind. The United States, Britain, and the War Against Japan 1941—1945* (Hamish Hamilton, London 1978), p. 499.

11. Harry S. Truman diary, 13 June 1945, Harry S. Truman Library, www.trumanlibrary.org; Также Charles E. Bohlen, *Witness to History 1929—1969* (WW Norton, New York 1973), p. 215. For Hopkins see Christopher Andrew and Oleg Gordievsky, *KGB. The Inside Story of its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev* (Sceptre, London 1991), p. 147.

12. Charles Mee, *Meeting at Potsdam* (Andre Deutsch, London 1975), p. 33—36.

13. Earl of Avon, *The Eden Memoirs. The Reckoning* (Cassell, London 1965), p. 539. See. Также Winston S. Churchill, *The Second World War. Volume VI. Triumph and Tragedy* (Cassell, London 1954), p. 501—505, and Roy Douglas, *From War to Cold War, 1942—1948* (Macmillan, London 1981), p. 92—93. See Также W. Averell Harriman and Elie Abel, *Special Envoy to Churchill and Stalin 1941—1946* (Hutchinson, London 1976), p. 452.

14. Alanbrooke diary, 31 May 1945.

15. John Colville, *Footprints in Time* (Collins, London 1976), p. 206—207.

16. WSC to Truman, 2 June 1945, PREM 3/473, NA. See Также WSC to FM Alexander, 29 May 1945, Char 20/225, CAC.

17. Churchill, *Triumph and Tragedy*, p. 487.

18. WSC to Truman, 23 June 1945, PREM 3/473, NA.

19. Одна из самых знаменитых *foibe* была обнаружена в Басовице (на самом деле это заброшенная шахта). На фоне

постоянной политической борьбы различных партий вопрос о массовых убийствах трактуется с разных точек зрения. Это породило и большое количество исследований на данную тему. См. Glenda Sluga, *The Problem of Trieste and the Italo-Yugoslav Border. Difference, Identity and Sovereignty in Twentieth-century Europe* (State University of New York, New York 2011). Также Joze Pirjevec, *Foibe. Una storia d'Italia* (Giulio Einaudi Editore, Turin 2009).

20. WSC to Truman, 4 June 1945, PREM 3/473, NA.

21. Alanbrooke diary, 8 June 1945.

22. Советские официальные источники достаточно противоречивы, когда речь заходит о финальной стадии разгрома немецких войск в январе 1945 года. Советское превосходство оценивается как 7 к 1 в пехоте и 4 к 1 в единицах бронетехники. См. James Lucas, *War on the Eastern Front* (Greenhill Books, London 1991), p. 50.

23. Доклад включал следующие итоговые подсчеты: всего союзники располагали 6048 самолетами. На долю США приходилось 3480 машин, Британии и доминионов — 2370, Польши — 198. Из общего количества стратегических бомбардировщиков в 2750 единиц на долю США приходилось 1008, Британии и доминионов — 1722, Польши — 20. См. Joint Chiefs report, 8 June 1945, CAB 120/691.

24. 'Report on Operation Unthinkable', chiefs of staff, 8 June 1945, CAB 120/691, NA.

25. Там же.

26. WSC to General Ismay, 10 June 1945, CAB 120/691, NA.

27. Alanbrooke diary, 11 June 1945.

28. Truman diary, 13 June 1945.

29. Ralph Ingersoll, *Top Secret* (Partridge Publications, London 1946), p. 271, 273.

30. Truman to WSC, 12 June 1945, Char 20/221, CAC. See. Также Cunningham diary, 12 June 1945. VCIGS to FM Montgomery, 15 June 1945, ref. 11, Alanbrooke Papers, LHCMA. Также, WSC to FM Alexander, 9 June 1945, Char 23/14, CAC; and WSC to Truman, 14 June 1945, Char 20/224, CAC.

31. Montgomery to Brooke, 14 June 1945, cipher message, BLM 162/2, Montgomery Papers, IWM.

32. Montgomery Memoir, June 1959, 'The Truth about the Telegram' in microfiche 'The Woodford Speech of Nov 1954 and the famous telegram! ' BLM 162 reel 15, Montgomery Papers, IWM.

33. Churchill to FM Montgomery, cipher, 23 June 1945, ref. 19; FM Montgomery to FM Brooke, 22 June 1945, ref. 18. Both Alanbrooke Papers, LHCMA.

34. See John Ray Skates, *The Invasion of Japan: Alternative to the Bomb* (The University of South Carolina Press, Columbia 1994).

35. 'Redeployment of US and British Forces after the Defeat of Germany', 1 April 1945, CAB 88/56, NA.

36. WSC to British Embassy, Moscow, 15 June 1945, Char 20/224.

37. WSC to M. Mikołajczyk, 26 June 1945, Char 20/225, CAC.

38. PPR получила 14 из 20 мест в кабинете министров, возглавляемом социалистом Особка-Моравским. Двумя его заместителями стали Миколайчик и коммунист Владислав Гомулка.

39. Подробнее о «процессе шестнадцати» см. Jozef Garliński, *Poland, SOE and the Allies* (George Allen and Unwin, London 1969), p. 227—233. For *Pravda* account see Zaslavsky memorandum, 20 June 1945, HS4/139, NA.

40. Nigel Cawthorne, *The Iron Cage* (Fourth Estate, London 1993).

41. Stalin to WSC, 23 March 1945, Ministry of Foreign Affairs USSR; J.V. Stalin, *Stalin's Correspondence with Churchill and Attlee 1941—1945* (Capricorn Books, New York 1965).

42. 'MPP' to Victor Cavendish Bentinck, 22 June 1945, HS4/145, NA.

43. War Office to FM Montgomery, 1 July 1945, Alanbrooke Papers, LHCMA.

44. Alanbrooke diary, 2 July 1945, LHCMA.

45. WSC to Truman, 3 July 1945, Char 20/222, CAC.

46. US Department of State. Diplomatic Papers: The Conference of Berlin 1945. Briefing Book Paper # 224.

47. Lord Moran, *Winston Churchill. The Struggle for Survival 1940—1965* (Constable, London 1966), p. 253.

48. Andrzej Suchitz and Jan Ciechanowski, 'The History of the Polish Intelligence Archives after 1945' in Tessa Stirling, Daria Nalecz and Tadeusz Dubicki (Eds.), *Intelligence Co-operation Between Poland and Great Britain during World War II, Volume I. The Report of the Anglo-Polish Historical Committee* (Valentine Mitchell, London 2005), p. 13—28.

49. Консерватор Роберт «Боб» Бутби вспоминал печальный ланч со своим старым другом, министром иностранных дел Чехии Яном Масариком, который каялся, что ему попросту приказали признать новую польскую администрацию, но он никак не мог заставить себя сделать это. См. Robert Boothby, *Boothby. Recollections of a Rebel* (Hutchinson, London 1978), p. 204.

50. Anita Prazmowska, *Civil War in Poland 1942—1948* (Palgrave Macmillan, London 2004), p. 145—147.

51. О женщинах-военнослужащих см. WSC to Cabinet, 'Manpower', 5 July 1945, Char 23/13, САС. О демобилизации см. Alan Allport, *Demobbed. Coming Home After the Second World War* (Yale University Press, New Haven 2009), p. 26—29. О демобилизации в Красной Армии см. Catherine Merridale, *Ivan's War. The Red Army 1939—45* (Faber & Faber, London 2006), p. 306—307.

52. Bohlen, *Witness to History*, p. 226.

53. Там же, 7, 9 July 1945. Также Peter Clarke, *The Last Thousand Days of the British Empire* (Allen Lane, London 2007), p. 321.

8. КРЕПОСТЬ «ВЕЛИКОБРИТАНИЯ»

1. Jock Colville, *The Fringes of Power. Downing Street Diaries 1939—1955* (Hodder & Stoughton, London 1985), p. 610.

2. О Черчилле-художнике см David Coombs, with Minnie Churchill, *Sir Winston Churchill's Life Through His Paintings* (Chaucer Press, London 2003).

3. Vladislav Zubok and Constantine Pleshakov, *Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Khrushchev* (Harvard University Press, Cambridge MA 1996), p. 48—50.

4. Tom Bower, *The Perfect English Spy. Sir Dick White and the Secret War 1935—90* (Heinemann, London 1995). Sir Dick White became chief of SIS in 1956.

5. В течение весенних месяцев 1945 года большое количество западных украинцев было депортировано в Сибирь и заменено этническими русскими. Тем не менее бандиты и националисты продолжали скрываться в лесных схронах в районе Карпат. См. A.H.S. Candlin, 'Czechoslovakia, Ukrainian Separatism and Soviet Security', *The Army Quarterly & Defence Journal*, January 1972.

6. JPS report on 'Operation Unthinkable', 11 July 1945, p. 1.
7. Там же, p. 2.
8. Jonathan Walker, *Poland Alone*, p. 243—244.
9. Irmgard Grottrup, *Rocket Wife* (Andre Deutsch, London 1959), p. 179.
10. Подробнее о послевоенном ракетостроении в СССР см. Frederick Ordway and Mitchell Sharpe, *The Rocket Team* (Heinemann, London 1979), p. 318—343.
11. WSC to Sir Archibald Sinclair, 28 March 1945, CAB 120/750, NA.
12. JPS report on 'Operation Unthinkable', 11 July 1945, CAB 120/691, NA.
13. Там же.
14. В послевоенные годы рассматривалась идея о создании британского правительства в изгнании. Назывались доминионы в Карибском море, а также Кимберли в Южной Африке. Jasper Humphreys — автору, 13 May 2012.
15. «Внутренний флот» состоял из двух линейных кораблей, четырех крейсеров, трех истребительных флотилий и трех подводных флотилий. На восточном побережье берег защищали три эскадры эсминцев и шесть МТВ / МГБ флотилий. Южное побережье патрулировалось двумя крейсерами, тремя эскадрами эсминцев и шестью МТВ / МГБ флотилиями. JPS report, 11 July 1945, CAB 120/691, NA.
16. Эти объединенные силы приравнивались к общему количеству сил на период окончания Второй мировой войны.
17. JPS report, 11 July 1945, CAB 120/691, NA.
18. Lord Moran, *Winston Churchill*, p. 257.
19. Winston S. Churchill, *The Second World War. Volume VI*, p. 553.

20. Хотя принято считать, что Трумэн узнал об атомном проекте только после смерти Рузвельта, есть несколько свидетельств того, что Рузвельт мог говорить о бомбе Трумэну за 8 месяцев до своей смерти.

21. James Leasor, *War at the Top*, p. 289.

22. Lord Moran diary, 16 July 1945.

23. Harry S. Truman diary, 16 July 1945, Harry S. Truman Library, www.trumanlibrary.org.

24. Там же, 17 July 1945. Разумеется, позднее Трумэн пересмотрел свое мнение о Сталине.

25. Leasor, *War at the Top*, p. 291.

26. Stephen Walker, *Shockwave. The Countdown to Hiroshima* (John Murray, London 2005), p. 65—74. Также Dr Peter Pedersen, 'On the Trail of the Bomb' in *Battlefields Review*, Issue 20.

27. Fred Freed (Prod.), NBC White Paper. The Decision to Drop the Bomb, broadcast in 1965.

28. Colville, *Fringes of Power*, p. 610.

29. См. Venona transcripts, особенно 16 April 1945, где Чарли (Фукса) хвалят за информацию о магнитном методе разделения в атомной бомбе. www.nsa.gov/publicinfo/files/venona/1945

30. Amy Knight, *Beria. Stalin's First Lieutenant* (Princeton University Press, Princeton 1993), p. 135—136. Через две недели после бомбардировки Хиросимы Сталин и Берия создали «Особый Комитет по ядерной бомбе», заменивший Научно-технический совет. Советский шпион Джон Кернкросс был личным секретарем лорда Хенки, который в свое время был связан с ядерным проектом «Tube Alloys». Дональд Маклин, как один из секретарей англо-американского Объединенного Комитета, имел доступ к американским атомным

секретам, в особенности же — к жизненно важной информации о том, что США и Британия обладают 90 % запасов урана за пределами СССР. См. Robert Cecil, *A Divided Life. A Biography of Donald Maclean* (The Bodley Head, London 1988), p. 71. О Сталине см. Zubok and Pleshakov, *Inside the Kremlin's Cold War*, p. 39—42.

31. Alanbrooke diary, 23 July 1945, Alanbrooke Papers, LHCMA.

32. Lord Moran, 22 July 1945, p. cit. Об атомной бомбе см. Alanbrooke diary, 23 July 1945. По иронии судьбы Черчилль незадолго до этого имел беседу с маршалом авиации Порталом и говорил, что разрушение немецких гражданских объектов, таких, как Дрезден, является «актом устрашения». См. 'The Final Act' in Max Hastings, *Finest Years. Churchill as Warlord 1940—45* (Harper Press, London 2009).

33. Lord Alanbrooke, 'Notes on My Life', 23 July 1945, LHCMA.

34. Америка и Британия делились информацией по ядерным программам вплоть до подписания в 1946 году Акта об атомной энергии, после чего сотрудничество было свернуто, и Британия начала разработку собственной ядерной программы. Первая английская атомная бомба была испытана в 1952 году.

35. Stephen Ross, *American War Plans, 1945—1950* (Frank Cass, London 1996), p. 12—15. Американские начальники штабов наметили 20 населенных пунктов, одновременно являющихся промышленными центрами. Среди них Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск и Ленинград.

36. 'Record of Private Talk between the Prime Minister and Generalissimo Stalin', 18 July 1945, Char 23/14, CAC.

37. Mary Soames, *A Daughter's Tale* (Doubleday, London 2011), p. 361. Черчилль покидал Чекерс не навсегда. Он вернулся сюда в октябре 1951 года, вновь заняв пост премьер-министра.

38. Colville, *Fringes of Power*, p. 611. Также Zubok and Pleshakov, *Inside the Kremlin's Cold War*, p. 39.

39. Пересмотр границ делал Польшу зависимой от Советского Союза, поскольку только он мог защитить ее от Германии, если бы та решила когда-нибудь восстановить довоенные границы. См. Truman diary, 25 July 1945. Также Jerzy Lukowski and Hubert Zawadzki, *A Concise History of Poland* (Cambridge University Press, Cambridge 2006), p. 278.

40. Kenneth Harris, *Attlee* (Weidenfeld & Nicolson, London 1982), p. 266.

41. General Hollis memoir, p. 40, Hollis Papers, 86/47/1, p. 112, IWM.

42. Frank Roberts, *Dealing with Dictators*, p. 123—124.

43. Цитата из Anne Deighton, *The Impossible Peace: Britain, the Division of Germany and the Origins of the Cold War* (Clarendon Press, Oxford 1993), p. 15, 232—233.

44. Пол Тиббетс был командиром самолета «Энола Гэй». Экипаж этого не знал, но у него были с собой ампулы с цианидом. Если бы самолет был сбит после бомбометания, то самоубийство было бы предпочтительнее жестоких пыток и унижительного плена. См. James Cooke, 'VJ Day and the Bomb' in *Everyone's War*, No. 12, Autumn 2005.

45. Roy Jenkins, *Truman*, p. 77.

46. Peter Hennessy, *The Secret State. Whitehall and the Cold War* (Allen Lane, London 2002), p. 15—17. Также Harold Shukman (Ed.), *Agents for Change. Intelligence Services in the 21st Century* (St. Ermin's Press, London 2000), p. 22—27.

47. Цитата из Christopher Andrew and Vasili Mitrokhin, *The Mitrokhin Archive. The KGB in Europe and the West* (Allen Lane, London 1999), p. 166.

48. Pavel Fitin, quoted in Christopher Andrew and Oleg Gordievsky, *KGB. The Inside Story of its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev* (Sceptre, London 1991), p. 376. Подробнее о документах, переданных Советскому Союзу см. Nigel West and Oleg Tsarev (Eds), *Triplex. Secrets from the Cambridge Spies* (Yale University Press, New Haven 2009).

49. Andrew and Mitrokhin, *Mitrokhin Archive*, p. 167.

50. Подробнее о предательстве Маклина см. the Venona transcripts in Nigel West, *Venona. The Greatest Secret of the Cold War* (HarperCollins, London 1999), p. 121—140. Также Cecil, *Divided Life*, p. 76.

9. АМЕРИКАНСКИЕ ЯСТРЕБЫ

1. Соглашение по послевоенному стратегическому плану между американским Комитетом начальников штабов и их коллегами датировалось 4 августа 1945 года. См. memorandum, 8 August 1945, JPS PM-44 CCS 381 (5—31—45), US National Archive (hereafter USNA).

2. James Schnabel, *The History of the Joint Chiefs of Staff*, p. 140.

3. Christopher Thorne, *Allies of a Kind. The United States, Britain, and the War Against Japan 1941—1945* (Hamish Hamilton, London 1978), p. 508.

4. О журналисте *Los Angeles Enquirer* см. ‘Notes on Tour of USA’, 15 February 1946, File H4/4, Major-General F.H.N. Davidson Papers, LHCMA.

5. JIC 329, 3 November 1945; see Larry Valero, ‘The American Joint Intelligence Committee and Estimates of the

Soviet Union 1945—1947. An Impressive Record' in *Studies in Intelligence* (CIA), Summer 2000. Также Stephen Ross, *American War Plans*, p. 5—8.

6. Nelson MacPherson, *American Intelligence in War-Time London: The Story of OSS* (Frank Cass, London 2003), p. 232, 237—239.

7. В конце 1945 года американский Объединенный комитет военного планирования и Объединенный комитет разведки работали в тесном контакте с Объединенным штабом планирования, разрабатывая план на случай войны с Советским Союзом.

8. Подробнее о дискуссии 1946 года см. Eduard Mark, 'The War Scare of 1946 and its Consequences' in *Diplomatic History*, Volume 21, Issue 3, Summer 1997. Также Gian CTP. Gentile, 'Planning for Preventative War 1945—1950', *Joint Force Quarterly*, Spring 2000.

9. Harry S. Truman to James Byrnes, 5 January 1946. Цитата из Robert H. Ferrell, *Off the Record. The Private Papers of Harry S Truman* (Harper & Row, New York 1980), p. 80.

10. Интервью с профессором Джорджем Кеннаном, 'Comrades', *Cold War*, National Security Archive, George Washington University, www.nsarchive.org. Хорошо показаны усталость от войны, истощение и желание женщин поскорее увидеть своих мужчин дома. Prof. Anita Prazmowska — автору, 17 January 2013.

11. Anne Deighton, *The Impossible Peace: Britain, the Division of Germany and the Origins of the Cold War* (Clarendon Press, Oxford 1993), p. 224; Также Victor Rothwell, *Britain and the Cold War 1941—1947* (Jonathan Cape, London 1982), p. 420. Хотя Франция и ее европейские соседи так и не стали коммунистическими, выборы 1946 года продемонстрирова-

ли, что коммунисты набирают около 30 % голосов. Следует помнить, что Сталин презирал Францию за ее поспешную капитуляцию перед Германией, которая и позволила Гитлеру ускорить нападение на Советский Союз в июне 1941 года. См. Anthony Beevor and Artemis Copper, *Paris After the Liberation 1944—1949* (Penguin, London 1944), p. 118.

12. JIC (46) 1 (0), CAB 81/132, NA.

13. Цитата из the *Daily Mail*, 25 November 1954. О пресесе времен холодной войны подробнее см. Alan Foster, 'The British Press and the Coming of the Cold War' in Anne Deighton (Ed.), *Britain and the First Cold War* (Macmillan, London 1990).

14. Dmitri Volkogonov (Trans. Harold Shukman), *The Rise and Fall of the Soviet Empire. Political Leaders from Lenin to Gorbachev* (HarperCollins, London 1998), p. 150.

15. Schnabel, *History of Joint Chiefs*, p. 93.

16. Ross, *American War Plans*, p. 10—11. К 1946 году американские вооруженные силы сократились с 8 млн человек до 2 млн человек. В течение следующих 18 месяцев это количество сократилось более чем на миллион человек.

17. Ross, *American War Plans*, p. 34—35. Также 'Estimate Based on Assumption of Occurrence of Major Hostilities', 0061 Reel I, JCS 20 April 1946, Records of Joint Chiefs of Staff GB 0099 KCLMA MF 1—70, LHCMA.

18. FM Wilson to General Ismay, 30 August 1946, CAB 120/691, NA.

19. Roy Douglas, *From War to Cold War, 1942—48* (Macmillan, London 1981), p. 144.

20. FM Wilson to General Ismay, 30 August 1946, CAB 120/691, NA.

21. FM Montgomery to Prime Minister Attlee; Также Price to General Hollis. Both 16 September 1945; Также Price to Hollis, 11 October 1945. All CAB 120/691, NA.

22. Hollis to Price, 16 September 1946, and Attlee to FM Wilson, undated; Также Hollis to Attlee, 8 October 1945. All CAB 120/691, NA.

23. Price to Colonel Mallaby, 15 October 1946, and Также undated memorandum # 563. Both CAB 120/691, NA. Если бы советские дивизии двинулись на Турцию, они столкнулись бы с естественными затруднениями в районе Дарданнел и Стамбула, что замедлило бы их продвижение на Ближний Восток. Даже со своим ограниченным запасом атомных бомб США могли бы практически обезглавить группировку противника в этом регионе. См. Diane Clemens, UC Berkeley, 14 July 1997.

24. К июню 1947 года количество служащих сократилось до 1,5 млн человек. См. Schnabel, *History of Joint Chiefs*, p. 238.

25. Schnabel, *History of Joint Chiefs*, p. 159—168. Также James F. Byrnes, *Speaking Frankly* (Harper & Bros., New York 1947), p. 256.

26. Харрис в последние годы пребывания в должности командующего стратегическими бомбардировщиками вообще довольно меланхолично смотрел в будущее. См. Sir Arthur Harris, *Bomber Offensive* (Collins, London 1947), p. 280.

27. Jerzy Lukowski and Hubert Zawadzki, *A Concise History of Poland* (Cambridge University Press, Cambridge 2006), p. 275.

28. George Kennan, in 'Comrades'. О Комитете начальников штабов см. Schnabel, *History of Joint Chiefs*, p. 107, 123. Было решено, что Англия окажет военную поддержку Гре-

ции и Турции, а США спонсируют военную промышленность Ирана в размере 10 млн долларов

29. *Daily Telegraph*, 26 November 1954; *Observer*, 28 November 1954.

30. *Daily Telegraph*, 27 November 1954.

31. Цитата из David Reynolds, *From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s* (Oxford University Press, New York 2006), p. 251.

ЭПИЛОГ

1. О голоде в послевоенной Европе см. Keith Lowe, *Savage Continent. Europe in the Aftermath of World War II* (Viking, London 2012), p. 34—40.

2. О военных планах Чехии см. Petr Luňak, 'War Plans from Stalin to Brezhnev: The Czechoslovak Pivot' in Vojtech Mastny (Ed.), with Sven Holtsmark and Andreas Wenger, *War Plans and Alliances in the Cold War. Threat perceptions in the East and West* (Routledge, London 2006), p. 72—94, 176.

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ

Aldrich, Richard J., *British Intelligence, Strategy and the Cold War 1945—51* (Routledge, London 1992). — *The Hidden Hand* (John Murray, London 2001).

Allen, Debra, *The Oder-Neisse Line. The United States, Poland and Germany in the Cold War* (Praeger, Westport 2003).

Allport, Alan, *Demobbed. Coming Home after the Second World War* (Yale University Press, New Haven 2009).

Anders, Lieutenant-General W., *An Army in Exile. The Story of the Second Polish Corps* (The Battery Press, Nashville 1981).

Anderson, Terry H., *The United States, Great Britain and the Cold War, 1944—1947* (University of Missouri Press, Columbia 1981).

Andrew, Christopher, and David Dilks, *The Missing Dimension. Governments and Intelligence Communities in the Twentieth Century* (Macmillan, London 1984).

Andrew, Christopher, and Oleg Gordievsky, *KGB. The Inside Story of its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev* (Sceptre, London 1991).

Andrew, Christopher, and Vasili Mitrokhin, *The Mitrokhin Archive. The KGB in Europe and the West* (Allen Lane, London 1999).

Applebaum, Anne, *Iron Curtain. The Crushing of Eastern Europe 1944—56* (Allen Lane, London 2012).

Avon, Earl of, *The Eden Memoirs. The Reckoning* (Cassell, London 1965).

Bader, William, *Austria Between East and West 1945—1955* (Stanford University Press, Stanford 1966).

Barber, J., and M. Harrison, *The Soviet Home Front 1941—1945. A Social and Economic History of the USSR in World War II* (Longman, London 1991).

Barker, Elisabeth, *Churchill and Eden at War* (Macmillan, London 1978).

Beever, Antony, *Berlin. The Downfall 1945* (Penguin, London 2002).

Beever, Antony and Artemis Copper, *Paris After the Liberation 1944—1949* (Penguin, London 1944).

Bell, P.M.H., *John Bull & the Bear. British Public Opinion, Foreign Policy and the Soviet Union 1941—1945* (Edward Arnold, London 1990).

Bialer, S. (Ed.), *Stalin and His Generals. Soviet Military Memoirs of World War II* (Cambridge University Press, Cambridge 1982).

Bohlen, Charles E., *Witness to History 1929—1969* (WW Norton, New York 1973).

Boothby, Robert, *Boothby. Recollections of a Rebel* (Hutchinson, London 1978).

Bower, Tom, *The Perfect English Spy. Sir Dick White and the Secret War 1935—90* (Heinemann, London 1995).

Boyd, Alexander, *The Soviet Air Force Since 1918* (Macdonald and Jane's, London 1977).

Broad, Lewis, *Sir Anthony Eden. The Chronicles of a Career* (Hutchinson, London 1955).

Browne, Anthony Montague, *Long Sunset. Memoirs of Winston Churchill's Last Private Secretary* (Cassell, London 1995).

Butler, John, *The Red Dean of Canterbury. The Public and Private Faces of Hewlett Johnson* (Scala, London 2011).

Butler, Rupert, *Stalin's Secret War. The NKVD on the Eastern Front* (Pen & Sword, Barnsley 2010).

Butler, Susan (Ed.), *My Dear Mr. Stalin. The Complete Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and Joseph V. Stalin* (Yale University Press, New Haven 2005).

Byrnes, James F., *Speaking Frankly* (Harper & Bros., New York 1947).

Campbell, Thomas, and George Herring (Eds), *The Diaries of Edward R Stettinius Jr., 1943—1946* (New Viewpoints, New York 1975).

Carlton, David, *Anthony Eden. A Biography* (Allen Lane, London 1981). — *Churchill and the Soviet Union* (Manchester University Press, Manchester 2000).

Cawthorne, Nigel, *The Iron Cage* (Fourth Estate, London 1993).

Cecil, Robert, *A Divided Life. A Biography of Donald Maclean* (The Bodley Head, London 1988).

Charmley, John, *Churchill's Grand Alliance. The Anglo-American Special Relationship 1940—57* (Hodder & Stoughton, London 1995).

Chisholm, Anne, and Michael Davie, *Beaverbrook. A Life* (Hutchinson, London 1992).

Churchill, Winston S., *The Second World War. Volume VI. Triumph and Tragedy* (Cassell, London 1954).

Clarke, Peter, *The Last Thousand Days of the British Empire* (Allen Lane, London 2007).

Colville, John, *Footprints in Time* (Collins, London 1976). — *The Fringes of Power. Downing Street Diaries 1939—1955* (Hodder & Stoughton, London 1985).

Coombs, David, with Minnie Churchill, *Sir Winston Churchill's Life Through His Paintings* (Chaucer Press, London 2003).

Cox, Geoffrey, *The Road to Trieste* (Heinemann, London 1947).

Cradock, Percy, *Know Your Enemy. How the Joint Intelligence Committee Saw the World* (John Murray, London 2002).

Danchev, Alex, and Daniel Todman (Eds), *War Diaries 1939—1945. Field Marshal Lord Alanbrooke* (Weidenfeld & Nicolson, London 2001).

Davies, Norman, *God's Playground. A History of Poland, Volume II. 1795 to the Present* (Oxford University Press, Oxford 2005). — *Rising '44. The Battle for Warsaw* (Macmillan, London 2003).

Deane, John R., *The Strange Alliance. The Story of Our Efforts at Wartime Cooperation with Russia* (The Viking Press, New York 1947).

Deighton, Anne (Ed.), *Britain and the First Cold War* (Macmillan, London 1990). — *The Impossible Peace. Britain, the Division of Germany and the Origins of the Cold War* (Clarendon Press, Oxford 1993).

Dickens, Admiral Sir Gerald, *Bombing and Strategy. The Fallacy of Total War* (Sampson Low, London 1946).

Dorril, Stephen, *MI6. Fifty Years of Special Operations* (Fourth Estate, London 2000).

Douglas, Roy, *From War to Cold War, 1942—48* (Macmillan, London 1981).

Eisenhower, Dwight D., *Crusade in Europe* (William Heinemann, London 1948).

Erickson, John, *The Road to Berlin. Stalin's War with Germany. Volume II* (Cassell, London 2003).

Faringdon, Hugh, *Confrontation. The Strategic Geography of NATO and the Warsaw Pact* (Routledge & Kegan Paul, London 1986).

Ferrell, Robert H. (Ed.), *Dear Bess. The Letters from Harry to Bess Truman 1910—1959* (WW Norton, New York 1983). — *Off the Record. The Private Papers of Harry S Truman* (Harper & Row, New York 1980).

Folly, Martin H., *Churchill, Whitehall and the Soviet Union, 1940—1945* (Macmillan, London 2000).

Foot, M.R.D., *SOE. The Special Operations Executive 1940—1946* (Pimlico, London 1999).

Fraser, David, *Alanbrooke* (Collins, London 1982).

Gaddis, John Lewis, *We Now Know. Rethinking Cold War History* (Clarendon Press, Oxford 1997).

Garliński, Jozef, *Poland, SOE and the Allies* (George Allen and Unwin, London 1969).

Gawenda, Dr J., *The Soviet Domination of Eastern Europe in the Light of International Law* (Foreign Affairs Publishing Co., London 1974).

Gilbert, Martin, *The Day the War Ended. VE Day 1945 in Europe and Around the World* (HarperCollins, London 1995). — *Winston S Churchill. Volume VIII. 'Never Despair' 1945—1965* (Heinemann, London 1988).

Glanz, David, et al, *Slaughterhouse. The Handbook of the Eastern Front* (Aberjona Press, Bedford PA 2005).

Gorodetsky, G. (Ed.), *Soviet Foreign Policy, 1917—1991* (Frank Cass, London 1994).

Graml, Hermann, *Die Alliierten und Die Teilung Deutschlands. Konflikte und Entscheidungen 1941—1948* (Fischer Taschenbucher, Frankfurt 1985).

Greig, Ian, *The Assault on the West* (Foreign Affairs Publishing Co., Petersham 1968).

Grottrup, Irmgard, *Rocket Wife* (Andre Deutsch, London 1959).

Haape, Dr Heinrich, *Moscow Tram Stop. A Doctor's Experiences with the German Spearhead in Russia* (Collins, London 1957).

Hansen, Reimer, *Das Ende des Dritten Reiches. Die Deutsche Kapitulation 1945* (Ernst Klett, Stuttgart 1966).

Harbutt, Fraser J., *The Iron Curtain. Churchill, America, and the Origins of the Cold War* (Oxford University Press, New York 1986).

Yalta 1945. Europe and America at the Crossroads (Cambridge University Press, New York 2010).

Harriman, W. Averell, and Elie Abel, *Special Envoy to Churchill and Stalin 1941—1946* (Hutchinson, London 1976).

Harris, Sir Arthur, *Bomber Offensive* (Collins, London 1947).

Harris, Kenneth, *Attlee* (Weidenfeld & Nicolson, London 1982),

Harrison, Mark, *Accounting for War. Soviet Production, Employment, and the Defence Burden 1940—1945* (Cambridge University Press, Cambridge 1996).

Hastings, Max, *Armageddon. The Battle for Germany 1944—45* (Macmillan, London 2004). — *Finest Years. Churchill as Warlord 1940—45* (Harper Press, London 2009).

Hennessy, Peter, *Never Again. Britain 1945—1951* (Penguin, London 2006).

—*The Secret State. Whitehall and the Cold War* (Allen Lane, London 2002).

Herring, G.C., *Aid to Russia, 1941—1946. Strategy, Diplomacy, and the Origins of the Cold War* (Columbia University Press, New York 1973).

Hilderbrand, Robert C., *Dumbarton Oaks. The Origins of the United Nations and the Search for Postwar Security* (University of North Carolina Press, Chapel Hill 1990).

Hinsley, F.H., *British Intelligence in the Second World War. Its Influence on Strategy and Operations, Volume III, Part 2* (HMSO, London 1988).

Holmes, Richard, *The World at War. The Landmark Oral History* (Ebury Press, London 2007).

Howarth, Patrick, *Undercover. The Men and Women of the SOE* (Phoenix Press, London 2000).

Hull, Cordell, *The Memoirs of Cordell Hull, Volume II* (Hodder & Stoughton, London 1948).

Ingersoll, Ralph, *Top Secret* (Partridge Publications, London 1946).

Instytut Pami Eci Narodowej Komisja Scigania, *Operacja 'Sejm' 1944—1946* (Warsaw & Kiev, 2007).

Ismay, General Lord, *The Memoirs of General Lord Ismay* (Heinemann, London 1960).

Jablonsky, David, *Churchill, the Great Game and Total War* (Frank Cass, London 1991).

Jenkins, Roy, *Churchill* (Pan Macmillan, London 2002).

Jenkins, Roy, *Truman* (Collins, London 1986).

Johnson, Hewlett, *Soviet Success* (Hutchinson, London 1947).

Jurgielewicz, W., *Ludowe Wojsko Polskie 1943—1973* (MON, Warsaw 1974).

Kent, John, *British Imperial Strategy and the Origins of the Cold War, 1944—49* (Leicester University Press, Leicester 1993).

Kersten, Krystyna, *The Establishment of Communist Rule in Poland 1943—1948* (University of California Press, Berkeley 1991).

Kersten, Krystyna, *Repatriacja Ludno'sci Polskiej po II Woinie 'Swiatowej* (Studium historyczne, Wrocław 1974).

Khrushchev, Nikita S. (Trans. Strobe Talbot), *Khrushchev Remembers* (Little Brown, Boston 1970).

Kitchen, Martin, *British Policy Towards the Soviet Union during the Second World War* (Macmillan, London 1986).

Knight, Amy, *Beria. Stalin's First Lieutenant* (Princeton University Press, Princeton, 1993).

Kochanski, Halik, *The Eagle Unbowed. Poland and the Poles in the Second World War* (Allen Lane, London 2012).

Koehl, Robert Lewis, *The Black Corps. The Structure and Power Struggles of the Nazi SS* (University of Wisconsin Press, Madison WI 1983).

Koehler, John, *Stasi. The Untold Story of the East German Secret Police* (Westview Press, Oxford 1999).

Kolko, Gabriel, *The Politics of War. The World and United States Foreign Policy 1943—1945* (Vintage Books, New York 1970).

Korboński, Stefan, *Fighting Warsaw. The Story of the Polish Underground State 1939—1945* (Hippocrene Books, New York 2004).

Kuniholm, Bruce, *The Origins of the Cold War in the Near East. Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey and Greece* (Princeton University Press, Princeton 1980).

Łabuszewski, Tomasz, *Rzeczpospolita Utracona* (Instytut Pamięci Narodowej, Warszawa 2011).

Leahy, William, *I Was There. The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman Based on his Notes and Diaries at the Time* (Gollancz, London 1950).

Leasor, James, *War at the Top. Based on the Experiences of General Sir Leslie Hollis* (Michael Joseph, London 1959).

Lewis, Julian, *Changing Direction. British Military Planning for Postwar Strategic Defence, 1942—1947* (Routledge, London 2003).

Linge, Heinz, *With Hitler to the End. The Memoirs of Adolf Hitler's Valet* (Frontline Books, London 2009).

Linz, S.J. (Ed.), *The Impact of World War II on the Soviet Union* (Rowman & Littlefield, New York 1985).

Louis, William, *Imperialism at Bay. The United States and the Decolonisation of the British Empire 1941—1945* (Oxford University Press, New York 1978).

Lowe, Keith, *Savage Continent. Europe in the Aftermath of World War II* (Viking, London 2012).

Lucas, James, *War on the Eastern Front* (Greenhill Books, London 1991).

Ludde-Neurath, Walter, *Regierung Donitz. Die letzten Tage des Dritten Reiches* (Scientific Publishers, Gottingen 1950).

Lukacs, John, *1945. Year Zero* (Doubleday, Garden City NY 1978).

Lukowski, Jerzy, and Hubert Zawadzki, *A Concise History of Poland* (Cambridge University Press, Cambridge 2006).

Lundestad, Gier, *The American Non-Policy towards Eastern Europe 1943—1947* (Universitetsforlaget, Oslo 1984).

Mackenzie, William, *The Secret History of SOE. Special Operations Executive 1940—1945* (St. Ermin's Press, London 2000).

MacPherson, Nelson, *American Intelligence in War-Time London. The Story of OSS* (Frank Cass, London 2003).

Maisky, Ivan, *Memoirs of a Soviet Ambassador* (Hutchinson, London 1967).

Mastny, Vojtech, *The Cold War and Soviet Insecurity. The Stalin Years* (Oxford University Press, Oxford 1996).

Mastny, Vojtech (Ed.), with Sven Holtsmark and Andreas Wenger, *War Plans and Alliances in the Cold War. Threat Perceptions in the East and West* (Routledge, London 2006).

Meacham, Jon, *Franklin and Winston. A Portrait of a Friendship* (Granta Books, London 2003).

Mee, Charles, *Meeting at Potsdam* (Andre Deutsch, London 1975).

Merridale, Catherine, *Ivan's War. The Red Army 1939—45* (Faber & Faber, London 2006).

Moran, Lord, *Winston Churchill. The Struggle for Survival 1940—1965* (Constable, London 1966).

Nel, Elizabeth, *Mr Churchill's Secretary* (Hodder & Stoughton, London 1958).

Ney-Krwawicz, Marek, *The Polish Resistance. Home Army 1939—1945* (PUMST, London 2001).

Nicolson, Nigel (Ed.), *Harold Nicolson Diaries 1907—1964* (Phoenix, London 2005).

North, John (Ed.), *The Alexander Memoirs* (Cassell, London 1963).

Ordway, Frederick, and Mitchell Sharpe, *The Rocket Team* (Heinemann, London 1979).

Ovendale, Ritchie (Ed.), *The Foreign Policy of the British Labour Governments 1945—1951* (Leicester University Press, Leicester 1984).

Overy, Richard, *Russia's War* (Penguin, London 1999).

Pepłoński, Andrzej, *Wywiad Polskich Sił Zbrojnych na Zachodzie 1939—1945* (Warszawa 1995).

Persak, Krzysztof, and Łukasz Kamiński (Eds), *A Handbook of the Communist Security Apparatus in East Central Europe 1944—1989* (Institute of National Remembrance, Warsaw 2005).

Petrov, Nikita, *The First Chairman of the KGB. Ivan Serov* (Materick, Moscow 2005).

Petrova, Ada, and Peter Watson, *The Death of Hitler* (WW Norton, New York 1995).

Piekarska, Anna, (Ed.), *PRL-Tak daleko, tak blisko* (Instytut Pamięci Narodowej, Warszawa 2007).

Pirjevec, Joze, *Foibe. Una storia d'Italia* (Giulio Einaudi Editore, Turin 2009).

Plokhy, S.M., *Yalta. The Price of Peace* (Penguin, London 2011).

Polonsky, Antony, and Bolesław Drukier (Eds), *The Beginnings of Communist Rule in Poland* (Routledge & Kegan Paul, London 1980).

Prazmowska, Anita, *Civil War in Poland 1942—1948* (Palgrave Macmillan, London 2004).

Pylat, Joanna, Jan Ciechanowski and Andrzej Suchitz (Eds), *General Władysław Anders. Soldier and Leader of the Free Poles in Exile* (Polish University Abroad, London 2007).

Raack, R.C., *Stalin's Drive to the West 1938—1945. The Origins of the Cold War* (Stanford University Press, Stanford 1995).

Rawson, Andrew, *Organizing Victory: The War Conferences 1941—1945* (Spellmount, Stroud 2013).

Rees, Laurence, *World War Two: Behind Closed Doors. Stalin, the Nazis and the West* (BBC Books, London 2008).

Reshetnikov, Vasiliy, *Bomber Pilot on the Eastern Front* (Pen & Sword, Barnsley 2008).

Resis, Albert (Ed.), *Molotov Remembers. Inside Kremlin Politics* (Ivan Dee, Chicago 1993).

Reynolds, David, *From World War to Cold War. Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s* (Oxford University Press, New York 2006). — *In Command of History. Churchill Fighting and Writing the Second World War* (Penguin, London 2005).

Roberts, Frank, *Dealing with Dictators. The Destruction and Revival of Europe 1930—70* (Weidenfeld & Nicolson, London 1991).

Roberts, Geoffrey, *Stalin's General. The Life of Georgy Zhukov* (Icon Books, London 2012).

Roosevelt, Elliott, *As He Saw It* (Duell, Sloan & Pearce, New York 1946).

Ross, Stephen, *American War Plans, 1945—1950* (Frank Cass, London 1996).

Rothwell, Victor, *Britain and the Cold War 1941—1947* (Jonathan Cape, London 1982).

Saunders, Hilary St George, *Royal Air Force 1939—1945, Volume III. The Fight is Won* (HMSO, London 1954).

Schnabel, James, *The History of the Joint Chiefs of Staff. The Joint Chiefs of Staff and National Policy, Volume I. 1945—1947* (Michael Glazier, Wilmington 1979).

Scott, Harriet Fast, and William F. Scott, *The Armed Forces of the USSR* (Westview Press, Boulder 1979).

Seaton, Albert, and Joan Seaton, *The Soviet Army. 1918 to the Present* (The Bodley Head, London 1986).

Sherwin, Martin, *A World Destroyed. The Atomic Bomb and the Grand Alliance* (Alfred Knopf, New York 1975).

Shore, Marci, *Caviar and Ashes. A Warsaw Generation's Life and Death in Marxism 1918—1968* (Yale University Press, New Haven 2009).

Shukman, Harold (Ed.), *Agents for Change. Intelligence Services in the 21st Century* (St Ermin's Press, London 2000).

Skates, John Ray, *The Invasion of Japan. Alternative to the Bomb* (The University of South Carolina Press, Columbia 1994).

Sluga, Glenda, *The Problem of Trieste and the Italian-Yugoslav Border. Difference, Identity and Sovereignty in Twentieth-century Europe* (State University of New York, New York 2011).

Soames, Mary, *A Daughter's Tale* (Doubleday, London 2011),

Stafford, David, *Britain and European Resistance 1940—1945. A Survey of the Special Operations Executive with Documents* (Macmillan, London 1980).

Stalin, J.V., *Stalin's Correspondence with Churchill and Attlee 1941—1945* (Capricorn Books, New York 1965).

Steininger, R., and J. Foscith (Eds), *Die Britische Deutschland und Besatzungspolitik 1945—1949* (German Historical Institute, London 1984).

Stimson, Henry L., and McGeorge Bundy, *On Active Service in Peace and War* (Hutchinson, London 1947).

Stirling, Tessa, Daria Nał, ecz and Tadeusz Dubicki (Eds), *Intelligence Cooperation Between Poland and Great Britain during World War II, Volume I. The Report of the Anglo-Polish Historical Committee* (Valentine Mitchell, London 2005).

Suvorov, Viktor, *Inside the Soviet Army* (Hamish Hamilton, London 1982).

Suvorov, Viktor (Vladimir Rezun), *Icebreaker. Who Started the Second World War* (PL UK Publishing, Bristol 2009).

Sword, Keith, Norman Davies and Jan Ciechanowski, *The Formation of the Polish Community in Great Britain 1939—50* (School of Slavonic and East European Studies, London 1989).

Szkopiak, Zygmunt (Ed.), *The Yalta Agreements. Documents Prior To, During and After the Crimea Conference 1945* (Polish Government-in-Exile, London 1986).

Terkel, Studs, 'The Good War'. *An Oral History of World War Two* (Ballantine Press, New York 1985).

Thomas, Donald, *Freedom's Frontier. Censorship in Modern Britain* (John Murray, London 2007).

Thomas, Hugh, *Armed Truce. The Beginnings of the Cold War 1945—46* (Atheneum, New York 1987).

Thorne, Christopher, *Allies of a Kind. The United States, Britain, and the War Against Japan 1941—1945* (Hamish Hamilton, London 1978).

Thorwald, Jurgen, *Das Ende an der Elbe. Die letzten Monate des Zweiten Weltkriegs im Osten* (Steingruben, Stuttgart 1954).

Toland, John, *Adolf Hitler* (Doubleday, London 1976).

Tubbs, D.B., *Lancaster Bomber* (Macmillan, London 1972).

Van Tuyll, H. P., *Feeding the Russian Bear. American Aid to the Soviet Union, 1941—1945* (Westport 1989).

Ulam, Adam, *Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy 1917—1967* (Praeger, New York 1968).

Volkogonov, Dmitri (Trans. Harold Shukman), *The Rise and Fall of the Soviet Empire. Political Leaders from Lenin to Gorbachev* (HarperCollins, London 1998).

Walker, Jonathan, *Poland Alone. Britain, SOE and the Collapse of the Polish Resistance 1944* (The History Press, Stroud 2010).

Walker, Stephen, *Shockwave. The Countdown to Hiroshima* (John Murray, London 2005).

West, Nigel, *Venona. The Greatest Secret of the Cold War* (HarperCollins, London 1999).

West, Nigel, and Oleg Tsarev (Eds), *Triplex. Secrets from the Cambridge Spies* (Yale University Press, New Haven 2009).

Wheeler-Bennett, Sir John (Ed.), *Action This Day. Working with Churchill* (Macmillan, London 1968).

Whiting, Charles, *Finale at Flensburg. The Story of Field Marshal Montgomery's Battle for the Baltic* (Leo Cooper, London 1973).

Wilmot, Chester, *The Struggle for Europe* (Collins, London 1952).

Yergin, Daniel, *Shattered Peace. The Origins of the Cold War* (Penguin, London 1990).

Zaloga, Steven, *The Polish Army 1939—45* (Osprey, Oxford 2005).

Zubok, Vladislav, and Constantine Pleshakov, *Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Khrushchev* (Harvard University Press, Cambridge MA 1996).

Журналы

The Army Quarterly

Battlefields Review

Diplomatic History

East European Quarterly

Everyone's War

Joint Force Quarterly

Studies in Intelligence

Архивы и Музеи

BBC Written Archives Centre, Reading

Daily Digests of World Broadcasts, March-July 1945.

British Library, London

Admiral Cunningham Papers (MS 52578)

Central Archives of Modern Records in Warsaw (*Archiwum Akt Nowych*)

Records of the Polish Underground State during WWII.

Records of underground movements during Soviet occupation.

Churchill Archives Centre, Churchill College, Cambridge University

Sir Winston Churchill Papers including:

Official: War Cabinet: Prime Minister's Directives by Prime Minister (Char 23/14)

Official: Prime Minister: Correspondence 1943—5 (Char 20/192)

Prime Minister: Personal Telegrams (Char 20/222, 20/224, 20/225)

Personal Photographs May-July 1945 (Chur 1/97 A-G)

Sir Percy Grigg Papers (GBR/0014/PJGG)

Imperial War Museum, London

Papers of General Sir Leslie Hollis (86/47/1)

Papers of FM Lord Montgomery (BLM 162)

Institute of National Remembrance, Warsaw (*Instytutu Pamięci Narodowej*)

Liddell Hart Centre for Military Archives, King's College, London (LHCMA)

Lord Alanbrooke Papers. Original diary 9/5/1945

'Notes on My Life', Volume XIII, 19/7/44—20/10/44.

Records of Joint Chiefs of Staff. Part II 1946—1953 (GB 099 KCLMA MF 1—70).

Lord Ismay Papers (GB099 KCLMA Ismay).

Major-General F.H.N. Davidson Papers (GB099 KCLMA Davidson)

Museum of the Warsaw Rising, Warsaw (*Muzeum Powstania Warszawskiego*)

National Security Archive, George Washington University, Washington

George Kennan Papers

Venona Transcripts

Polish Institute & Sikorski Museum, London (*Instytut Polski i Muzeum im. gen. Sikorskiego*)

Deputy Chief of General Staff (AX11 45/1)

Royal Air Force Museum, London

Air Marshal Sir Douglas Evill Papers (AC74/8)

The Second World War Experience Centre, Leeds (SWWEC)

Moser Papers

US National Archives and Records Administration (NARA), Washington DC

US Department of State: The Conference of Berlin (Potsdam) 1945.

Briefing Book Papers, Volume I, 'European Questions/The Hopkins

Mission to Moscow.

Photographic Archives of World War II.

Неопубликованные источники «Россия. Угроза западной цивилизации»

Впервые об операции «Немыслимое» заговорили после выхода второго тома военных дневников лорда Алана Брука — в 1959 году. Том под названием «Триумф Запада» содержал выдержки из записей военных и послевоенных лет, однако редактор книги, сэр Артур Брайант включил в примечания ссылки на некий внештатный план 1945 года, разработанный по личному приказу Уинстона Черчилля с целью нападения на Советский Союз.

Публикация произвела эффект разорвавшейся бомбы, тем более что она появилась в самый разгар холодной войны. И это еще только ссылка на план, а не сам документ!

Первоначальный план, если он еще существует, свет пока так и не увидел. Когда в 1972 году записи Объединенного штаба планирования стали достоянием общественности, они появились только в виде нескольких файлов и были помещены в Национальный архив. В папке, содержавшей записи, относящиеся к 1945 году, имелось несколько непол-

ных докладов и отчетов, помеченных грифом «Изыято». Никаких признаков особо драматичного содержания не наблюдалось, однако вполне вероятно, что именно эти изъятые документы относились к конфликту с Советским Союзом. В разгар холодной войны публикация подобных материалов была бы немыслима.

Действительно, уже в 1980 году под нажимом эксперта по вопросам обороны доктора Джулиана Льюиса кабинет министров подтвердил, что никакие дальнейшие разработки плана операции «Немыслимое» не велись. Затем, в 1998 году, уже после распада СССР, совершенно неожиданно Министерство обороны сняло гриф «Секретно» с файла «Россия — угроза западной цивилизации» и поместило его в Национальный архив. В этом документе содержатся заключительные отчеты по «Немыслимому», частично — переписка премьер-министра с начальниками штабов, однако полностью отсутствуют карты, прилагавшиеся к отчетам.

Документы польской разведки

Британско-польский исторический комитет, который был создан в 2000 году, получил краткое описание сохранившихся документов, якобы иллюстрирующих огромный вклад польской разведки в дело западных союзников во время Второй мировой войны. Однако, несмотря на тщательные поиски в государственных и частных архивах и даже в труднодоступных архивах британской разведки SIS, ни одна подобная запись так и не была обнаружена. Комитет пришел к тактичному выводу, что эти документы были уничтожены в конце войны и в последующие десятилетия. Тем не менее, будучи добросовестными исследова-

телями, члены Комитета продолжают вести поиски среди материалов, разбросанных по архивам Польши, Великобритании и США.

Советские источники

Как подчеркивал выдающийся исследователь англо-советских отношений профессор Фрейзер Харбутт, советские источники, ставшие доступными с 1989 года, оказались сплошным разочарованием. Мы не имеем возможности ознакомиться с архивами военного времени, особенно исследуемого периода. Большинство записей, находящихся в открытом доступе, касаются более поздних лет холодной войны, а не ее начала. Сталин, вероятно, уничтожил большую часть письменных свидетельств его правления, когда он являлся полновластным хозяином советской внутренней и внешней политики.

Содержание

Благодарности	3
ВВЕДЕНИЕ	6
1. СТРАХ, О КОТОРОМ МОЛЧАТ	13
2. ЯЛТА	20
3. ТРИ РЫБАКА	47
4. ПЛАН «БЫСТРЫЙ УСПЕХ»	58
5. ПЛАН — «ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА»	105
6. ТУЧИ СГУЩАЮТСЯ	124
7. ПЛАН ГОТОВ	160
8. КРЕПОСТЬ «ВЕЛИКОБРИТАНИЯ»	189
9. АМЕРИКАНСКИЕ ЯСТРЕБЫ	214
ЭПИЛОГ	230
ГЛОССАРИЙ	234
ПРИМЕЧАНИЯ	236
БИБЛИОГРАФИЯ	283

Научно-популярное издание

Военно-историческая библиотека

Уолкер Джонатан

ОПЕРАЦИЯ «НЕМЫСЛИМОЕ»

Третья мировая война

Выпускающий редактор *А.А. Александров*

Корректор *Р.Ф. Зайнуллина*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 20.12.2016. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «Peterburg С». Бумага офсетная.

Печ. л. 10. Тираж 800 экз. Заказ № 583.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59